

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени
В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 4 (70). № 3

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2018

**Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.
 Вернадского»**

**Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ
 ВО «КФУ им. В.И. Вернадского, протокол № 5 от 28 ноября 2018 г.**

**Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального
 университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Александрова И. В. – д. филол. н., проф.	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Гуменюк В. И. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Дзыга Я. О. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Дзюба Е. В. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Скороходько С. А. – к. филол. н., доц.
Злобина Н. Ф. – д. филол. н., проф.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Солопова О. А. – д. филол. н., проф.
Короченский А. П. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Маслова В. А. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Меметов А. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Нахимова Е. А. – д. филол. н., проф.	Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.
	Яценко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц.

(ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И.
 Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных
 изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени
 доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.00 –
 литературоведение; 10.02.00 – языкознание.

Подписано в печать 28.11.2018. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 22,6. Бесплатно. Дата выхода в
 свет

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
 ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,
 бул. Ленина, 5/7 <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2018 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161

КОНЦЕПТ «КРЫМ» В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Зябрева Г. А.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь,
Россия
E-mail: a.ischin@yandex.ua

В статье решается проблема функционирования ойконима «Крым» в творческом наследии Ф. М. Достоевского. Материалом изучения послужили сорок четыре упоминания о Крыме, выявленные автором публикации в публицистике, эпистолярной, романистике писателя разных лет. Анализ этих упоминаний позволяет заключить, что топонимическое определение «Крым» выполняет у Ф. М. Достоевского роль концепта, то есть такой единицы творческого мышления классика, которая концентрирует в себе объёмное социально-историческое содержание, спрессованное до одной лексемы (имени собственного), обладающей, однако, значительным ассоциативным и символическим потенциалом. Установлено, что ойконим «Крым» делает концептом закреплённость за ним строго определённого смысла, способного обогащаться, но не меняться принципиально, а также высокая частотность употребления классиком в поле художественных и нехудожественных ретрансляций разной жанрово-родовой природы.

Ключевые слова: Достоевский, Крым, Восточная война, концепт, творчество.

ВВЕДЕНИЕ

Одно из ключевых направлений современного литературоведения связано с изучением концептосферы русской классики. Причина понятна. Будучи мыслеобразом, то есть феноменом, двуединым по своей эстетической природе и обладая свойством в емких границах слова или словосочетания концентрировать значительное содержание, концепт выводит исследователя к самым основам представлений писателя о человеке и мире в целом.

Концепты словесного искусства, по мнению тех ученых, кто признает их существование (С. Аскольдов, Т. Васильева, Н. Володина, В. Зусман, И. Тарасова и др.), делятся на общелитературные и индивидуально-авторские. Последние могут пополнять разряд общелитературных, но при этом всегда сохраняют оригинальные смысловые повороты и обертоны, отражающие специфику творческого сознания того или иного мастера, его аксиологические и поэтологические предпочтения.

К числу наиболее успешных создателей мировоззренчески «заряженных» мыслеобразов, без всякого сомнения, принадлежит и Ф. М. Достоевский. Вот почему к его концепт-системе, построенной на диалектически подвижной иерархии взаимосвязанных единиц, в последнее время приковано активное внимание филологической науки. Анализу подвергнуты такие концепты Достоевского, как «гармония» (Т. Касаткина), «воздаяние» (М. Виролайнен), «время» (А. Серопян), «мысль» (Е. Федотова), «идиот» (Е. Бодалова), «падшая женщина» (Н. Зимина), «бесы» (Н. Истомина) и мн. др. Усилиями крымской литературоведческой школы выявлены и охарактеризованы базисные константы сознания автора: «живая жизнь» (М. Кустовская), «подполье» (Ю. Романов), «беспорядок», «богатырство», «странничество» (С. Капустина).

К сожалению, литературоведами пока не обозначена, хотя и почувствована одна из закономерностей концептотворчества Достоевского, а именно: способность выражать концепт посредством имен собственных – антропонимов и топонимов. Достоевистами установлена высокая символическая значимость онимов «Петр» и «София», «Раскольников» и «Карамазовы», с одной стороны, «Россия» и «Европа», «Сибирь» и «Америка», с другой. Но хотя все эти именованья, по общему заключению, содержат серьезный объем информации, спрессованный до отдельной лексемы, обладающей, однако, широким ассоциативным полем, они пока не получили достаточного истолкования в качестве концептов. Обойден вниманием в этом плане и ойконим «Крым», непосредственно связанный с важнейшими историософскими, социально-психологическими и национально-историческими воззрениями писателя. Именно поэтому анализ его оказывается насущно необходимым для отечественной науки.

Как известно, единой методики изучения концептов в гуманитаристике пока не выработано. Учеными апробируются лингвокультурологический (В. Карасик, Г. Слышкин, С. Воркачев и др.), семантико-когнитивный (З. Попова, И. Стернин, А. Бабушкин и др.), собственно культурологический (Ю. Степанов, С. Проскурин, А. Григорьев) подходы к этому феномену, включающие ряд сходных «операций» в процессе его выделения и описания. Опорным для нас стал *анализ* социально-

исторических и биографических факторов, повлиявших на генезис и смысловую эволюцию концепта, освоение сферы его бытования и принципов творческого воплощения. Применение этой методики в ходе интерпретации сорока четырех контекстуальных упоминаний о Крыме, обнаруженных нами у Ф.М. Достоевского, приводит к следующим результатам.

Первое. Крым в восприятии Ф.М. Достоевского является традиционным местом отдыха обеспеченных русских людей, в том числе интеллигенции. Об этом свидетельствуют эпистолярный писателя (1846, 1872–1873 гг.) и его повесть «Кроткая» (1876).

Второе. Полуостров, по Ф.М. Достоевскому, представляет собой благодатный объект для художественного изображения, в частности, средствами живописи и словесности. В первом случае имеются в виду полотна И. К. Айвазовского, во втором – литературные тексты «времен очаковских и покоренья Крыма», позитивно оцененные Достоевским, но упомянутые им без названий и авторства. При этом следует отметить, что образ Крыма как объект и стимул результативной художественной рефлексии подается дифференцированно: как образ Евпатории, Партенита, Севастополя. Сказанное подтверждают статьи и заметки писателя 1861–1876 гг.

Третье – и самое главное. Концепт «Крым» знаменует пространство ратной славы России на ее южных рубежах. При этом он вполне закономерно ложится в основу текста Крымской войны, сопоставляясь у Достоевского с концептом «Севастополь» и образуя с ним полное смысловое тождество. Доказательство этим наблюдениям находим в публицистике «Дневника писателя» (1876–1877) и в текстах всех великих романов Ф. М. Достоевского, за исключением «Братьев Карамазовых».

Наибольшая частотность использования Ф. М. Достоевским концепта «Крым» в военном дискурсе обязывает исследователя в первую очередь обратиться к данной области его творческой реализации. Это и составляет *цель* настоящей публикации.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Внимание к крымской военной тематике зарождается у Ф.М. Достоевского в период, когда он отбывает каторгу и солдатчину в Сибири. Освободившись из Омского острога (январь 1854), писатель получает возможность знакомиться с газетной и журнальной периодикой, касающейся перипетий Восточной войны 1853–1856 гг., на основании чего формирует собственное представление о ней. Это представление во многом совпадает с официальной позицией властей и – одновременно – в полной мере отражает чувства русского народа по отношению к противнику.

Ф. М. Достоевский пишет три стихотворения «На европейские события в 1854 году» (1854), «На 1 июля 1855 года» (1855) и «Умолкла грозная война <На коронацию и заключение мира>» (1856). Ни в одном из этих стихотворений Крым прямо не упомянут, но его опосредованное присутствие как арены конфликта Запада с Востоком ощущается в подтексте, обнаруживается ассоциативно. Автор оценивает войну как момент полного обнажения противоречий между Россией и Европой по вопросу о Балканах и Турции, как событие предательства католиками собратьев по Христианской вере, и – вместе с тем – как возможность родной страны, проявив всю силу своего героизма и самопожертвования, стать освободительницей и духовной окормительницей единоверных народов. Эти представления явятся определяющими для развития мыслеобраза «Крым» в последующих раздумьях Ф. М. Достоевского. С данным концептом, в частности, будет связана мысль о ключевых особенностях русского характера, о подлинных ценностях национального бытия, о судьбе и назначении России.

На страницах «Дневника писателя» Ф. М. Достоевский будет размышлять о том, что во время войны русские проявили не только чудеса самоотверженности, но и истинно христианской любви по отношению к вражескому воинству. Так, например, в статье «Из книги предсказаний Иоанна Лихтенбергера, 1528 года», помещенной в номере за май-июнь 1877 года, Ф.М. Достоевский напишет: «Этот народ, эти солдаты, взятые из народа, не знающего хорошенько молитв, подымали, однако же,

в Крыму, под Севастополем, раненых французов и уносили их на перевязку прежде, чем своих русских: “Те пусть полежат и подождут; русского-то всякий подымет, а французик-то чужой, его наперед пожалеть надо”. Разве тут не Христос, и разве не Христов дух в этих простодушных и великодушных, шутливо сказанных словах? Итак, разве не дух Христов в народе нашем – темном, но добром, невежественном, но не варварском. Да, Христос его сила, наша русская <...> сила ...» [т. 25, с. 123].

С точки зрения Ф. М. Достоевского, демонстрация готовности русского человека жертвовать жизнью за Отечество, до последнего дыхания защищать свои святыни, была совершенно лишена фанатизма и ненависти к противнику. Наоборот, Крымская война обнаружила присущую согражданам жажду братства и согласия со всем христианским миром. В апрельском номере «Дневника писателя» за 1876 год в статье «Парадоксалист» Ф.М. Достоевский вопрошал: «Вспомните, ненавидели ли мы французов и англичан во время Крымской кампании? Напротив, как будто ближе сошлись с ними, как будто породнились даже. Мы интересовались их мнением об нашей храбрости, ласкали их пленных; наши солдаты и офицеры выходили на аванпосты во время перемирий и чуть не обнимались с врагами, даже пили водку вместе. Россия читала про это с наслаждением в газетах, что не мешало, однако же, великолепно драться. Развивался рыцарский дух...» [т. 22, с. 125].

Примечательно, что дух этот был неистребим даже у тех, кто по воле Государя-Императора оказался отлученным от нормальной жизни. Об этом Ф. М. Достоевский заявлял письме к А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 года: «Я вон как-то зимою прочел в “Голосе» серьезное признание в передовой статье, что “мы, дескать, радовались в Крымскую кампанию успехам оружия союзников и поражению наших”. Нет, мой либерализм не доходил до этого; я был тогда еще в каторге и не радовался успеху союзников, а вместе с прочими товарищами моими, несчастенькими и солдатиками, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому и – хоть и оставался еще тогда все еще с сильной закваской шелудивого русского либерализма, <...> – но не считал себя нелогичным, ощущая себя русским» [т. 29, ч. I, с. 125].

Как видим, в приведенных примерах концепт «Крым» коррелирует с именованиями «Крымская война» или «Крымская кампания», а также с концептами

«героизм», «жертвенность», «дух Христов». Полным синонимом концепта «Крым» в рассуждениях Ф. М. Достоевского о войне 1853–1856 гг. выступает концепт «Севастополь». В ряде своих публикаций писатель упоминает перипетии обороны города, о которой размышляет также и в связи с личностью Эдуарда Ивановича Тотлебена. В послании А.Е. Врангелю из Семипалатинска от 23 марта 1856 года генерал Тотлебен аттестован «настоящим героем севавтопольским, достойным имен Нахимова и Корнилова» [т. 28, ч. I, с. 215]. В письме от 24 марта того же года, адресованном к самому Э.И. Тотлебену, открыто и восторженно выражается горячая «благодарность русского к тому, кто в эпоху несчастья покрыл грозную оборону Севастополя вечной, неувыдаемой славой» [т. 28, ч. I, с. 226].

Даже через 21 год раздумья о защите Севастополя неизменно соотносятся у Ф. М. Достоевского с восхищением гением Э. И. Тотлебена. В статье «Старое всегдашнее военное правило», помещенной в «Дневнике писателя» за октябрь 1877 года, Достоевский писал: «Тотлебен <...> наверно знал, что Севастополь все-таки возьмут наконец, и не могут не взять, как бы он ни защищал его. Но союзники уже наверно не знали и не предполагали, начиная осаду, что Севастополь потребует от них таких напряжений силы. Напротив, вероятно, полагали, что Севастополь займет их месяца на два и войдет лишь как мимоходный эпизод в обширный план тех бесчисленных ударов, которые они готовились нанести России и кроме взятия Севастополя. И вот именно Севастополь-то и сослужил службу неприступной твердыни, хотя и был взят под конец. Долгой, неожиданной для них гениальной защитой Тотлебена силы союзников, военные и финансовые, был истощены и потрясены до того, что по взятии Севастополя о дальнейших ударах нечего было и думать, и враги наши желали мира по крайней мере не менее нашего! А такие ли условия мира предложили бы они нам, если бы удалось им взять Севастополь через два месяца!» [т. 26, с. 36].

Выжидательная тактика иноземцев при осаде Севастополя иронически упоминается в романе «Преступление и наказание» (1866) следователем Порфирием Петровичем. Он дает понять, что якобы «правильная», а на деле провальная военная стратегия не способна привести к настоящему успеху [т. 6, с. 261].

Рассуждения писателя об итогах Крымской войны укладываются в ту систему координат, которая свойственна и его современникам, и даже сегодняшней исторической науке. Ф. М. Достоевский, искренне желавший победы русскому оружию в период, когда отбывал наказание, спустя десять лет с определенным «удовлетворением» пишет о поражении России. Однако в этом «удовлетворении» нет парадокса, потому что логика Ф. М. Достоевского обусловлена его истинно патриотическими чувствами. В главе «Нечто о политических вопросах» (апрельский 1876 года выпуск «Дневника писателя») находим следующий пассаж: «Я убежден, что самая страшная беда сразила бы Россию, если б мы победили, например, в Крымскую кампанию и вообще одержали бы тогда верх над союзниками! Увидав, что мы так сильны, все в Европе восстали бы на нас тотчас же, с фантастическою ненавистью. Они подписали бы, конечно, невыгодный для себя мир, если б были побеждены, но никогда никакой мир не мог бы состояться на самом деле. Они тотчас же бы стали готовиться к новой войне, имеющей целью уже истребление России, и, главное, за них стал бы весь свет. <...> Но нас тогда сберегла судьба, доставив перевес союзникам, а вместе с тем и сохранив всю нашу военную честь и даже возвеличив ее, так, что поражение еще можно было перенести. Одним словом, поражение мы перенесли, но бремя победы над Европой ни за что бы не перенесли, несмотря на всю нашу живучесть и силу» [т. 22, с. 221].

Так, может, следовало бы для окончательного «замирения» с иноземцами уступить им Крым? Ф. М. Достоевский, разумеется, не предлагает, да и не мыслит ничего подобного. Напротив, чтобы сберечь полуостров, он призывает власти пойти на какие угодно жертвы. В «Дневнике писателя» за июль–август 1876 года, хотя и вне связи с войной, в главе «Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах» звучит мысль: «Вообще, если б переселение русских в Крым <...> потребовало бы и чрезвычайных каких-нибудь затрат от государства, то на такие затраты, кажется, очень можно и чрезвычайно было бы выгодно решиться» [т. 23, с. 55]. Таким образом, мы видим, что Крым и Севастополь воспринимаются Ф. М. Достоевским как подлинная граница Русского мира, а вхождение Крыма в состав Российской державы и его оборона в период Восточной войны трактуются как хронологический рубеж между уходящей,

изжитой, и новой, судьбоносной для страны, эпохой. Отсюда же берет начало мысль Ф. М. Достоевского, что война за Христову правду дает подлинный импульс развитию народов, является катализатором их социального, нравственного, духовного самоопределения.

В художественном творчестве Ф. М. Достоевского участие в защите Крыма того или иного персонажа становится критерием его гражданской и человеческой значительности. Этот критерий предельно четко обозначен в романах: «Идиот» (1868), «Бесы» (1870), «Подросток» (1875). Так, обращение к концептам «Крым» и «Севастополь» в книге о «положительно прекрасном человеке» постоянно «окрашивает» речи генерала Иволгина. Напомним, что этот опустившийся человек, смешной и изолгавшийся, отчаянно стремится сохранить остатки чести и изыскивает эту возможность в воспоминаниях о прошлом. Он создает и распространяет миф о том, как в осажденном Севастополе был ранен тринадцатью пулями и стал любимейшим пациентом не только знаменитого хирурга Пирогова, практиковавшего в Русской армии, но даже и парижского гофмедика Нелатона, который выхлопотал в осажденный лагерь «свободный пропуск во имя науки» и спасения отважного героя [т. 8, с. 108].

В романе «Бесы» концепт «Севастополь» постоянно возникает в речах пьяницы и скандалиста Игната Лебядкина. Он сочиняет пошлые любовные стишки, обращенные к Лизе Тушиной, где, однако, с некоторым уважением упоминается «русская Троя»: «Любви пылающей граната / Лопнула в груди Игната. / И вновь заплакал горькой мукой / По Севастополю безрукий» [т. 10, с. 95]. Далее Лебядкин поясняет: «Всех более жалею себя, что в Севастополе не лишился руки для славы, не быв там вовсе, а служил всю кампанию по сдаче подлого провианта, считая низостью» [т. 10, с. 106]. Даже этот бессовестный трус и провокатор лелеет в недрах души мечту о высокой доле защитника города.

Не удалось поучаствовать в обороне полуострова и «генерал-лейтенанту Ставрогину, старцу легкомысленному, скончавшемуся от расстройства в желудке, по дороге в Крым, куда он спешил по назначению в действующую армию» [т. 10, с. 17]. Зато удостоился смерти на поле брани супруг книгоноши Софьи Матвеевны

Улитиной, в мирное время распространяющей Евангелие. «Сраженный в Севастополе пулей» [т. 10, с. 494], он оставил жену восемнадцатилетней вдовой, а она по своему сердоболию должна служить там «в сестрах» [т. 10, с. 488].

Не допущен автором к боевым действиям и герой «Подростка», русский скиталец, неординарный человек, истинный дворянин Андрей Петрович Версилов. Хотя он «в войну с Европой поступил опять на военную службу, но в Крым не попал и все время в деле не был» [т. 13, с. 65].

Комплекс идей, определивших наполнение близких по смыслу концептов «Крым», «Севастополь», «Крымская война», получил реализацию не только в собственном творчестве Ф. М. Достоевского, но и в его редакторской практике. Во время руководства известным и популярным журналом «Гражданин» (декабрь 1872 – апрель 1874) Ф. М. Достоевский напечатал два материала, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике. Первый материал принадлежал перу врача Н. И. Соловьева, написавшего большую статью «Севастопольские подвижницы» (1874, № 2) о сестрах милосердия, спасавших русских воинов в осажденном городе. Эта статья бросает ответ на деятельность не только реальных исторических лиц, но и на судьбу упомянутой выше Софьи Матвеевны Улитиной, чья история в романе «Бесы» завершается еще одним подвижническим деянием, послужившим духовному воскрешению «нравственного инвалида» Степана Трофимовича Верховенского. Бескорыстно ухаживая за смертельно больным старцем, героиня обнаруживает такую силу любви, терпения, смиренномудрия, что они открывают закоренелому атеисту сущность Божией благодати и путь в вечную жизнь.

Вторая статья в «Гражданине», названная «Севастопольские обеды» (1874, № 8), насколько нам известно, до сих пор не атрибутирована. Она посвящена ежегодному ритуалу поминовения героев Севастопольской обороны и пронизана глубочайшим, даже трепетным уважением к ним. Таким образом, в этих публикациях возникают еще два концепта, связанные с мыслеобразом «Крым». Это концепты «память» и «любовь», знаменующие благодарность потомков тем, кто отстоял крещальную купель Отечества и одновременно подлинный форпост Русского мира. Полагаем,

аналогии с нашей современностью в полной мере *актуализируют* и идеи Ф. М. Достоевского, и обращение к ним.

ВЫВОДЫ

Итак, ойконим «Крым» функционирует в творчестве классика в качестве мыслеобраза, имя-репрезентант которого совпадает с названием нашего полуострова.

Концептом данный ойконим делает, во-первых, высокая частотность его использования; во-вторых, широкий – хронологически и контекстуально – ареал применения; в-третьих, закреплённость за ним строго определённого символического значения, способного обогащаться, но не меняться принципиально.

Смысловое ядро концепта отражает эмоционально окрашенное отношение автора к Крыму как к прекрасному краю, ставшему, однако, ареной противоборства объединённого Запада с православным Востоком. Приядерную зону концепта формирует взгляд на войну как событие, хотя и разрушающее природную гармонию, но одновременно выявляющее лучшие ментальные качества русского человека. Периферийный, но ценностно значимый слой концепта базируется на идее защиты Крыма как важном индикаторе нравственного достоинства личности и народа.

В военном дискурсе Ф. М. Достоевского мыслеобразы «Крым», «Севастополь», отчасти «Крымская кампания» соположны друг другу и играют главенствующую роль по отношению к концептам «братство», «подвижничество», «любовь», «память» и т. п. Но в общих границах концептосферы писателя эта взаимосвязь может изменяться, определяясь диалектикой авторского сознания.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Пол. собр. соч.: В 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1990.
2. Концепт: грани понятия в современной науке: коллективная монография. – Вып. II. – Ногинск: Аналитика Родис, 2015. – 148 с.

3. Понятие «концепт», его сущность, границы и целесообразность применения при анализе художественного произведения: стенограмма заседания филолого-методологического семинара «Третье литературоведение» // Третье литературоведение. Материалы филолого-методологического семинара (2007–2008) / Под ред. Б. В. Орехова и С. С. Шаулова. – Уфа: Вигант, 2009. – С. 79–96.

References

1. Dostoevskii F. M. *Polnoe Sobranie Sochinenii v 30-ti T.* [Full Composition of Writings in 30 Volumes]. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990.
2. *Kontsept: Grani Ponyatiya v Sovremennoi Nauke: Kollektivnaya Monografiya* [Concept. The Verge of Concept in Modern Science (a Collective Monograph)]. Noginsk: Analitika Rodis Publ., 2015, 148 p.
3. *Ponyatie «Kontsept», Ego Sushchnost, Granitsy i Tselesoobraznost Primeneniya Pri Analize Khudozhestvennogo Proizvedeniya: Stenogramma Zasedaniya Filologo-Metodologicheskogo Seminara «Trete Literaturovedenie»* [The Notion of "Concept", Its Essence, Boundaries and Expediency of Application in the Analysis of a Work of Art (Transcript of the Meeting of the Philological-Methodological Seminar "The Third Literary Criticism"]. *Materialy filologo-metodologicheskogo seminara (2007–2008)*. Edit. B. V. Orekhova i S. S. Shaulova. Ufa: Vigant Publ., 2009, pp. 79–96.

THE CONCEPT OF *CRIMEA* IN THE CREATIVE CONSCIENCE OF DOSTOEVSKY

G. Zyabreva

Summary. The article deals with the problem of functioning of the oikonym *Crimea* in Dostoevsky's creative legacy. Forty-four conceptual references to *Crimea*, identified by the author in writer's journalism, epistolary, novelism of different years appeared to be the material of the study. The analysis of these references leads to the conclusion that the toponymic definition of *Crimea* serves as the concept. Such a unit of creative thinking of the classic, which concentrates an expansive socio-historical content, compressed to one token (proper name), which has, however, a significant associative and symbolic potential. The oikonym *Crimea* can be considered as a concept for the following reasons. Firstly, it's the strictly determined sense inherent this word, capable of enriching, but not changing fundamentally. Secondly, it's the high frequency of use in the field of artistic and non-artistic retranslations of different genre-generic nature.

Keywords: Dostoevsky, *Crimea*, Crimean War, concept, legacy.

УДК 821.161.1

**РОЛЬ «УКРАИНСКИХ МЕЛОДИЙ» Н. А. МАРКЕВИЧА В
ФОРМИРОВАНИИ УКРАИНСКОГО ТЕКСТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹**

Курьянов С. О.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь,
Россия
E-mail: so_k@inbox.ru

Данная статья ставит своей целью показать, как в творчестве Н. А. Маркевича впервые создавалось мифологизированное представление об Украине, нашедшее в дальнейшем своё воплощение в целом ряде произведений русских авторов и сформировавшее украинский текст в русской литературе. Анализ поэтического сборника «Украинские мелодии» показывает, что книга Н. А. Маркевича концептуально в запоминающихся константных мифологизированных формах воспроизводит представление об Украине, то есть создаёт знаковые для воспринимающего сознания обозначения, которые, закрепившись в русской литературе, формируют своеобразный украинский текст.

Ключевые слова: украинский текст, мифологизированные константные представления, Н. А. Маркевич, «Украинские мелодии», русская литература.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Своей работой о Петербургском тексте В. Н. Топоров, как верно заметил А. П. Люсый, «бросил методологический вызов России, и та ответила ему текстуальной революцией гуманитарного знания» [13, с. 9]. Исследователи начали мыслить большими текстовыми образованиями — *сверхтекстами*. Это позволяет сегодня по-новому взглянуть на литературную ситуацию в России первой трети XIX века, когда обращение русских писателей к украинской теме приобрело едва ли не всеобщий характер, и даёт основание говорить о том, что именно в тот период (особенно в конце 1820-х — начале 1830-х годов) началось формирование в русской литературе украинского текста.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00430.

Немалую роль в становлении украинского текста в русской литературе сыграла литературная деятельность Николая Андреевича Маркевича (1804—1860) — поэта, историка Украины, фольклориста, этнографа, музыканта и композитора.

Его роль высоко ценил Н. К. Зеров, называя «третьим в ряду поэтов, писавших на украинские темы» [6, с. 110], причем имелось в виду, что первый — Н. В. Гоголь, а второй — К. Ф. Рылеев.

Как личность Маркевич интересен кругом знакомств, поскольку состоял в переписке, сотрудничал, приятельствовал с самыми разными литературными и общественными знаменитостями. Его товарищами по Благородному пансиону при Петербургском университете были С. А. Соболевский, Л. С. Пушкин, М. И. Глинка, П. В. Нащокин, Н. А. Мельгунов. В этом кругу декабристы и деятели русской и украинской культуры В. К. Кюхельбекер, А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев, Ф. Н. Глинка, И. И. Пущин, П. И. Пестель, В. Л. Давыдов, С. Г. Волконский, И. П. Котляревский, Т. Г. Шевченко, Н. М. Языков, Н. В. Гоголь, Е. П. Гребёнка, М. С. Щепкин, Ф. В. Булгарин, Н. В. Кукольник, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, Н. А. и К. А. Полевые, М. А. Максимович, О. М. Бодянский и многие другие. Он был знаком с А. Мицкевичем и В. С. Караджичем.

Первые поэтические опыты Маркевича относятся ко времени пребывания в пансионе. Позже он активно занимается переводами произведений Дж. Байрона, Ф. Шиллера, А. Мицкевича, Э. Парни.

В начале двадцатых годов, являясь офицером Курляндского драгунского полка, расквартированного на Украине, поэт начал коллекционировать старинные рукописные книги и документы, относящиеся к истории родной земли. С середины двадцатых годов, после выхода в отставку, и до конца своей жизни, почти безвыездно (наведываясь лишь в Москву для издания своих произведений), он жил в своем родовом имении в селе Туровка Прилуцкого уезда Полтавской губернии.

Культурная и научная деятельность Н. А. Маркевича в этот период была многообразной и весьма плодотворной. Увидели свет три его поэтических сборника — «Элегии. Еврейские мелодии» (1829), «Стихотворения эротические. Паризина» (1829), «Украинские мелодии» (1831), — последний из которых стал

заметным явлением литературной жизни. Н. А. Маркевич продолжает поиск документов по истории Украины, и в 1842—1843 годах выходит пятитомная «История Малороссии». Плодом его фольклористической деятельности явились «Народные украинские напевы, положенные на фортепиано Николаем Маркевичем», изданные в 1840 году. На протяжении сороковых-пятидесятых годов он записывает и систематизирует более пятисот украинских пословиц и поговорок. К этому же времени относятся нотные записи украинских, русских, словацких, чешских, польских народных песен, полная запись украинского вертепного действия. Он публикует статьи и книги по истории, литературе, этнографии, большей частью связанные с жизнью Украины. Тогда же им были положены на музыку некоторые стихотворения Т. Г. Шевченко.

Понимание того, что развитие украинской темы в русской литературе в первой трети XIX века способствовало формированию украинского текста в русской литературе, появилось относительно недавно. На существование «малороссийского» текста в русской литературе впервые было указано в диссертации А. С. Шермет в связи с анализом творчества И. П. Борозды [25, с. 108], этот термин закрепился в статьях Д. П. Овчинникова, посвященным творчеству Н. В. Гоголя [20; 21]. Причём, как нам известно, оба исследователя воспользовались термином независимо друг от друга. Впрочем, когда автор данной статьи начал писать об украинском тексте [11; 12], он также не подозревал об утверждениях коллег.

Мы настаиваем на термине «украинский текст», поскольку считаем, что термин «малороссийский текст» значительно сужает смысловое наполнение явления.

Цель данной статьи — показать, как создавалось в творчестве Н. А. Маркевича мифологизированное представление об Украине, формировавшее украинский текст (сверхтекст) и нашедшее в дальнейшем своё воплощение в целом ряде произведений русских авторов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ.

Последний поэтический сборник Н. А. Маркевича «Украинские мелодии» увидел свет в Москве в начале 1831 года. В 1832 году в «Московском телеграфе» появилась одобрительная рецензия [8].

«Украинские мелодии» на протяжении полутора столетий лишь изредка привлекали внимание исследователей, прежде всего, в связи с обращением к ранним произведениям Т. Г. Шевченко. В 1896 году К. О. Студинский [23], в 1925 — М. Марковский [15], а в 1960 — Г. О. Гайдай [2] попытались рассмотреть влияние «Украинских мелодий» на произведения Великого Кобзаря. В поле зрения попали «мелодии» «Бандурист» (в связи с «Перебендей»), «Чигирин» (в связи со стихотворением «Чигрине, Чигрине...»), «Платки на козачьих крестах» (в связи с «Гайдамаками») и «Певец» (как программное произведение сборника). В той или иной мере к «Украинским мелодиям» обращались А. И. Белецкий [1, с. 197—198], И. Я. Заславский [5, с. 34—36], Е. М. Косачевская [9, с. 76—80]. В 1967 году впервые целостную характеристику сборнику дал Е. С. Шаблиовский [7, с. 270—271], взгляд которого двадцатью годами позже был существенно расширен и уточнен М. Т. Яценко [26, с. 15—16]. Из последних (хотя теперь и давних уже) работ следует назвать нашу статью [10, с. 21—30], посвященную целостному анализу сборника, и одну из глав монографии В. И. Мацапуры, где также содержится анализ поэтического сборника Н. А. Маркевича [16, с. 144—148]. В последнее десятилетие к «Украинским мелодиям» в своих статьях, а также в диссертации «Творчество Николая Маркевича в контексте европейского романтизма» в компаративном аспекте неоднократно обращалась О. В. Мельник [см.: 17; 18; 19]. Во всех исследованиях «Украинских мелодий», как давних, так и нынешних, взгляд на сборник как на явление, формирующее украинский текст в русской литературе, отсутствует.

Мифологизация Украины, обуславливающая её знаковость, узнаваемость для воспринимающего сознания, в сборнике Н. А. Маркевича начинается с первых же строк первой «мелодии» «Сон-трава»: «Вечером собирайтесь, девы, / Слушать песнь мою...» [14, с. 3]. И речь не о народном предании, связанном с сон-травой, которая также носит имя прострел, а по-научному пульсатилла (*Pulsatilla*). Речь о втором стихе — «слушать песнь мою». Маркевич сразу же вводит читателя в

мифологическое пространство, где герой-сказитель (лирический субъект, рассказчик-повествователь) — певец-бандурист.

На то, что главным героем сборника является именно бандурист первым указал Т. Г. Шевченко в стихотворении «Н. Маркевичу» (1840):

Бандуристе, орле сизий!
Добре тобі, брате:
Маєш крила, маєш силу,
Є коли літати [24, с. 127].

Бандурист — символ Украины, человек, без которого житель полуденной страны не знает прошлого, не понимает настоящего и не может увидеть будущего — седой певец, доносящий до современников правду.

Дело важное, святое
На Украине певец!
Запоеет ли? Легче вдвое
Для размученных сердец;
От врагов ли станет больно?
Старики идут невольню
Слушать песнь о старине;
А козаки молодые
Песни слушают живые
Об любви и об войне [14, с. 18], —

говорится о нём в «мелодии» «Бандурист». Гибель старого бандуриста, отправившегося на молебен в Киев, влечёт за собой потерю связи с историческими корнями, с прошлым, а без своих духовных скреп народ становится беззащитен [14, с. 20].

Однако Бандурист Маркевича не слепой украинский старец — сказитель народных дум. Он — близкий по духу и возрасту своему двадцатишестилетнему автору молодой певичко-гулякы, заведомо сельских вечерниц.

Правда, один раз — детям! — он заявляет: «Вам певец седой все расскажет...» [14, с. 85], — но это рисовка. Бандуриста выдают сельские девушки, совершая над ним тот самый обряд, о котором писал С. Е. Раич в стихотворении «Выкуп холостого» [см.: 22, с. 173]. В «мелодии» «Колода» рассказывается, как к ноге молодого Бандуриста девушки по традиции деревенского пасхального празднования привязывают колоду и призывают венчаться:

Нет, бандура! что по свету
Холостым весь век ходить?
Выставляй-ка ногу эту,
Дай колоду нацепить.
Выбирай из нас, влюбляйся,
Да к налою и венчайся [14, с. 72].

К тому же Бандурист — участник всех деревенских праздников — всегда в толпе молодежи и принимает участие в их играх. В «мелодии» «Иван Купала» он сам заявляет: «Станем прыгать мы толпами / Через крапиву и костры» [14, с. 90].

Так рождается в сборнике Маркевича *два мифологизированных константных представления об украинском сказителе-бандуристе*: в одном случае это старый слепой певец, который, «как Отец Поэзии, поет о необыкновенных случаях на земле Украинской» [14, с. XVIII—XIX], в другом Бандурист «Про гетманщину родную, / Про красавиц и весну» запекает «песню удалую» (курсив наш. — С. К.) [14, с. 71]. Эпитет «удалую» не подходит для песни старого, умудренного годами седобородого певца. Разделение старого и молодого бандуристов будет встречаться в русской литературе и в дальнейшем. Вспомним, что у Н. В. Гоголя в концовке «Страшной мести», например, «собрался народ около *старца бандуриста*, и уже с час слушал, как *слепец* играл на бандуре» (курсив наш. — С. К.) [4, с. 279], тогда как бандуристом

является и Левко в «Майской ночи, или Утопленнице», более того, бандура, с одной стороны, является выразителем его молодых чувств и мечтаний, с другой — становится инструментом его издевательств над отцом-соперником.

Но молодой Бандурист у Маркевича не менее старика-певца осознает свое предназначение. В «мелодии» «Певец», обстоятельно обосновывая свое жизненное кредо (и в этом сближаясь с автором, поэтом-романтиком), герой заявляет:

Певец вдохновенный назначен судьбою,
Чтоб голосом дивным тревожить мечту,
Чтоб петь и венчать благородной рукою
Отчизну, свободу, любовь, красоту [14, с. 35].

Бандурист в своих «мелодиях» шаг за шагом наполняет ощутимым смыслом слова «свобода», «любовь», «красота», и вскоре становится ясно, что они — производные слова «Отчизна», слова, которое вмещает в себя многое: природу Украины, ее жителей, их историческое прошлое, обычаи, предания, поверья, приметы...

В «Украинских мелодиях» заметно *мифологизирована украинская природа*. Для Маркевича, а, следовательно, для его героя-повествователя, Бандуриста, родная природа — неотъемлемая часть его самого, живое меняющееся явление, источник поэзии, песен.

Она *роскошна* (эпитет, ставший постоянным у русских романтиков для обозначения сути украинской природы). «Персики, абрикосы, черешни, каштаны, виноград, — пишет в предисловии к сборнику Маркевич, — все дает плод на земле Украинской. Белые акации, кипарисы, всякого рода розы, воздушные жасмины, и платаны, все может дать тень Украинцу, если он возьмет один только труд: посадит корень в землю» (здесь и далее пунктуация Н. А. Маркевича. — С. К.) [14, с. VII].

И Бандурист вслед за своим автором покорен картиной весны:

В небе жаворонки вьются,

В поле песни раздаются,
Все сады цветут,
Сладострастно дышат розы,
Сочный персик абрикозы
Ароматы льют
«Украина» [14, с. 39], —

или загадочными превращениями украинских ночей:

И в серебряном блеске венца
Подымается месяц молодой.
Без границ, без числа, без конца
Хороводом звезда за звездой
На небесные своды толпами выходят...
«Веснянка» [14, с. 48].

В обоих случаях невольно возникают ассоциации с гоголевскими природоописаниями: малороссийского полдня в «Сорочинской ярмарке» и малороссийской ночи в «Майской ночи, или Утопленнице».

Но любую иную природную красоту способны затмить величественный Днепр и бескрайние степи (типологические параллели с произведениями Н. В. Гоголя здесь также несомненны).

Великан-Днепр в «мелодии» Бандуриста оживает, обретает сначала облик новорожденного дитяти, к которому «Девы роем прилетели / И в венки из тростника / Люльку детскую одели», а затем — богатыря-гиганта, устремившего свой путь к морю. Жизнь реки обретает черты жизни человека, который, став юношей, «невесту ждет с тоскою» и, повстречав Десну («всех пленяя / В Киев шла Десна младая»), венчается с ней, благословенный киевскими церквями и монастырями.

Вместе они проходят свой непростой и извилистый путь. Уставшие и умудренные опытом, «супруги», пройдя заметную часть жизненного пути, замедлили свой бег и «оба поседели».

И вот наступает конец их земному существованию. Но они не умирают, а (подобно людям, чьи души по смерти тела возносятся к небесам) сливаются с необъятным океаном:

Видят бездну: ей ни лет,
Ни конца ей, ни начала,
Ни границы в мире нет;
Тайна вечная лежала
В глубине ее пучин; —
В ней исчезнул исполин
«Днепр» [14, с. 52—55].

Другое украинское чудо — степи (Маркевич пишет по-украински: «степ», в мужском роде — противопоставляя среднерусским степям): «...у нас это слово означает бесконечное пространство зелени, произведенной рукою природы Украинской для Украинских табунов... Чувство на таких степях...: кажется отделяешься от смертных, кажется ищешь границ беспредельности» [14, с. 123].

В «песне» Бандуриста степь оживает, дышит (напоминая степь в «украинских» стихотворениях Ф. Н. Глинки и «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя), но остается загадочной в своей безбрежной широте. Со стихотворением Ф. Глинки «Степь» [3, с. 271], посвященном также описанию украинской степи, произведение Маркевича сближают детали. Здесь высокие травы, скачущие табуны, «полевых зверьков семья», «скользящая змея», ковыль. Над степью проходит «солнце знойною тропой». «И склоняясь там, далеко» с ней «обнялось» (как в картине «малороссийского» полдня у Гоголя) небо:

...преграды

Нет ни мыслям, ни очам;
Не упрутся далью взгляды,
Здесь исчезло слово: там.

Там... Где там? Все бесконечность,
Все пространство без берегов.
Степ Украины — это вечность,
Это чувство, мысль без слов
«Степ» [14, с. 46—47].

В описании Днепра и степи Маркевич достигает значительной мифологизации. Для поэта, как и для его Бандуриста, они — не просто песня, они — ключ к пониманию украинской души. Богатырь-Днепр символизирует народ, по земле которого он протекает. Степь — душу народа, что на ней живет:

Необъятно благородна
Так Украинская кровь; —
Так безбрежна и свободна
Сердца чистого любовь! [14, с. 47].

Мифологизированы и жители Украины. Подробности в их описаниях, которые в это же время возникнут в повестях Гоголя, у Маркевича отсутствуют, но основные детали схвачены поэтом.

В «Украинских мелодиях» девушки — «прекрасней всех цветов». У них соловьиный голос, «темноглубые очи», «кудри черными волнами» («Украинские девы» [14, с. 45]), черные ресницы, румянец, «перси молодые, будто пена из воды» («Колода» [14, с. 73]), «лебяжья спина» («Солнце утопленников» [14, с. 23]), тополиный стан («Сула» [14, с. 59]), или — в другом случае — стан «высокий. Стройный, гибкий, как... каштан» («Колода» [14, с. 73]). Мифологизация девушек-

украинок будет довершена Н. В. Гоголем в «Вечерах...», О. М. Сомовым в «Киевских ведьмах», Е. П. Гребёнкой в «Рассказах пирятинца».

То же и с казачеством, которое к этому времени уже было подробно описано Ф. Н. Глинкой в «Зиновии Богдане Хмельницком, или Освобожденной Малороссии», В. Т. Нарезным в «Бурсаке» и «Двух Иванах», О. М. Сомовым в «Гайдамаке», будет обрисовано Н. В. Гоголем в «Вечерах...» и «Миргороде». У Маркевича подчеркнуто главное — героизм и патриотизм украинских казаков — качества, которые выразились прежде всего в жизни и подвигах славных предводителей казачества, принесших славу Украине: из Запорожской Сечи гетман Федор Богдан водил свои войска на Стамбул («Федор Богдан» [14, с. 60]),

В Украине святой Войнаровский рожден,
Украиной Палий, Наливайко вскормлен,
Сулою коня Сагайдачный поил,
Над нею Хмельницкий, Полуботок жил
«Украина» [14, с. 40]

Жизнь и занятия запорожцев, уже знакомые читателям по произведениям других авторов, отражены скупо, но очень динамично:

Там были козачьи в лесах курени,
В рассказах о битвах катились их дни,
Сверкали их копья, их сабли звучали,
Костры по ночам у шатров их пылали.
Там конь никогда не стоял без седла,
Копытом рыл землю и грыз удила.
Коль скоро Хмельницкий махнет булавою, —
Полковники выбегут шумной толпою;
Украина! свобода! — он крикнет полкам, —
И все понесется, и горе врагам!

«Чигирин» [14, с. 50]

Говоря о жителях Украины, невозможно также не вспомнить своеобразный символ Украины — седого старца-бандуриста, без присутствия которого редко обойдутся произведения русских авторов об Украине и не обойдётся ни один поэтический сборник украинских авторов 1830—1840-х годов.

Для завершения мифологизации Украины необходимо было обратиться к этно-фольклорной индивидуальности украинцев. И Маркевич первый целенаправленно это осуществил.

В «Малороссии» «все оживлено, все имеет дар слова; в древнем дубе таится существо неземное, в оставленном доме есть еще жители, хотя и невидимые; река есть обитель существ прелестнейших; ворон, филин предсказывают горести, кукушка пророчески исчисляет дни наши; овсянка...» [14, с. IX]. В стихах это оформлено таким образом:

Долго я внимал овсянке,
Так пропела мне она:
Уж ручьи бегут от снегу,
Топит реки теплый Май:
Изготовь, козак, телегу,
Сани завези в сарай.
«Весна» [14, с. 70].

Овсянка, а также названные Маркевичем ворон, филин, кукушка — голосисты, но у природы есть и молчаливые помощники: «В озере гуляя, щука / Уж хвостом пробила лед...» («Весна» [14, с. 70]).

В «Украинских мелодиях» «живут» ведьмы, русалки, домовые, змеи, упыри, черти, утопленники..., не все они приносят зло (например, добрый домовый научил Бандуриста «играть и петь» [14, с. 68]), но все они существа загадочные, и читатель узнает о самых разных поверьях. О чудесных свойствах сон-травы [14, с. 3—5], о

привычках ведьм и их внешнем виде [14, с. 6—8, 14—16], о том, как помочь душе самоубийцы расстаться с телом [14, с. 21—23], о «солнце утопленников» — луне [14, с. 24—26], о «приметах смерти» [14, с. 9—10], о «приметах по коню» [14, с. 12—13], о том, как найти клад [14, с. 89—90], о повадках русалок [14, с. 75—76] и змея [14, с. 83—84]. Поэт устами своего героя Бандуриста расскажет, что такое «любощи» [14, с. 81—82], можно ли верить кукушке [14, с. 79—80], какой знак несет в себе падающая звезда [14, с. 69].

Бандурист — житель села. Вот почему его «песни» порой не отвечают канонам романтической изящной словесности и в них появляются слова вроде *сарай, телега, женет, ноздри, морда*. Вот почему в подавляющем числе «мелодий» он говорит о различных преданиях и поверьях с полной серьезностью, и лишь изредка в них проскальзывает ирония.

Мы говорили уже о необычайной цельности сборника, связывая ее с образом Бандуриста. Но если Бандурист объединяет весь цикл, то стержнем композиции поэтического сборника является идея национально-освободительной борьбы. Идея не новая, пришедшая в литературу из общественной жизни и уже отчасти реализованная в творчестве К. Ф. Рылеева (поэмы «Войнаровский» и «Наливайко»). Это *едва ли не самое существенное мифологизированное константное представление об Украине*, которое закрепится в русской литературе, — о тяжелой судьбе украинского народа.

Маркевич так искусно составил сборник, что лишь при внимательном его чтении становится ясно: да, были трагические моменты в истории Украины, были тяжелые поражения, заканчивавшиеся иной раз разгромом войска и гибелью гетмана («Медный бык»), но были — и значительно чаще! — часы небывалого взлета, когда «гетманы с козаками / Издевались над врагами, / Грабили Стамбул» [14, с. 50], когда «от весел козачьих опенился Понт, / И мезтью Богдана вспылал Трапезонт» [14, с. 60]. Но все это кончилось с наступлением поры нового закабаления, время которого в «мелодии» «Бандурист» названо точно:

Вдруг приходят Москали

Дрались с Шведом, скот побили,
Козаков закабалили,
Съели хлеб, село сожгли! [14, с. 20].

А причина неудач и поражений, по мнению автора, кроется в забвении славных дел предков.

Появившись впервые в «мелодии» «Платки на козачьих крестах», утверждение «каждый помыкает нами» [14, с. 11] переходит из стихотворения в стихотворение («неужели нам остался только славы гул?»; «схоронили Украину мы в гробе Богдана»; «Гетманщины нет, Хмельницкого нет, — / А с ними и счастья давних тех лет!»), чтобы, превратившись в лейтмотив сборника, вылиться в горестную тираду:

А ныне... Кому мы готовим коней?
К чему нам козачки вскормили детей?
Не нам табуны отпаслися на воле:
Уж с сыном козак не наездники в поле!
Час от часу гаснет в Украине любовь, —
И стала как лед запорожская кровь.
«Чигирин» [14, с. 51].

Но оптимизм не изменяет автору (традиция, берущая свое начало в поэзии декабристов). И в «мелодии» «Федор Богдан» появляется серия риторических вопросов:

И что же! Навеки те дни миновались?
Ужели об них нам мечты лишь остались?
Ужель средь обширных Украины стран
Не может воскреснуть Федор Богдан? [14, с. 60].

Вот почему девушки, словно в ответ на это, в «мелодии» «Венки» заявляют юношам:

Вам ли венки девы плетут,
Нет! для певцов тех, что поют
Отчизну, красавиц, любовь и свободу.
Отдайте вы прежнее время народу,
Скуйте вы сабли из кос и серпов,
Будьте, как деды, — дождетесь венков! [14, с. 78]

Думается, в то время откровеннее высказать призыв к национальному освобождению было невозможно.

ВЫВОДЫ

Мы понимаем украинский текст в русской литературе как топический сверттекст, в котором вполне или частично явлены созданные писателями с помощью единого семиотического кода в разные литературные периоды и в различных (с точки зрения родовой, видовой, жанровой, а также идейной принадлежности) литературных произведениях устойчивые (константные) мифологизированные представления об Украине, отражающие неповторимость украинской земли и способные запечатлеваться воспринимающим сознанием независимо от историко-культурной эпохи, к которой интерпретатор принадлежит.

Изложенный выше материал, связанный с анализом поэтического сборника Н. А. Маркевича «Украинские мелодии», доказывает, что книга поэта не просто поднимает тему Украины, как на это указывалось исследователями ранее, но концептуально художнически Украину воспроизводит, причём воспроизводит в запоминающихся для воспринимающего сознания константных мифологизированных формах, то есть создаёт знаковые детали украинского текста, которые прочно и фактически в неизменном виде войдут в произведения об Украине

других русских авторов. Представления (в значительной мере мифологизированные) об украинских девушках, казачестве, бандуристе, украинской природе, украинской демонологии, фольклорных и этнографических особенностях украинской жизни, впервые вполне явленные у Н. А. Маркевича, закрепились в русской литературе, создавая своеобразный украинский текст.

Список литературы

1. Білецький, О. І. Зібрання праць: у 5-ти т. / О. Білецький; АН УРСР, Ін-т л-ри ім. Т. Г. Шевченка. — Київ: Наук. думка, 1966. — Т. 4. Російська література та російсько-українські літературні зв'язки. — 680 с.: іл.
2. Гайдай, Г. О. Т. Г. Шевченко і М. А. Маркевич / Г. О. Гайдай // Радянське літературознавство. — 1960. — № 3. — С. 61—67.
3. Глинка, Ф. Н. Избранные произведения / Ф. Н. Глинка; вступ. ст., подгот. текста и прим. В. Г. Базанова. — Л.: Совет. писатель; Ленинград. отд., 1957. — 504 с.
4. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / Н. В. Гоголь; АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); гл. ред. Н. Л. Мещеряков; ред.: В. В. Гиппиус (зам. гл. ред.) и др. — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937—1952. — Т. 1. Ганц Кюхельгартен; Вечера на хуторе близ Диканьки / ред. М. К. Клеман. — 1940. — 556 с.
5. Заславский, И. Я. Пушкин и Украина: Украинские связи поэта, украинские мотивы в его творчестве / И. Я. Заславский. — К.: Вища школа, 1982. — 152 с.
6. Зеров, М. К. Лекції з історії української літератури: 1798—1870 / Микола Зеров; під ред. Д. В. Горзлін, О. Соловей. — Едмонтон: Видання Канадського Ін-ту Укр. Студій, 1977. — 271 с.
7. Історія української літератури: у 8 т. / редкол.: Є. П. Кирилюк (гол.) [та ін.; Ін-т літ-ри ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР]. — Київ: Наукова думка, 1967—1971. — Т. 2: Становлення нової літератури (друга половина XVIII — тридцяті роки XIX ст.) / Л. Є. Махновець [та ін.]. — 1967. — 483 с.

8. К. П. <Ксенофонт Полевой> «Украинские мелодии. Соч. Ник. Маркевича. М., 1831» / К. П. // Московский телеграф. — 1832. — Ч. 46. — № 13. — Июль. — С. 65—76.
9. Косачевская, Е. М. Н. А. Маркевич: 1804—1860 / Е. М. Косачевская; науч. ред.: Ю. Д. Марголис; Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. — 286 с.
10. Курьянов, С. О. Николай Маркевич и его «Украинские мелодии» // Вопросы русской литературы: межвузовский научный сборник. — Симферополь: Соратник, 1993. — Вып. 1 (58). — С. 21—30.
11. Курьянов, С. О. О русско-украинских литературных связях и об украинском тексте в русской литературе / С. О. Курьянов // Крымский гуманитарный вестник: Сборник научных статей / отв. ред. А. Н. Рудяков; ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования». — Симферополь: ИП Минакир И. Л., 2018. — С. 40—47.
12. Курьянов, С. О. Об украинском тексте в русской романтической литературе [Электронный ресурс] / С. О. Курьянов // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11—14 октября 2018 года). — СПб.: РОПРЯЛ, 2018. — С. 765—770. — URL: http://ropryal.ru/wp-content/uploads/2018/10/6ROPRYAL_A5.pdf (дата последнего обращения: 30.10.2018).
13. Люсый, А. П. Московский текст: текстологическая концепция русской культуры / А. П. Люсый. — М.: «Издательский дом «Вече»; ООО «Русский импульс», 2013. — 320 с.
14. Маркевич, Н. А. Украинские мелодии. Соч. Ник. Маркевича / Н. А. Маркевич. — М.: В типографии Августа Семена, при Императорской Мед.-хирургической академии, 1831. — XXX, 154+4 с.
15. Марковський, М. Шевченко і Микола Маркевич // Україна: наук. двохмісячник українознавства. — 1925. — Кн. 1—2. — С. 37—41.
16. Мацапура, В. И. Украина в русской литературе первой половины XIX века: [монография] / В. И. Мацапура. — Харьков; Полтава: ПОИППО, 2001. — 396 с.

17. Мельник, О. В. «Украинские мелодии» Миколи Маркевича та «Ірландські мелодії» Томаса Мура: характерологічна спільність та відмінність / О. В. Мельник // Материалы докладов Международной научно-практической конференции «Вторые севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения». — Севастополь: Рибэст, 2008. — С. 389—395.
18. Мельник, О. В. Україна у поетичному світобаченні Адама Міцкевича і Миколи Андрійовича Маркевича / О. В. Мельник // Історико-літературний журнал. — Одеса, 2010. — Вип. 18. — С. 196—205.
19. Мельник, О. В. Творчість Миколи Маркевича в контексті європейського романтизму: дис. ... канд. філол. наук: 10.01.05 / О. В. Мельник; Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. — Київ, 2014. — 200 с.
20. Овчинников, Д. П. «Казалось, существование этого народа было вечно»: мифопоэтические пределы Малороссийского текста русской литературы (К постановке проблемы) / Д. П. Овчинников // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. — 2017. — Т. 8. — Вып. 4. — С. 324—327.
21. Овчинников, Д. П. Малороссия и Малороссийский текст в творчестве Н. В. Гоголя (Введение в тему) / Д. П. Овчинников // Язык и культура: сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции. — Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2016. — С. 194—199.
22. Северная лира на 1827 год / изд. подгот. Т. М. Гольц и А. Л. Гришунин. — М.: Наука, 1984. — 416 с.
23. Студинский, К. О. «Перебендя» Т. Шевченка і «Бандурист» Маркевича / К. О. Студинский // Зоря. — 1896. — № 24. — С. 477—479.
24. Шевченко, Т. Г. Повне зібрання творів: у 12 т. / Т. Г. Шевченко; редкол.: М. Г. Жулинський (голова) та ін. — К.: Наук. думка, 2001 — Т. 1: Поезія 1837—1847 / Перед. слово І. М. Дзюби, М. Г. Жулинського. — 784 с.: портр.
25. Шеремет, А. С. Творческий путь И. П. Бороздны: индивидуальность в контексте литературных традиций: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. С. Шеремет; Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского. — Симферополь, 2015. — 234 с.

26. Яценко, М. Т. Українська романтична поезія 20—60-х років XIX ст. / М. Т. Яценко // Українські поети-романтики. — К.: Наукова думка, 1987. — С. 5—36.

Reference

1. Biletskii O. I. *Zibrannya Prats': u 5 Tomakh* [Collected Works: in 5 v.]. Kyiv: Naukova Dumka Publ., 1966. Vol. 4. *Rosiy's'ka Literatura ta Rosiy's'ko-Ukrayins'ki Literaturni Zv'yazky* [Russian Literature and Russian-Ukrainian Literary Connections]. 680 p.
2. Hayday H. O. *T. H. Shevchenko i M. A. Markevych* [T. G. Shevchenko and M. A. Markevich]. *Radyans'ke Literaturoznavstvo*. — 1960. — № 3. — Pp. 61—67.
3. Glinka F. N. *Izbrannye Proizvedeniya* [Selected Works]. L.: Sovetskii Pysatel Publ., 1957. 504 p.
4. Gogol' N. V. *Polnoe Sobranie Sochynenii v 14 tomakh*. [Complete Works: In 14 vol.]. Yzdatelstvo AN SSSR Publ., 1937—1952. — Vol. 1. *Hants Kyukhel'garten; Vechera na Khutore blyz Dikan'ki* [Hanz Kuchelgarten; Evenings on a Farm near Dikanka] / Ed. by M. K. Kleman. 1940. 556 p.
5. Zaslavskii I. Ya. *Pushkin i Ukraina: Ukraynskye Svyazy Poeta, Ukrainskiye Motivy v yego Tvorchestve* [Pushkin and Ukraine: Ukrainian Ties of the Poet, Ukrainian Motives in His Work]. K.: Vyshcha Shkola Publ., 1982. 152 p.
6. Zerov M. K. *Lektsii z Istorii Ukrayins'koyi Literatury: 1798—1870* [Lectures on the History of Ukrainian Literature: 1798—1870]. Edmonton: Vydannya Kanads'koho Institutu Ukrainskikh Studii, 1977. 271 p.
7. *Istoriya Ukrayins'koyi Literatury: u 8 Tomakh* [History of Ukrainian Literature: 8 V.]. Kyiv: Naukova Dumka Publ., 1967—1971. — T. 2: *Stanovlennya Novoyi Literatury (Druha Polovyna 18th — Trydtsyati Roky 19th St.)* [Formation of New Literature (the Second Half of the 18th Century — the Thirties of the 19th Century.)]. 1967. 483 p.

8. К. П. <Ksenofont Polevoy> «*Ukraynskye Melodii. Sochinenie Nyk. Markevycha. M., 1831*» [Ukrainian Melodies. Op. by Nick. Markevich. M., 1831]. *Moskovskii Telehraf.* 1832. — P. 46. — № 13. — July. — Pp. 65—76.
9. Kosachevskaya Ye. M. *N. A. Markevych: 1804—1860* [N. A. Markevich: 1804—1860]. L.: Izdatelstvo LGU, 1987. 286 p.
10. Kur'yanov S. O. *Nikolay Markevych y Ego «Ukraynskiye melodii»* [Nikolay Markevich and His *Ukrainian melodies*]. *Voprosy Russkoy Literatury.* Symferopol': Soratnyk Publ., 1993. Vyp. 1 (58). Pp. 21—30.
11. Kur'yanov S. O. *O Russko-Ukraynskykh Literaturnykh Svyazyakh i ob Ukraynskom Tekste v Russkoy Literature* [About the Russian-Ukrainian Literary Connections and the Ukrainian Text in Russian Literature]. *Krymskyy Humanytarnyy Vestnyk: Sbornyk Nauchnykh Statey.* Symferopol': Mynakyr Y. L. Publ., 2018. P. 40—47.
12. Kur'yanov S. O. *Ob Ukraynskom Tekste v Russkoi Romaniycheskoi Literature* [About Ukrainian Text in Russian Romantic Literature]. *Dinamika Yazykovykh i Kul'turnykh Protsessov v Sovremennoi Rossii.* — Vyp. 6. — SPb.: ROPRYAL Publ., 2018. Pp. 765—770. Available at: URL: http://ropryal.ru/wp-content/uploads/2018/10/6ROPRYAL_A5.pdf (accessed 30 October 2018).
13. Lyusy A. P. *Moskovskyy Tekst: Tekstologicheskaya Kontseptsiya Russkoi Kul'tury* [Moscow Text: Textual Concept of Russian Culture]. M.: Izdatel'skii Dom Veche Publ., 2013. 320 p.
14. Markevych N. A. *Ukraynskiye Melodii. Sochintniye Nik. Markevycha* [Ukrainian Melodies. Op. by Nick. Markevich]. M.: V Typografii Avgusta Semena, pry Imperatorskoi Med.-Khirurgicheskoi Akademii, 1831. — XXX, 154+4 p.
15. Markovs'kii M. *Shevchenko i Mykola Markevych* [Shevchenko and Nikolay Markevich]. *Ukrayina.* 1925. — Books 1—2. — Pp. 37—41.
16. Matsapura V. Y. *Ukrayna v Russkoy Literature Pervoi Poloviny XIX veka: Monohrafiya.* Ukraine in Russian Literature of the First Half of the Nineteenth Century: Monograph]. Khar'kov; Poltava: POYPPPO Publ., 2001. 396 p.
17. Mel'nyk O. V. «*Ukraynskye Melodyy» Mykoly Markevycha ta «Irlands'ki Melodii» Tomasa Mura: Kharakterolohichna Spil'nist' ta Vidminnost'* [Ukrainian Melodies by

- Nikolai Markevich and *The Irish Melodies* by Thomas Moore: Characterological Commonness and Difference]. *Materialy Dokladov Mezhdunarodnoy Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii «Vtorye Sevastopol'skiye Kirillo-Mefodievskiye Chteniya»*. Sevastopol': Rybést Publ., 2008. Pp. 389—395.
18. Mel'nyk O. V. *Ukrayina u Poetychnomu Svitobachenni Adama Mitskevycha i Mykoly Andriyovycha Markevycha* [Ukraine in the Poetic World of Adam Mickiewicz and Nikolai Andreevich Markevich]. *Istoryko-Literaturnyi Zhurnal*. — Odesa, 2010. — Vyp. 18. — Pp. 196—205.
19. Mel'nyk O. V. *Tvorchist' Mykoly Markevycha v Konteksti Yevropeys'koho Romantyzmu* [Nikolay Markevich's Creativity in the Context of European Romanticism]: Diss. ... Kand. Filol. Nauk: 10.01.05. Kyiv, 2014. — 200 p.
20. Ovchinnikov D. P. «Kazalos', Sushchestvovanye Etogo Naroda Bylo Vechno»: *Myfopoeticheskiye Predely Malorossiiskogo Teksta Russkoi literatury (K postanovke problemy)* [“It Seemed that the Existence of this Nation was Forever”: The Mythopoetic Borders of the Little Russian Text of Russian Literature (To the Formulation of the Problem)]. *Izvestiya Vysshykh Uchebnykh Zavedenii. Seryya: Gumanitarnye Nauki*. — 2017. — T. 8. — Vyp. 4. — Pp. 324—327.
21. Ovchinnikov D. P. *Malorossiya y Malorossiiskii Tekst v Tvorchestve N. V. Gogolya (Vvedenye v Temu)* [Malorossiya and the Malorossian Text in the Works of N. V. Gogol (Introduction to the Topic)]. *Yazyk y Kul'tura: Sbornyk Materyalov XXVI Mezhdunarodnoy Nauchno-Praktycheskoy Konferentsyy*. Novosybyrsk: Izdatelstvo TSRNS Publ., 2016. — Pp. 194—199.
22. *Severnaya Lira na 1827 God* [Northern Lira in 1827]. M.: Nauka Publ., 1984. 416 p.
23. Studinskii K. O. «Perebendya» T. Shevchenka i «Banduryst» Markevycha [«Perebendya» by T. Shevchenko and «Bandurist» by Markevich]. *Zorya*. — 1896. — № 24. — Pp. 477—479.
24. Shevchenko T. H. *Povne Zibrannya Tvoriv: U 12 Tomakh* [Complete collection of works: 12 Vol.]. K.: Nauk. Dumka Publ., 2001. — T. 1: *Poeziya 1837—1847* [Poetry 1837—1847]. 784 p.

25. Sheremet A. S. *Tvorcheskiy Put' I. P. Borozdny: Individual'nost' v Kontekste Literaturnykh Traditsii* [The Creative Way of I. P. Borozdna: Individuality in the Context of Literary Traditions]: Diss. ... Kand. Filol. Nauk: 10.01.01. Simferopol', 2015. 234 p.
26. Yatsenko M. T. *Ukraïns'ka Romantychna Poyeziya 20—60-kh Rokiv XIX St.* [Ukrainian Romantic Poetry of the 20—60s of the Nineteenth Century]. K.: Naukova Dumka Publ., 1987. Pp. 5—36.

**THE ROLE OF *THE UKRAINIAN MELODIES* BY N. A. MARKEVICH IN
FORMING THE UKRAINIAN TEXT IN RUSSIAN LITERATURE**

Kuryanov S. O.

The author's aim is to show how the mythologized idea of Ukraine which was later embodied in a diversity of Russian writers works and formed the Ukrainian text in Russian literature, was created in the works by N. A. Markevich for the first time. The analyses of The Ukrainian Melodies poetry collection demonstrates that N.A. Markevich' book reproduces conceptually the idea of Ukraine in memorable constant mythologized forms that is, creates designations which are perceived as emblematic and being entrenched in Russian literature build up original Ukrainian text.

Keywords: Ukrainian text, mythologized constant ideas, N.A. Markevich, The Ukrainian Melodies, Russian literature.

УДК 821.161.1

ДИАЛОГ С ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ В ПРОЗЕ М. Н. ЗАГОСКИНА

СТАТЬЯ 1

РОМАН «ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ»

Александрова И. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
E-mail: iva-510@mail.ru

В статье исследуется русская литературная рецепция английского готического романа на материале исторического романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829). Влияние готической традиции обнаруживается в нем не только в совпадении отдельных мотивов, ситуаций и персонажей, но и в ряде инвариантных структурных особенностей, присущих готическому повествованию. Столкновение противоборствующих социально-исторических сил представлено в «Юрии Милославском» как этический конфликт (борьба ангельского и дьявольского начал, добра и зла), с которым связаны идеи преступления и наказания, возмездия за грехи, родовой вины; участники противостояния сохраняют черты «готической антропологии». Готическая специфичность пространственно-временных характеристик романа обеспечивается значительной временной дистанцией и наличием характерных мест действия: события разворачиваются в начале XVII века в знаковых для Средневековья локусах – боярских хоробах (эквиваленте европейского замка), темнице, монастыре. Диалог романа Загоскина с готикой строится по принципу одновременного усвоения ее магистральных свойств и отталкивания от них, трансформации ряда существенных структурных элементов (дополнение «готического» хронотопа отсылками к настоящему, локусом храма; переосмысление мотивов колдовства, гибели демонической личности). Писатель адаптирует базовые черты «романа тайн» к изображению отечественной истории, русских верований, привносит осязаемый национальный колорит, использует фольклорные средства для воплощения русской ментальности.

Ключевые слова: Загоскин, традиция, исторический роман, готический роман, сюжет, хронотоп, этический конфликт.

ВВЕДЕНИЕ

Английский готический роман – яркое художественное явление конца XVIII – начала XIX века. Наиболее выразительными его прецедентами стали «Замок Отранто» Г. Уолпола, «Старый английский барон» К. Рив, «Ватек» У. Бекфорда, «Монах» М. Г. Льюиса, «Удольфские тайны» и «Итальянец» А. Радклиф, «Мельмот Скиталец» Ч. Мэтьюрина. Его эстетика оказала осязаемое влияние на европейский романтизм, явилась источником идей для мировой литературы последующих эпох.

Проблема русской литературной рецепции английской «готики» заинтересовала исследователей сравнительно недавно. Она оформилась в особое направление

литературоведческих поисков благодаря работам В. Э. Вацура и посмертному изданию его незавершённой монографии «Готический роман в России» [3]. По наблюдению ученого, отголоски «романа ужасов и тайн» «вплоть до 1830-х годов ощущаются в историческом романе» [3, с. III]. Однако, несмотря на явную связь этих двух художественных явлений, проблема влияния готического повествования на русский исторический роман в литературоведении практически не поднималась. В качестве исключения можно назвать лишь статью А. М. Скабичевского, затрагивающую в числе прочих вопрос о воздействии «готики» на «Последний Новик» И. И. Лажечникова [11], ряд наблюдений Е. О. Ларионовой в ее работе о прозе В. Т. Нарезного [6] и диссертационное исследование В. Я. Малкиной, один из параграфов которого рассматривает взаимодействие жанра исторического романа с традицией «романа тайн» [8]. Упомянутая книга В. Э. Вацура содержит наброски к главе «Исторический роман», однако анализ в этом ключе исторических произведений М. Н. Загоскина (1789 – 1852), одного из основоположников жанра в русской литературе, остался лишь в планах ученого [3, с. 525].

Многочисленные проявления влияний готической литературы на отечественную словесность отразила коллективная монография «Готическая традиция в русской литературе» (2008), но она основана на интерпретации в данном аспекте большей частью произведений писателей первого ряда, и творчеству М. Н. Загоскина места в ней, к сожалению, не нашлось.

Недостаточно полное и глубокое освоение обозначенной проблемы современной наукой и обеспечивает актуальность и новизну данного исследования. **Целью** его является идентификация структурных признаков готического повествования и определение их функционально-стилистического потенциала в романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829). Хотя это произведение имеет достаточно давнюю исследовательскую историю (см. работы А. М. Пескова, А. Ю. Сорочана, Т. М. Уздеевой, И. В. Черного, А. Н. Шохиной, И. П. Щерблыкина [9; 12–16] и многих других), однако в обозначенном аспекте оно не рассматривалось: основные векторы его осмысления пролегли преимущественно в

сфере теории жанра исторического романа, влияния творчества В. Скотта на его художественную структуру.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Приступая к анализу романа М. Н. Загоскина, прежде всего следует уточнить, что понимается под готической традицией в литературе. По заключению Г. В. Заломкиной, это «особая – в тематическом, сюжетно-композиционном и стилистическом отношении – художественная система» [5, с. 1] с присущими ей «собственной спецификой и границами» [5, с. 3]. «Только сохранение одной или нескольких инвариантных структурных особенностей готического романа позволяет относить то или иное произведение именно к *традиции готического романа*» [7, с. 32] (выделено авторами. – И. А.), – замечают В. Я. Малкина и А. А. Полякова в статье, предваряющей коллективную монографию «Готическая традиция в русской литературе». Выявляя конститутивные признаки готического романа, В. Я. Малкина в качестве базовых выделяет специфический хронотоп, этический конфликт, «присутствие (*и в хронотопе, и в сюжете*) сверхъестественного элемента» [8, с. 63]. Г. В. Заломкиной сделано важное наблюдение, что «именно элементы сюжета несут в себе... “готический заряд”» [5, с. 3].

«Роман тайн» с детства привлекал М. Н. Загоскина, входил в круг его чтения [2, с. 6], а основные структурообразующие черты «готического» повествования отразились в целом ряде произведений писателя: цикле повестей «Вечер на Хопре», романах «Рославлев, или Русские в 1812 году», «Аскольдова могила», «Брынский лес», «Искуситель» и др. Рассмотрим формы присутствия этих свойств в романе «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», хронологически близком к источнику традиции.

Одно из важнейших свойств готического романа – значительная временная дистанция. В этом отношении с ним сходен и роман исторический. В произведении Загоскина события разворачиваются в 10-е годы XVII столетия, т. е. в пору русского Средневековья, и обращение к этой эпохе уже изначально предполагало

инкорпорирование в повествование древних легенд, рассказов о таинственных происшествиях.

В «Юрии Милославском» воздействие готической традиции можно обнаружить в целом ряде присущих ей мотивов: пророчества, вещего сна, колдовства, пленения, заточения в подземелье, возмездия за грехи, запретной любви. Характерный для готической словесности мотив преследования невинной девушки также подхвачен Загоскиным, хотя и несколько редуцирован (судьба Анастасии, просватанной за врага – поляка пана Гонсевского). Главный герой оказывается перед нравственным выбором, что типично для готического сюжета. Присяга Милославского польскому королевичу Владиславу – это своеобразный аналог продажи души дьяволу (мотив, имеющий высокую частотность в готическом романе), но Юрий присягает врагу не по корыстным мотивам или из чувства самосохранения, а ради предполагаемого героем блага для России, в надежде на выход страны из кризиса: Владислав обещал москвичам принять православную веру и «сохранить землю Русскую в прежней её славе и могуществе» [4, с. 51]). Это заблуждение Милославского преодолевается им к финалу, и утрата им иллюзий знаменует инициацию героя.

В структуре сюжета загоскинского романа очень значим мотив тайны, хотя ее разгадывание и не становится сюжетомоделирующим, как в готическом повествовании. Так, в ореоле загадочности в начальных главах предстает некий могучий молчаливый человек, которого Юрий встретил на постоялом дворе, и только в конце повествования читатель узнает, что это нижегородский староста Козьма Минин, соратник князя Дмитрия Пожарского в ополчении против поляков.

«Готический» компонент проявляется и в особом хронотопе романа. Значение основного сюжетобразующего фактора в готическом романе приобрел хронотоп замка. По замечанию М. М. Бахтина, «Историчность замкового времени позволила ему сыграть довольно важную роль в развитии исторического романа. Замок пришел из прошлых веков и повернут в прошлое» [1, с. 278]. В «Юрии Милославском» русским аналогом средневекового европейского замка выступают хоромы боярина Кручины-Шалонского. Еще более очевидна связь с замковым хронотопом владений боярина на отдаленном хуторе в чаще Муромского леса, в гиблом месте, где «и в

полдни солнышка не видно» [4, с. 200], куда единственная дорога лежит через топкое болото, «бездонную трясиину». Окруженный непроходимым лесом хутор построен на развалинах древней обители, разоренной некогда татарами. Это чужое для положительных героев пространство, связанное со злом, грехом. С ним у Загоскина соотносится и мотив вероотступничества как родовой вины: отец Кручины был еретиком, «ничему не верил, в церковь не заглядывал <...> был ничем не лучше тех некрещеных бусурман, которые разорили пустынь» [4, с. 201]. Романист использует традиционный для литературной готики прием трансляции слухов: «сказывают», «бьют», «один старик... рассказывал» [4, с. 200], «был слух» – весьма частотные формулы в тексте романа при описании таинственных явлений и мест. С опорой на эти анонимные «источники» сообщается, что дом боярина овечьей дурной славой, построен на месте, где прежде была пустынь, напоминанием о которой остались только каменная ограда и подземные склепы; что ночами в доме «под землю кто-то охает и стонет» [4, с. 201]; что каждую ночь «перерезанные» татарами «монахи встают из могил и сходятся служить сами по себе панихиду» [4, с. 200]. Стенания, доносящиеся из-под земли, загадочные шорохи – типичный «реквизит» готического «романа ужасов», они выступают проявлением иррационального начала. У Загоскина таинственные звуки получают двойственное объяснение: «Был слух, что это живые люди, заточенные в подземелье; <...> все так мыслят, что это души усопших» [4, с. 201]. Архитектура дома Кручины вполне типична для готической словесности: «По всем углам четырехсторонней ограды построены были круглые башни, из которых две, казалось, готовы были ежеминутно разрушиться; но остальные, несмотря на все признаки ветхости, могли еще быть обитаемы» [4, с. 210]. Обветшалый, рушащийся замок относится к «общим местам» готической литературы. «Готическое» устройство господского жилища, нетипичное для Руси XVII века, Загоскин мотивирует тем, что его хозяин давно замечен «в подражании иноземцам и в явном презрении к простым обычаям предков» [4, с. 83]. Юрий, закованный в цепи, содержится во владениях Кручины в сумрачном подземелье; ведущая в него потайная лестница символически связывает верхнее и нижнее «иномирие». Таким образом, Загоскин обращается к типичному комплексу мотивов, служащих для описания

«проклятого места», «дома с привидениями». Его характеристике предшествует соответствующий «готический» пейзаж (глухая полночь, непроглядный мрак, небо в черных тучах, завывания ветра [4, с. 210–211]), чем обеспечивается напряженная атмосфера тревоги и страха.

Как известно, исторический роман Загоскина был ориентирован на художественный опыт Вальтера Скотта. Это сказалось и на специфике его хронотопа. Английский романист выходит за пределы замка как основного места разворачивания событий, связывает замковый хронотоп с другими, по наблюдению В. Я. Малкиной, у него «нигде замок не является единственным местом действия и единственным катализатором сюжета, как это часто бывало в «романах ужасов» [8, с. 12–13]. Автор «Юрия Милославского» следует этой же модели.

Поскольку в романе воссоздается *русское* Средневековье, важнейшей хромотопной координатой в нем становится церковь, что мотивируется значимостью православной веры для русского человека. Милославский впервые встречает Анастасию во время обедни в московском храме Спаса на Бору, и это глубоко символично: возникшее между ними чувство словно получает высшее благословение. Стремянный Шалонского Омляш со своей шайкой нападает на Юрия у разрушенной церкви («разбитые окна и совершенно обрушенная паперть» [4, с. 189]), и этот «руинный пейзаж» в данном контексте знаменует богохульство разбойников, их вероотступничество, попрание Божьих заповедей, глумление над святыми чувствами и человеческой жизнью. Эту же семантику имеет и описание поросших травой развалин церкви на хуторе Кручины-Шалонского [4, с. 210]. Избавление Юрия от присяги Владиславу также происходит в храме: ее снимает с Милославского, избравшего путь послушника в Сергиевой лавре, старец Авраамий Палицын. Позже, уже в церкви, где некогда состоялась первая встреча юных героев, он освободит молодого человека и от иноческого обета. В Хотьковском монастыре оставит Милославский Анастасию, отправляясь защищать Москву от врагов. Наконец, упокоятся Юрий и Анастасия на погосте Троицкого монастыря. Таким образом, с локусом храма / обители соотнесены все судьбоносные для героев события романа.

Атмосфера тайны и опасности связана не только с «проклятым местом», но и с лесом, представляющим собой «иное» пространство: с этим топосом соотнесены все злоключения героев (преследование Юрия поляками, его пленение Омляшом, засада в лесном овраге, нападение шишей (т. е. партизан) на отряд Кручины, с которым едет его дочь Анастасия, и т. д.). Среди мрачного леса расположены владения Шалонского. Описание леса («дремучий бор, как черная бесконечная полоса, обрисовался на пламенеющем востоке» [4, с. 66]; «Всё было мертво вокруг, и только изредка черный ворон... перелетал с одной сосны на другую» [4, с. 67]; «Эка трущоба – зги Божьей не видно!» [4, с. 67]) предвещает встречу с необъяснимым, загадочным. Хотя в данном эпизоде ничего инфернального не происходит, влияние готической традиции ощутимо в пассаже, следующем за приведенными характеристиками: «среди частого кустарника, подобно *огромным седым привидениям*, угрюмо возвышались вековые сосны и ветвистые ели» [4, с. 66] (выделено мной. – И. А.). Именно в лесу нищая старуха предрекает бабушке Юрия будущую судьбу внука, при этом экспозицией встречи женщин становится ужасная гроза (эквивалент зловещего пейзажа, предваряющего эпизоды контакта с инфернальным миром в готической литературе) [4, с. 194]. В третьей части романа описана дорога, ведущая к лесу через глубокий овраг, и нисхождение в него знаменует для позитивных героев соприкосновение с силами зла. И действительно, взгляду Юрия открывается характерная для готического повествования ужасающая картина: «освещенная полным месяцем, вся правая сторона поляны была покрыта кучами мертвых тел» [4, с. 254].

В глубине леса находится лачуга полесовщика, где обретает пристанище раненый Кручина-Шалонский. В другой лесной избушке обитает колдун Кудимыч. Данные локусы по смыслу синонимичны традиционной для «готики» хижине отшельника, живущего вдали от людских глаз. Загоскиным, однако, этот мотив отчасти травестируется, так как «колдун» оказывается «поддельным» и нечистым на руку. Ирония автора распространяется и на ставшее в готическом романе штампом расхожее восприятие леса как средоточия нечистой силы: Загоскин подчеркивает, что в современную ему эпоху, в отличие от давно минувшей, в лесу бродят лишь

голодные волки да «завывают филины и сычи», однако «эти мелкие второклассные ужасы... уже износились во всех страшных романах» [4, с. 209].

Как представляется, в описании леса Загоскин дополняет готическую традицию чертами традиции фольклорной. Задолго до появления готического романа, базирующегося на художественной реализации центральных «готических» категорий страха и ужаса, в русском фольклоре существовали жанры, апеллировавшие к этим же эмоциональным состояниям, повествующие о страшных событиях и инфернальных явлениях: былички, предания, легенды, волшебные сказки. Лес в них осмыслялся как топос, характеризующийся удаленностью от людского жилища, непроходимостью, близостью с «тому свету», небытию, и воспринимался как место тайн, опасности, неизведанного, испытаний героя, обитания сверхъестественных существ [10, с. 99]. Эти представления отчасти сохраняются и в романе Загоскина: хотя изображаемый писателем лес и не связан буквально с привычными фантастическими явлениями, прохождение через него для Юрия исполнено опасности и означает испытание силы духа, преодоление препятствий на пути к счастью, обретение знания о мире и о самом себе.

Центральный конфликт романа – столкновение противоборствующих социально-исторических сил – приобретает в «Юрии Милославском» сугубо этическую окраску: борьба положительных и отрицательных героев интерпретируется романистом как противостояние добра и зла, «ангельского» и «дьявольского» начал. Так, если во внешности Юрия акцентируются белизна лица и большие голубые глаза, он назван «ангелом во плоти» [4, с. 191], то, к примеру, у гетмана Лисовского, по словам одного из персонажей, «такое демонское лицо, что он и на человека не походит» [4, с. 54]; в глазах Шалонского «отражалась вся злоба адской души его» [4, с. 142]; взгляд же Истомы «напоминал так живо *соблазителя*, что набожный Юрий едва удержался и не сотворил молитвы» [4, с. 163-164] (выделено автором. – И. А.), и боярин с «адским наслаждением обрекал гибели сограждан своих» [4, с. 163]. Рыжий земский, насмехающийся на постоялом дворе над Пожарским, «с рожи-то очень похож» [4, с. 46] на сатану. Пьяное веселье в хоромы боярина Кручины изумляет Юрия своим бесстыдством: «он не смел никогда

и помыслить, чтоб человек, созданный по образу и подобию Божию, мог унизиться до такой степени. Все гости походили на беснующихся» [4, с. 128].

Положительные герои романа, в трактовке его автора, – люди «истинно русские», проявляющие наилучшие качества национального характера: глубокую религиозность, тяготение к соборности, честность, самоотверженность, выносливость в испытаниях, преданность царю и отечеству. Герои же негативные у Загоскина – непременно изменники и враги. В их характеристиках романист настойчиво подчеркивает звериное начало. Так, Истома-Туренин глядит «исподлобья, словно дикий зверь» [4, с. 188]; в голосе Омляша, похожего «на медведя», слышен «дикий рев животного, с которым он имел столь близкое сходство» [4, с. 153]; глаза Шалонского «засверкали, как у тигра» [4, с. 110]; гетман Гонсевский мечтает, «чтоб нижегородцы положили оружие, так же, как желает хищный волк, чтоб стадо осталось без пастыря и защиты» [4, с. 86] (более развернутое наблюдение на эту тему содержится в статье А. М. Пескова [9, с. 14]). Когда шиши собираются повесить ни в чем не повинную Анастасию, видя в ней лишь дочь предателя и невесту врага, в них также появляется нечто звериное («зверские рожи», «зверский хохот» [4, с. 250]), т. е., совершая неправый поступок, они уподобляются врагам.

В романе Загоскина можно обнаружить и черты «готического антропологизма» [8, с. 32]. В этом отношении особенно показательны характеристики «злодея» Шалонского: «адская душа» [4, с. 142]; «Бледное лицо, носящее на себе отпечаток сильных, необузданных страстей... серые небольшие глаза, которые, сверкая из-под насупленных бровей, казалось, готовы были от малейшего прекословия запылать бешенством» [4, с. 86]; «как раскаленный уголь, сверкающие глаза» [4, с. 123]. Его буйная натура проявляется в откровенном разбое и бесчеловечных поступках (например, он мучит крестьян, нещадно разоряет свои вотчины, устраивает «потешные зрелища»: зашивает в медвежью шкуру и травит собаками соседа-помещика, приказывает в мороз поливать водой старика и т. п.). Однако у Загоскина акцентная для готического повествования сцена гибели «злодея» претерпевает существенную трансформацию. Его грешник неожиданно перерождается, и способствует этому преображению проповедь христианской любви, с которой

обращается к нему юродивый Митя: «Закоснелое в преступлениях сердце боярина Кручины забилось раскаянием <...> на бледном, полумертвом лице изобразилась последняя ужасная борьба порока, ожесточения и сильных страстей» [4, с. 260]. Такой исход психологически малоубедителен, но вполне соответствует авторской концепции русского мира, способного оказывать положительное влияние на нечестивых вероотступников. Гибель злого начала знаменует в романе пепелище, которое обнаруживается на месте вотчины Кручины-Шалонского.

Чертами «традиционности» отмечен и образ нижегородского боярина Истома-Туренина, приятеля Кручины. Это несколько иной вариант «злодея»: сохраняя внешнее благообразие, проявляя ум, отлично умея владеть собой, он добивается уважения новгородцев. Поначалу боярин располагает к себе и Юрия, кажется ему весьма привлекательным и добросердечным, т. е. писателем подчеркнуто особое влияние Туренина на людей, порой помимо их воли. Тем поразительнее оказывается для Милославского произошедшая на его глазах метаморфоза: «этот взор, который за минуту до того обворожил своим добродушием и вдруг сделался похожим на ядовитый взгляд василиска, напоминал так живо соблазнителя...» [4, с. 163]. На самом деле Туренин честолюбив, коварен, мстителен, ненавидит зачинщиков смуты в Нижнем, жаждет жестокого наказания для них, способен на низкие поступки. Его предательство, измена родине, пособничество врагам – отнюдь не уникальная ситуация для готического романа. «Демонизм» героя подчеркнут, как уже было отмечено, сопоставлениями со звериным миром, с «темными» силами.

ВЫВОДЫ

В структуре сюжета и системе персонажей романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» готическая традиция играет существенную роль. Ее влияние состоит не только в совпадении отдельных мотивов и ситуаций, а носит более значимый характер, проявляясь в ряде инвариантных структурных особенностей, присущих готическому роману. Специфичность хронотопа романа связана со значительной временной дистанцией (начало XVII столетия), события разворачиваются в пространстве знаковых средневековых зданий и сооружений – боярских хором

ДИАЛОГ С ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ В ПРОЗЕ М. Н. ЗАГОСКИНА...

(аналог замка), развалин, темницы, храма, монастыря. Как и в готическом романе, конфликт у Загоскина носит этический характер и связан с проблемами преступления и наказания, идеей возмездия за грехи, родовой вины. «Готическая» составляющая помогает романисту воссоздать дух и колорит русского Средневековья: привносит элемент сверхъестественного, обеспечивает атмосферу таинственности, загадочности. Диалог романа Загоскина с готикой строится по принципу одновременного усвоения ее магистральных свойств и отталкивания от них, трансформации ряда существенных структурных элементов (дополнение «готического» хронотопа отсылками к настоящему, локусом храма как средоточия русской духовности; переосмысление мотивов колдовства, гибели демонической личности). Опираясь на готическую традицию, опосредованную исторической романистикой В. Скотта, М. Н. Загоскин, вместе с тем, предпринимает адаптацию характерных черт «романа тайн» к изображению отечественной истории, русских верований, передает колорит русской старины, привносит ощутимый национальный компонент, связь с фольклором как воплощением русской ментальности.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М. : Худож. лит., 1986. – С. 121–290.
2. Беляев, Ю. Отец русского исторического романа [Текст] / Ю. Беляев // Загоскин М. Н. Аскольдова могила. Романы, повести. – М. : Современник, 1989. – С. 3–23.
3. Вацуро, В. Э. Готический роман в России [Текст] / В. Э. Вацуро. – М. : НЛО, 2002. – 544 с.
4. Загоскин, М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году [Текст] / М. Н. Загоскин // Загоскин М. Н. Сочинения : в 2 т. – Т. 1: Историческая проза. – М. : Худож. лит., 1988. – С. 35–286.

5. Заломкина, Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Г. В. Заломкина. – Самара, 2003. – 19 с.
6. Ларионова, Е. О. К истории раннего русского шиллеризма [Текст] / Е. О. Ларионова // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацура. – М. : НЛО, 1995–1996. – С. 36–49.
7. Малкина, В. Я. Введение [Текст] / В. Я. Малкина, А. А. Полякова // Готическая традиция в русской литературе / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : РГГУ, 2008. – С. 15–35.
8. Малкина, В. Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра: На материале русской литературы XIX – начала XX века. Дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / В. Я. Малкина. – М. : РГГУ, 2001. – 216 с.
9. Песков, А. М. Исторический роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» [Текст] / А. М. Песков // Загоскин М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. – М. : Худож. лит., 1983. – С. 5–20.
10. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. [Текст] / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 1. А – Г. – М. : Международные отношения, 1995. – 488 с.
11. Скабичевский, А. М. Наш исторический роман в его прошлом и настоящем [Текст] / А. М. Скабичевский // Скабичевский А. М. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – СПб., 1895. – С. 635–643.
12. Сорочан, А. Ю. Мотивировки в русском историческом романе 1830 – 40-х гг.: автореф. дис. ...канд. филол. наук [Текст] / А. Ю. Сорочан. – Тверь, 2000. – 24 с.
13. Уздеева, Т. М. Типология эпических жанров в творчестве М. Н. Загоскина: автореф. дис...канд. филол. наук [Текст] / Т. М. Уздеева. – М. : МПГУ им. В. И. Ленина, 1992. – 14 с.
14. Черный, И. В. Исторический роман М. Н. Загоскина: автореф. дис. ...канд. филол. наук [Текст] / И. В. Черный. – Харьков, 1990. – 15 с.
15. Шохина, А. Н. Художественное воплощение исторического процесса в романах В. Скотта и М. Н. Загоскина : автореф. дис. ...канд. филол. наук [Текст] / А. Н. Шохина. – Нижний Новгород, 2010. – 20 с.

16. Щеблыкин, И. П. У истоков русского исторического романа [Текст] / И. П. Щеблыкин. – Пенза : ПГПИ им. В. Г. Белинского, 1992. – 180 с.

References

1. Bakhtin M. M. *Formy Vremeni i Hronotopa v Romane* [Forms of Time and Chronotope in the Novel]. Bakhtin M. M. *Literaturno-Kriticheskie Stat'i*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1986. Pp. 121–290.
2. Belyaev Ju. *Otets Russkogo Istoricheskogo Romana* [The Father of the Russian Historical Novel]. Zagoskin M. N. *Askol'dova Mogila. Romany, Povesti*. Moscow: Sovremennik Publ., 1989. Pp. 3–23.
3. Vatsuro V. Ye. *Goticheskii Roman v Rossii* [The Gothic Novel in Russia]. Moscow: NLO Publ., 2002. 544 p.
4. Zagoskin M. N. *Yurii Miloslavskii, ili Russkie v 1612 godu* [Yuri Miloslavskii, or Russians in 1612]. Zagoskin M. N. *Sochineniya: v 2 t. Vol. 1: Istoricheskaya Proza*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1988. Pp. 35–286.
5. Zalomkina G. V. *Poetika Prostranstva i Vremeni v Goticheskom Syuzhete: Avtoref. Diss. ... Kand. Filol. Nauk* [Poetics of Space and Time in the Gothic Story]. Samara, 2003. 19 p.
6. Larionova E. O. *K Istorii Rannego Russkogo Shillerizma* [On the History of Early Russian Schillerism]. *Novye Bezdelki: Sbornik Statei k 60-letiyu V. Ye. Vatsuro*. Moscow: NLO Publ., 1995–1996. Pp. 36–49.
7. Malkina V. Ya., Polyakova A. A. *Vvedenie* [Introduction]. *Goticheskaya Traditsiya v Russkoi Literature*. Moscow: RGGU Publ., 2008. Pp. 15–35.
8. Malkina V. Ya. *Poetika Istoricheskogo Romana. Problema Invarianta i Tipologiya Zhanra: Na Materiale Russkoi Literatury 19 – Nachala 20 Veka: Diss. ... Kand. Filol. Nauk* [The Poetics of the Historical Novel. The Problem of Invariant and Typology of the Genre: on the Material of Russian Literature of the 19th – early 20th Centuries. Abstract of Thesis]. Moscow: RGGU Publ., 2001. 216 p.

9. Peskov A. M. Istoricheskii Roman M. N. Zagoskina «Yurii Miloslavskii» [The Historical Novel Yuri Miloslavsky by M. N. Zagoskin]. Zagoskin M. N. Yurii Miloslavskii, ili Russkie v 1612 Godu. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1983. Pp. 5–20.
10. Slavyanskii Drevnosti. Etnolingvisticheskii Slovar' : v 5 t. [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Volumes]. Vol. 1: A – G. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1995. 488 p.
11. Skabichevskii A. M. Nash Istoricheskii Roman v ego Proshlom i Nastoyashchem [Our Historical Novel in His Past and Present]. Skabichevskii A. M. Sochineniya: In 2 Volumes. Vol. 2. SPb., 1895. Pp. 635–643.
12. Sorochan A. Yu. Motivirovki v Russkom Istoricheskom Romane 1830 – 40-h gg.: Avtoref. Dis. ...Kand. Filol. Nauk [Motivation in the Russian Historical Novel of the 1830s – 1840s years]. Tver', 2000. 24 p.
13. Uzdeeva T. M. Tipologiya Epicheskikh Zhanrov v Tvorchestve M. N. Zagoskina: Avtoref. Dis. ...Kand. Filol. Nauk [Typology of Epic Genres in the Works by M. N. Zagoskin]. Moscow, 1992. 14 p.
14. Chernyi I. V. Istoricheskii Roman M. N. Zagoskina: Avtoref. Dis. ...Kand. Filol. Nauk [The Historical novel by M. N. Zagoskin]. Khar'kov, 1990. 15 p.
15. Shokhina A. N. Khudozhestvennoe Voploshchenie Istoricheskogo Protsessa v Romanakh V. Skotta i M. N. Zagoskina: Avtoref. Dis. ...Kand. Filol. Nauk [Artistic Embodiment of the Historical Process in the Novels by W. Scott and M. N. Zagoskin]. Nizhnii Novgorod, 2010. 20 p.
16. Shcheblykin I. P. U Istokov Russkogo Istoricheskogo Romana [Russian Historical Novel ab origine]. Penza, 1992. 180 p.

THE DIALOGUE WITH THE GOTHIC TRADITION IN M. N. ZAGOSKIN'S
PROSE. ARTICLE 1. THE NOVEL *YURI MILOSLAVSKY, OR THE RUSSIANS IN
1612*

Aleksandrova I. V.

Summary. The article examines the Russian literary reception of the English Gothic novel on the material of M. N. Zagoskin's historical novel *Yuri Miloslavsky, or Russians in 1612* (1829). The influence of the Gothic tradition is found not only in the coincidence of certain motives, situations and characters, but also in a number of invariant structural features typical of Gothic novel. In the novel, the clash of confronting socio-historical factors is presented as ethical conflict (the struggle between angelic and demonic forces, the conflict between Good and Evil), which is connected with the ideas of crime and punishment, the retribution for the sins, family guilt; those involved in confrontation preserve the features of "gothic anthropology". Special gothic spatiotemporal characteristics of the novel are considerable time distance and specific locations: the scene is laid in the emblematic early 17th century medieval loci, such as boyars' mansions (the analogue of the European castle), dungeon, monastery. The dialogue of Zagoskin's novel with the gothic tradition is based on the principle of simultaneous assimilating and rejecting its basic features, transforming some of its important structural elements, i.e. supplementing "gothic" chronotope with references to the past, temple locus; reconsideration of sorcery motif and demonic characters death motif. Zagoskin adapts the basic properties of the "novel of secrets" to the image of Russian history, Russian beliefs, conveys the flavor of Russian antiquity, introduces a national component, connection with folklore principles as an expression of Russian mentality.

Key words: Zagoskin, tradition, historical novel, gothic novel, plot, chronotope, ethical conflict.

УДК 821.161.1

ПУШКИНСКИЙ МИФ В КРЫМСКОМ ТЕКСТЕ РУССКИХ ПОЭТОВ

XIX–XX ВВ.

Иванова Н. П.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: N-P-Ivanova@yandex.ru

В статье с позиций методов, направленных на изучение рецептивной эстетики, рассматривается влияние факта посещения Крыма А. С. Пушкиным в 1820 г. и произведений поэта, связанных с его пребыванием на полуострове, на восприятие этого края литературными деятелями XIX–XX вв. и их творчество, анализируются способы реализации пушкинского мифа в Крымском тексте русских поэтов указанного периода. Целью статьи является выявление структуры и особенностей функционирования писательского мифа об А. С. Пушкине. Материалом исследования стали поэтические произведения В. Г. Бенедиктова, М. А. Волошина, П. А. Вяземского, Н. А. Некрасова, В. В. Набокова, Н. Н. Тuroверова, И. Г. Волобуевой, М. А. Тарловского, Б. А. Чичибабина, в которых реализованы следующие мифологемы, составляющие структуру пушкинского мифа и образующие определенную иерархию: «романтический герой», «наставник-вдохновитель», «сакральная личность», «источник сакрализации Крыма». В результате исследования сделаны выводы о том, что посещение А. С. Пушкиным Крыма и отражение этого факта в творчестве поэта стало предпосылкой к возникновению пушкинского мифа. Восприятие полуострова сквозь призму анализируемого мифа приводит к сакрализации этого края.

Ключевые слова: Крымский текст, пушкинский миф, писательский миф, структура мифа, мифологема.

ВВЕДЕНИЕ

В свете сформулированного Ж. Деррида положения постмодернистской философии о мире как тексте, получившего столь широкое распространение на рубеже XX – XXI вв., в литературоведении особую значимость приобретают методы исследования произведений, ориентированные на изучение читательского восприятия – герменевтика и рецептивная эстетика. Очевидную актуальность приобретают проблемы интерпретации не только художественных текстов, но и самой их рецепции, являющейся своего рода актом индивидуально-авторского мифотворчества, объектом которого становятся писатели-классики, представившие миру его концептуальное текстовое осмысление – по сути, создатели мира как текста. В этот период и возникают, к примеру, такие понятия как «лермонтовский миф», «гоголевский миф» и, конечно, «пушкинский миф», так как, по справедливому

мнению М. Н. Виролайнен и М. В. Загидуллиной, «А. С. Пушкин, отвечая ряду национальных ожиданий (прежде всего языковой реальности нации), оказался той самой “духовностью”, которая остается в “сгущенном” виде, не подчиняясь закону всеобщей “размытости” во времени» [10, с. 8].

На рубеже XX–XXI вв. появляются работы, не только оперирующие понятием «пушкинский миф», но и прослеживающие историю его функционирования (сборник трудов «Легенды и мифы о Пушкине» (1994), диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Загидуллиной М. В. «Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (Творчество А. С. Пушкина в рецептивном аспекте)» (2002) и Шеметовой Т. Г. «Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов» (2011) и др.). В связи с вышесказанным представляется вполне закономерным, что С. Г. Бочаров определил «пушкинский миф» как явление «национальной пушкинской герменевтики» [2, с. 572]. М. В. Загидуллина уточняет это определение и считает, что «пушкинский миф – это совокупность реакций национального масштаба на творчество и личность Александра Сергеевича Пушкина, в основе которых лежит признание его Первым Национальным Поэтом» [10, с. 10]. Исследователь формулирует также понятие «писательский миф», подразумевая под ним особую разновидность мифов нового времени, «когда объект проекции (автор классических текстов) выступает в качестве носителя высших ценностей и откровений (Пророка). При этом писательский миф отвечает трем задачам: объяснению, почему именно эта личность смогла создать подобное произведение, аккумулярованию легенд о жизни писателя и установлению корреляции между эпохой, когда жил писатель, и современностью» [10, с. 9].

Другой исследователь – Т. Г. Шеметова – указывает на чрезвычайную важность такого рода писательского мифотворчества: «...миф о Пушкине для современной русской литературы не менее ценен, чем само творчество поэта. Каждое новое его воплощение представляет собой самостоятельный (по отношению к творчеству, а порой и к исторической личности А.С. Пушкина) культурный и художественный

феномен, имевший первоначальным импульсом какой-то из аспектов пушкинского мифа» [23, с. 202].

Так как миф, по К. Г. Юнгу, порожден коллективным бессознательным, нуждающимся в существовании некой сакральной зоны, а его объектом зачастую выступают личности, связанные с духовными сферами жизни и определяющие их, то ему присущи агиографические черты, а значит, писательское и читательское мифотворчество основано на фактах биографии личности, которую оно проецирует. И в этом смысле посещение А. С. Пушкиным Крыма в начале творческого пути во многом не только определило характер его поэзии, но и стало одной из первых предпосылок к возникновению пушкинского мифа, на что Н. В. Гоголь указал еще в 1834 году, отметив, что поэт «...проникнут и напитан великолепными крымскими ночами и садами... На них он невольно означил всю силу своего таланта, и оттого произведения его, напитанные Кавказом... и ночами Крыма, имели чудную магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его» [8, с. 665]. В связи с этим представляется, что поэты, посетившие Крым и предпринявшие в своем творчестве попытку отражения и осмысления значения пушкинского пребывания на полуострове, внесли весомый вклад в формирование пушкинского мифа.

Таким образом, целью настоящей статьи является выявление структуры и особенностей функционирования писательского мифа о Пушкине, эксплицированного в Крымском тексте русских поэтов XIX-XX вв. Под Крымским текстом (термин А. П. Люсого [15]) мы вслед за В. В. Курьяновой понимаем «семантически связанную с Крымом систему представлений о человеке и мире», закрепленную в литературном произведении [14, с. 5].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Прежде всего, стоит отметить, что процесс создания крымской составляющей пушкинского мифа начался практически сразу после поездки поэта в Крым в 1820 г. и выхода в свет поэмы «Бахчисарайский фонтан» в 1824 г. П. А. Вяземский, осуществивший ее первое издание, посетил Бахчисарай и описал его в одноименном

стихотворении, уже опираясь на текст пушкинской поэмы: «От страшных дум не отрешась, / Еще здесь носится Зарема, / Загробной ревностью томясь» [6, с. 229]. Т. е. представления современников А. С. Пушкина о Крыме обретают неразрывную связь с именем поэта. Об этом свидетельствуют и дневниковые записи В. А. Жуковского, предпринявшего с царской семьей в 1937 году путешествие в Крым. В них фонтан Ханского дворца дважды назван «Фонтаном Пушкина». Одна из целей поездки – почтить память поэта, и 11 сентября, в семнадцатую годовщину последнего дня, проведенного Пушкиным в Крыму, наставник цесаревича устроил в Бахчисарае настоящий литературный праздник, а вечером читал императрице и ее гостям поэму «Бахчисарайский фонтан».

Надо сказать, что сам процесс написания этой поэмы, видимо, связан с мифотворчеством, так как посещение Ханского дворца сам Пушкин описывал следующим образом: «В Бахчисарай приехал я больной... Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода» [18, Т. 7, с. 280-281]. Однако эти строки в письме к А. А. Дельвигу написаны уже во время Михайловской ссылки в 1824 году. Время окрашивает будничные предметный мир в совершенно иные тона и порождает новые грани мировосприятия, подчас необъяснимые даже для самого автора: «...почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием?» [18, Т. 7, с. 281]. С одной стороны, мы, конечно, понимаем и помним: «Что пройдет, то будет мило». С другой, как представляется, себя обнаруживает и власть мифа над человеческим сознанием, пусть даже этот миф создан самим его носителем.

Следовательно, Крымский текст становится одним из средств экспликации пушкинского мифа. Так, Г. П. Данилевский в 1850 году в «Письмах из степной деревни» вспоминал: «Я снова в Бахчисарае. Сердце мое бьется при мысли о роли Бахчисарая в судьбе нашего Пушкина!» [3, с. 256]. При этом литератор занимается демифологизацией пушкинского Крымского текста: «...я открыл даже несообразность в стихах нашего великого поэта. Зарему у Пушкина зашивают в мешок и наутро бросают в бурные волны вод. В Бахчисарае и его окрестностях одна

только река Чюрюк-Су, что значит гнилая вода <...> и так мелка и узка, что во многих местах через нее переходят мухи по колену» [3, с. 257-258].

Однако факт реализации пушкинского мифа в Крымском тексте к середине XIX века уже становится неопровержимым. Одно из доказательств тому – стихотворение В. Г. Бенедиктова «Бахчисарай», написанное не позднее 1850 года: «Все пусто - башни и киоски, / Лишь чьей-то тени виден ход / Да слышны в звонком плеске вод / Стихов волшебных отголоски. / Вот тот фонтан!.. Когда о нем, / Гремя, вещал орган России, / Сей мрамор плакал в честь Марии, / Он бил слезами в водоем...» [1, с. 139]. Эта музыка стихов «органа России» была услышана и нашла отклик в творчестве других поэтов, поэтому одна из мифологем, входящих в структуру пушкинского мифа, эксплицированного в Крымском тексте русских поэтов, может быть определена как *«наставник-вдохновитель»*. Так, Б. А. Чичибабин в стихотворении «Чуфут-Кале», посвященном древнему городу, расположенному вблизи Бахчисарайского дворца, сказал: «Не зря вослед звенели птичьи стаи, / как хор светил, / и Пушкин сам наш путь в Бахчисарае / благословил» [22]. Здесь видятся интертекстуальные отголоски и строк о державинском благословении начинающих поэтов из «Воспоминаний в Царском селе», и процитированной Ф. М. Достоевским известной фразы Э. Вогюэ о том, что «все мы вышли из гоголевской шинели» (это прозаики, а поэты, по Чичибабину, видимо, из «Бахчисарайского фонтана»). Здесь же, на наш взгляд, угадываются и отголоски руссоистского пантеизма, столь характерного для романтиков и воплощенного в следующей мифологеме, эксплицирующей пушкинский миф – *«романтический герой»*.

Ключевые составляющие её семантической структуры – бегство от людской толпы в мир природы, одиночество, погруженность в мечты – реализованы в стихотворении А. А. Голенищева-Кутузова «В Гурзуфе» (1894), имеющем подзаголовок «Посвящается памяти Пушкина» (интересно, что А. А. Голенищев-Кутузов родился в Царском Селе в один день с А. С. Пушкиным, но с разницей в 49 лет – в 1848 году): «Беглец толпы людской, лишь волн внимая шуму, / Свою великую в тиши он думал думу / И песни вольные в мечтаньях создавал. / Те песни разнеслись по свету, и донине / В сердцах избранных они звучат...» [9, с. 197].

Эта же мифологема реализована в поэме «Русские женщины» Н. А. Некрасова, посетившего Крым в 1876 году и специально экипажем ездившего в Гурзуф, чтобы познакомиться с пушкинскими местами, в которых никогда не бывал, хотя за четыре года до этого описывал пребывание там Пушкина, опираясь, видимо, на воспоминания М. Н. Волконской, с которой был лично знаком: «Прогулки его продолжались по дням / И были всегда одиноки, / Он ў моря часто бродил по ночам. / По-английски брал он уроки / У Лены, сестры моей: Байрон тогда / Его занимал чрезвычайно...» [17, с. 294].

Увлеченность личностью и творчеством Дж. Байрона – тоже важный компонент семантической структуры мифологема «романтический герой» наряду с антропоморфизацией окружающего мира, верой в мистическое единство человека и природы (Байрон упоминает о Руссо в «Паломничестве Чайльд-Гарольда»), что, видимо, и обусловило появление известных некрасовских строк о гурзуфском кипарисе: «У самой террасы стоял кипарис, / Поэт называл его другом, / Под ним заставал его часто рассвет, / Он с ним, уезжая, прощался...» [17, с. 294].

Представляется, что именно эта семантика определила существование в структуре пушкинского мифа еще одной мифологема – «сакральная личность». Неслучайно Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины» говорит о том, «что Пушкина след в туземной легенде остался» [17, с. 294]. В этой легенде оказались переплетенными сакральность и антропоморфизм: «К поэту летал соловей по ночам, / Как в небо луна выплывала, / И вместе с поэтом он пел — и, певцам / Внимая, природа смолкала!» [17, с. 294].

Итак, это еще один этап процесса возникновения «константных (мифологических) представлений» (термин С. О. Курьянова [12]) о пушкинских местах в Крыму, так как одна из первых легенд о «пушкинском кипарисе» появилась в «Санкт-Петербургских ведомостях» еще в 1854 году (публикация писем писательницы Евгении Тур). Эту же легенду в статье «Пушкин в Южной России» (1861) приводит историк П. И. Бартенев: «Постоянные обитатели Гурзуфа, тамошние татары, уверяют, что когда поэт сживал под кипарисом, к нему прилетал соловей и пел с ним вместе, с тех пор каждое лето возобновлялись посещения пернатого певца,

но поэт умер, и соловей больше не прилетал» [19, с. 19]. Благодаря печатному слову, а также, возможно, рассказам М. Н. Волконской об этом мифологическом сюжете узнал и Н. А. Некрасов, скорее всего, еще до начала работы над поэмой «Русские женщины».

Однако наиболее часто в Крымском тексте русских поэтов XIX-XX вв. мифологема «сакральная личность» эксплицируется посредством бинарной оппозиции «сакральное – профанное»: наш земной мир оказался неготовым ни к приходу обладателя священного дара, ни к осмыслению его мессианской роли, что, однако, не умаляет ни значимости, ни святости имени А. С. Пушкина. Об этом писал, в частности, А. А. Голенищев-Кутузов в конце XIX века: «На дальнем севере, под снежной пеленой, / Лежит он — и доднесь презренные зоилы / Святыню имени его сквернят хулой. / Но сердцу верится, что в царстве вечной ночи / Певцу невнятен шум житейской суеты; / Что, сквозь могильный сон, души бессмертной очи / Доступны лишь лучам бессмертной красоты...» («В Гурзуфе», 1894) [9, с. 197].

И в конце XX века указанная оппозиция реализована в стихотворении И. Г. Волобуевой «Бахчисарай»: «Край южных роз и гурий райских, / Будивший Пушкина восторг. / И вдруг райцентр бахчисарайский, / Бахчисарайский пицеторг. / Как неожиданно и странно / Здесь видеть этих будней штрих...» [4]. Действительно, народная память склонна переплавлять сакральное в профанное – об этом писал и Н. А. Некрасов, рассказывая о пушкинском кипарисе: «Но Пушкин надолго прославил его: / Туристы его навещают, / Садятся под ним и на память с него / Душистые ветки срывают...» [17, с. 295].

Однако существует и обратный процесс. Так происходит, во-первых, потому, что пушкинский миф уже преодолел все возможные временные рамки, поэтому в настоящее время, как и 200 лет назад, мы можем наблюдать известную картину, повлиявшую на возникновение пушкинского мифа и его отражение в Крымском тексте: «А на фонтане, льющем слезы, / Что был давнишнюю таят, / Там вновь две пушкинские розы / О тех печальницах грустят» [4]. Во-вторых, влияние пушкинского мифа на народное и авторское сознание приводит к сакрализации упомянутых в нем личностей, топосов, реалий и т. д. Следовательно, представляется возможным

выделить в структуре указанного мифа еще одну мифологему – «источник сакрализации Крыма». Механизм этого процесса исчерпывающе раскрыт А. А. Голенищевым-Кутузовым: «Он был когда-то здесь; на склоне этих гор / Стоял он в царственном раздумьи; это море / Влекло его мечты в неведомый простор / И отражалось в поднятом к солнцу взоре... / Что, может быть, сюда, на этот склон оврага, / Где верные ему платан и кипарис / Под небом голубым и солнцем разрослись, / Где дремлют старые утесы Аю-дага, / Певца святая тень приносится порой / Вдали земных сует, страстей, обид и горя, / Как некогда, смотреть в простор безбрежный моря, / С волнами говорить и слушать их прибой» [9, с. 197].

В этом стихотворении наряду с кипарисом упоминается еще одна мифема – «пушкинский платан». Под таким названием в путеводителях по Крыму дерево упоминается уже с конца XIX века и также является предметом мифотворчества. Согласно одним преданиям, его посадил сам А. С. Пушкин, согласно другим – поэт любил отдыхать в его тени. В действительности же этот платан появился в Гурзуфе в первую годовщину смерти поэта в феврале 1838 года и сразу стал называться «пушкинским». По свидетельству современников, его собственноручно посадил тогдашний владелец имения «Гурзуф» И. И. Фундуклей, а идею и сам выбор дерева-долгожителя (утверждают, что платаны живут до 2000 лет) подсказал В. А. Жуковский во время упомянутой выше поездки в сентябре 1837 года по крымским местам, оказавшим столь сильное влияние на молодого А. С. Пушкина [24]. Увековечивший таким образом память сразу двух великих поэтов «пушкинский платан» растет до сих пор.

В первой трети XX века в Крымском тексте русских поэтов уже существует мифологема «пушкинский Крым», как представляется, окрашенная упомянутыми выше семантемами: край, вдохновляющий поэтов, являющийся убежищем странствующего романтического героя, в котором человек может ощущать свое единство с природой, сакральное место. Н. Н. Туроверов – поэт, подьесаул, на одном из последних пароходов врангелевской эвакуации покинувший Крым 14 ноября 1920 года, так написал о своем прощальном визите в Бахчисарай: «В огне все было и в дыму, / Мы уходили от погони. / Увы, не в пушкинском Крыму / Тогда скакали наши

кони» («Бахчисарай») [21]. Иными словами, поэт, видимо, считает, что революция 1917 года, лишив Крым пушкинского мифа, не только демифологизировала, но и десакрализовала его. Стихотворению «Бахчисарай» он предпослал знаменитые пушкинские строки «Фонтан любви, фонтан живой! Принес я в дар тебе две розы» и, нарисовав картину «печального запустения» в Ханском дворце, попросился не только с дворцовым фонтаном, но и с мифом, поэтизировавшем Крым: «Прощай, фонтан холодных слез. / Мне сердце жгла слеза иная – / И роз тебе я не принес, / Тебя навеки покидая» [21].

А В. В. Набоков, оказавшийся в сходной ситуации и отправившийся в эмиграцию из Севастополя на год раньше Н. Н. Туроверова, не лишает Крым власти пушкинского мифа и в стихотворении «Крым» совсем иначе вспоминает о поездке в Бахчисарайский дворец: «В сенях воздушных капал ключ / очарованья, ключ, печали, / и сказки вечные журчали / в ночной прозрачной тишине, / и звезды сыпались над садом. / Вдруг Пушкин встал со мною рядом / и ясно улыбнулся мне...» [16, с. 235]. Таким образом вновь постулируется вневременность пушкинского мифа, и восприятие Крыма сквозь его призму приводит поэта к сходному с пушкинским мировосприятию и сакрализации этого края. Сравним два фрагмента Крымского текста. У А. С. Пушкина в «Тавриде» читаем: «Так, если удаляться можно / Оттоль, где вечный свет горит, / Где счастье вечно, непреложно, / Мой дух к Юрзуфу прилетит» [18, Т. 1, с. 513]. И у В. В. Набокова в стихотворении «Крым»: «К закату листья дум моих / при первом ветре обратятся, / но если Богом мне простятся / мечты ночей, ошибки дня / и буду я в раю небесном, / он чем-то издавна известным / повеет, верно, на меня!» [16, с. 236]. Итак, наделение Крыма семантикой Эдема и указание на возможность не расставаться с этим краем даже за порогом вечности встречаем у обоих поэтов, и в этом также видится форма реализации пушкинского мифа.

Интересно, что М. А. Тарловский в стихотворении «Бахчисарай» (как и Н. Н. Туроверов, предпослав ему эпиграф «Фонтан любви, фонтан живой!», правда, упомянув и Адама Мицкевича, чьи строки взяты в качестве второго эпиграфа) практически полностью воспроизводит набоковский эпизод прикосновения к пушкинскому мифу при восприятии Ханского дворца, а через него – к вечности (в

переводе с татарского языка «мен мундам» озаначает «я здесь»): «К Фонтану слез Гиреева дворца / Младой певец другого вел певца, / Он звал его по имени – Адам – / И, встретив их, я крикнул: “мен мундам!”... / Журчал ключом и лился через край / Воспетый Севером Бахчисарай. / В Бахчисарае это было, там, / Где я сказал впервые “мен мундам”, / Где хан не правит и Фонтан не бьет, / Где Пушкинская тень отраду пьет, / Где суждено уже не тем устам / Шептать благоговейно “мен мундам!”» [20, с. 57].

Но наиболее емко и точно мифологема «*источник сакрализации Крыма*» в структуре пушкинского мифа эксплицирована М. А. Волошиным: «Эти пределы священны уж тем, что однажды под вечер / Пушкин на них поглядел с корабля по дороге в Гурзуф» («Коктебельские берега») [5, с. 489]. И это отнюдь не преувеличение, ведь за 40 лет до появления этих строк В. М. Гаршин из Гурзуфа написал жене: «Ходим по тропинкам, по которым Пушкин хаживал 65 лет тому назад, и что-то важное и глубокое охватывает душу» [7].

ВЫВОДЫ

Таким образом, в Крымском тексте русских поэтов XIX–XX вв. реализованы следующие мифологемы, составляющие структуру пушкинского мифа и образующие определенную иерархию: «*романтический герой*», «*наставник-вдохновитель*», «*сакральная личность*», «*источник сакрализации Крыма*». Они уже два века оказывали, оказывают и будут оказывать влияние не только на формирование крымского мифа и как следствие – Крымского текста, но и пространства русской литературы в целом. И в унисон с Т. Г. Шеметовой мы можем утверждать: «Несмотря на то, что имя Пушкина называют “собирабельным” – квинтэссенцией русской литературы, “нарицательным” – синонимом слова “поэт”, можно считать доказанным, что это имя, являясь кодом развернутого во времени и пространстве мифа, по-прежнему остается важным импульсом развития современной литературы» [23, с. 206]. Изучение влияния пушкинского мифа на становление русской

литературы разных эпох и художественных систем является перспективной дальнейших исследований.

Список литературы

1. Бенедиктов, В. Г. Стихотворения [Текст] / В. Г. Бенедиктов. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1939. – 376 с.
2. Бочаров, С. Г. «Заклинатель и властелин многообразных стихий» [Текст] / С. Г. Бочаров // А. С. Пушкин: pro et contra / Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 572.
3. Бронштейн, А. И. Трансформация легенды Фонтана Слез [Текст] / А. И. Бронштейн // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Вып. 1. – С. 475-486.
4. Волобуева, И. Г. Бахчисарай [Электронный ресурс] / И. Г. Волобуева. – Режим доступа: http://tavrida_liter.chat.ru/klas/bahchi.htm. – (Дата обращения: 01.03.2018).
5. Волошин, М. А. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы 1891-1931 [Текст] / М. А. Волошин. – М: Эллис Лак, 2000, 2004. – Т. 2. – 768 с.
6. Вяземский, П. А. Стихотворения [Текст] / П. А. Вяземский. – М.: Советская Россия, 1978. – 272 с.
7. Гаршин, В. М. Избранные письма [Электронный ресурс] / В. М. Гаршин. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_0250.shtml . – (Дата обращения: 14.01.2018).
8. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах [Текст] / Н. В. Гоголь. – М., Наука, 2009. – Т. 3. – С. 665.
9. Голенищев-Кутузов А. А. Стихотворения [Электронный ресурс] / А. А. Голенищев-Кутузов. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/golenishewkutuzow_a_a/text_0020.shtml. – (Дата обращения: 12.10.2017).
10. Загидуллина, М. В. Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (Творчество А. С. Пушкина в рецептивном аспекте):

- автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / М. В. Загидуллина. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.
11. Загидуллина, М. В. Пушкинский миф в конце XX века [Текст] / М. В. Загидуллина. – Челябинск, 2001. – 329 с.
 12. Курьянов, С. О. Несколько слов о Крымском тексте (Разграничение понятий Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема) [Текст] / С. О. Курьянов // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 27 (66). – № 1. – Ч. 2. – С. 171-176.
 13. Курьянов, С. О. Крым в произведениях древнерусской литературы XVI века (к проблеме становления Крымского текста) [Текст] / С. О. Курьянов // Филологические исследования. – 2016. – Вып. 15. – С. 57-72.
 14. Курьянова, В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02 Русская литература [Текст] / В. В. Курьянова. – Симферополь, 2013 – 241 с.
 15. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе [Текст] / А. П. Люсый. – СПб., 2003. – 314 с.
 16. Набоков, В. В. Стихотворения и поэмы [Текст] / В. В. Набоков. – М.: Современник, 1991. – 576 с.
 17. Некрасов, Н. А. Избранные произведения [Текст] / Н. А. Некрасов. – М., 1953. – 582 с.
 18. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в 10 томах [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1959–1962.
 19. Пушкин в Тавриде. Сборник литературно-краеведческих статей [Текст] / Крымская Пушкинская библиотека. – Симферополь: Таврия, 1995. – 176 с.
 20. Тарловский, М. А. Молчаливый полет [Текст] / М. А. Тарловский. – М., 2009. – 672 с.
 21. Туроверов, Н. Н. Бахчисарай [Электронный ресурс] / Н. Н. Туроверов. – Режим доступа: http://tavrida_liter.chat.ru/klas/bahchi.htm. – (Дата обращения: 01.03.2018).

22. Чичибабин, Б. А. Стихотворения [Электронный ресурс] / Б. А. Чичибабин. – Режим доступа: <http://chichibabin.ru/stihi/55.htm>. – (Дата обращения: 25.01.2018).
23. Шеметова, Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Т. Г. Шеметова. – М., 2011. – 48 с.
24. Музей А. С. Пушкина в Гурзуфе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gurzufmuseum.com>. – (Дата обращения: 25.01.2018).

References

1. Benedictov V. G. Stikhotvoreniya [Poems]. L.: Soviet Writer Publ., Leningrad Branch, 1939. 376 p.
2. Bocharov S. G. «Zaklinatel' i Vlastelin Mnogoobraznykh Stikhii» [“Caster and Lord of Multiple Elements”]. A. S. Pushkin: pro et contra. Saint-Petersburg: RHGI Publ., 2000. 572 p.
3. Bronstein A. I. Transformatsiya Legendy Fontana Slez [Transformation of the Fountain of Tears Legend]. Bakhchisarai Historical and Archaeological Collection. Vol. 1. Pp. 475–486.
4. Volobueva I. G. Bakhchisarai [Bakhchisarai]. Available at: http://tavrida_liter.chat.ru/klas/bahchi.htm. (accessed: 03.01.2018).
5. Voloshin M. A. Sobranie Sochinenii. Stikhotvoreniya i Poemy of 1891-1931 [Collected Works. 1891–1931]. M: Ellis Lak Publ., 2000, 2004. Vol. 2. 768 p.
6. Vyazemsky P. A. Stikhotvoreniya [Poems]. M.: Soviet Russia Publ., 1978. 272 p.
7. Garshin V. M. Izbrannye Pis'ma [Selected Letters]. Available at: http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_0250.shtml. (accessed: 14. 01.2018).
8. Gogol N. V. Polnoe Sobranie Sochinenii i Pisem v 23 Tomakh [A Complete Collection of Essays and Letters in 23 Volumes]. M.: Science Publ., 2009. Vol. 3. P. 665.
9. Golenishchev-Kutuzov A. A. Stikhotvoreniya [Poems]. Available at: http://az.lib.ru/g/golenishewkutuzow_a_a/text_0020.shtml ahhh! (accessed: 12. 10. 2017).

10. Zagidullina M.V. Klassicheskie Literaturnye Fenomeny kak Istoriko-Funktsional'naya Problema (Tvorchestvo A. S. Pushkina v Receptivnom Aspekte): Avtoref. Dis. ... Doct. Filol. Nauk [Classical Literary Phenomena as a Historical and Functional Problem (A.S. Pushkin's Creativity in a Receptive Aspect)]. Ekaterinburg, 2002. 24 p.
11. Zagidullina M. V. Pushkinskii Mif v Kontse XX Veka [Pushkin's Myth at the End of the Twentieth Century]. Chelyabinsk, 2001. 329 p.
12. Kuryanov S. O. Neskol'ko Slovo o Krymskom Tekste (Razgranichenie Ponyatii Krymskii Motiv, Obraz Kryma i Krymskaya Tema) [A Few Words about the Crimean Text (Differentiation of the Concepts of the Crimean Motive, the Image of the Crimea and the Crimean Theme)]. Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta. Philology. Social Communications. 2013. Vol. 27 (66). № 1. Part 2. Pp.171–176.
13. Kuryanov S. O. Krym v Proizvedeniyakh Drevnerusskoi Literatury XVI Veka (k Probleme Stanovleniya Krymskogo Teksta) [Crimea in the Works of Ancient Russian Literature of the 19 Century (to the Problem of the Formation of the Crimean Text)]. Philological Studies. 2016. Vol. 15. Pp. 57–72.
14. Kuryanova V. V. Krymskii Tekst v Tvorchestve L. N. Tolstogo: Diss. ... Kand. Filol. Nauk [Krymsky Text in the Works of L. N. Tolstoy]. Simferopol, 2013. 241 p.
15. Lyusy A. P. Krymskii Tekst v Russkoi Literature [Crimean Text in Russian Literature]. Saint-Petersburg, 2003. 314 p.
16. Nabokov V. V. Stikhotvoreniya i Poemy [Poems]. M.: Sovremennik Publ., 1991. 576 p.
17. Nekrasov N. A. Izbrannye Proizvedeniya [Selected Works]. M., 1953. 582 p.
18. Pushkin A. S. Sobranie Sochinenii v 10 Tomakh [Collected Works in 10 Volumes]. M.: GIKHL Publ., 1959–1962.
19. Pushkin v Tavride. Sbornik Literaturno-Kraevedcheskikh Statei [Pushkin in Tauris. Collection of Literary-Local History Articles]. Crimean Pushkin Library. Simferopol: Tavria Publ., 1995. 176 p.
20. Tarlovsky M. A. Molchalivyi Polet [A Silent Flight]. M., 2009. 672 p.
21. Turoverov N. N. Bakhchisarai [Bakhchisarai]. Available at: http://tavrida_liter.chat.ru/klas/bahchi.htm. (accessed: 03.01.2018).

22. Chichibabin B. A. Stikhotvoreniya [Poems]. Available at: <http://chichibabin.ru/stihi/55.htm>. (accessed: 25.01.2018).
23. Shemetova T. G. Biograficheskiy Mif o Pushkine v Russkoi Literature Sovetskogo i Postsovetskogo Periodov: Avtoref. Dis. ... Doct. Filol. Nauk [Biographical Myth about Pushkin in Russian Literature of the Soviet and Post-Soviet Periods]. M., 2011. 48 p.
24. Muzei A. S. Pushkina v Gurzufе [Museum of A. S. Pushkin in Gurzuf]. Available at: <http://gurzufmuseum.com>. (accessed: 25.01.2018).

PUSHKIN'S MYTH IN CRIMEAN TEXT OF RUSSIAN POETS OF THE 19TH– 20TH CENTURIES

Ivanova N. P.

**Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russian Federation
E-mail: N-P-Ivanova@yandex.ru**

In the article, from the standpoint of methods aimed at studying receptive aesthetics, the influence of the fact that A. S. Pushkin visited Crimea in 1820 and the poet's works related to his stay on the peninsula on the perception of this region by literary figures of the 19th and 20th centuries and their work is considered. The ways to implement Pushkin's myth in the Crimean text of Russian poets of the specified period are analyzed. The purpose of the article is to identify the structure and features of the functioning of the writer's myth about A. S. Pushkin. The research is based on poetic works by V. G. Benediktov, M. A. Voloshin, P. A. Vyazemsky, N. A. Nekrasov, V. V. Nabokov, N. N. Turoverov, I. G. Volobueva, M. A. Tarlovsky, B. Chichibabin, which implemented the following myths that make up the structure of Pushkin's myth and form a certain hierarchy: "romantic hero", "mentor-inspirer", "sacral person", "source of sacralization of Crimea". In addition, the origin and functioning of such myths as "Pushkin's cypress" and "Pushkin's sycamore" in the artistic text are considered. The study concluded that A. S. Pushkin's visit to the Crimea at the beginning of his creative journey not only determined the nature of his poetry, but also became one of the first prerequisites for the emergence of Pushkin's myth, and ideas about the peninsula of literary figures, which were contemporaries and followers of the poet, they find an inseparable connection with his name. One of the main means of explication of Pushkin's myth was the Crimean text, in which the Pushkin's Crimea as myth appeared from the first third of the twentieth century. The perception of the peninsula through the prism of the analyzed myth leads to the sacralization of this region.

Keywords: Crimean text, Pushkin myth, writer myth, myth structure, mythology.

УДК 821.161.1 : 159.95 + 82–3 “1920–1939”

**СОЦИАЛЬНАЯ МАСКА КРЕСТЬЯНИНА
В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОЗЕ 1920-1930-Х ГОДОВ**

Машкова Е. Е.

Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь, Россия
lebed_ekaterina@bk.ru

В предлагаемой статье на материале репрезентативной для социалистического реализма 1920–1930-х годов производственной прозы (Ф. Гладкова, Г. Дальнего, А. Зорича, В. Ильенкова, В. Катаева, Л. Леонова, А. Малышкина, Н. Никитина, М. Шагинян, Я. Шведова, И. Эренбурга, Б. Ясенского) анализируется собирательный образ крестьянства на стройках пятилеток. Доказывается, что в литературе о социалистическом строительстве образ вчерашнего мужика упрощается до социальной маски (лапти, зипун, борода), символизирующей всякую некачественную работу. Вскрывается проявляющаяся в советской литературе оппозиционность сознательного и лапотного пролетариев, что расценивается как одно из проявлений конфликта партийности и народности. Литературные интерпретации образа народа рассматриваются в диахронии (1920-е и 1930-е годы) в контексте партийных директив и литературной критики первых послереволюционных десятилетий.

Ключевые слова: крестьянство, образ мужика, социалистический реализм, советская литература, народность, производственная проза.

ВВЕДЕНИЕ

В 1920-е партийные и литературные вожди возложили на писателя недвусмысленную задачу – очистить литературу от «той жалостной, красивенькой и лживой “выдумки”, с которой у нас издавна принято писать о деревне, о мужиках» [13, с. 441–442]. В резолюции 1925 года «О политике партии в области художественной литературы» прямо говорилось: писатель должен помочь партии «ужиться с крестьянством и медленно *переработать* его» (Здесь и далее курсив наш. – Е. М.) [39, с. 82].

Призыв к «переработке» крестьянина не был метафорой. «...Русский мужик был наречен <...> революцией *пролетарием*...» – писал в конце 1920-х годов Ф. А. Степун [42, с. 9]. Крестьян массово «перековывали» в рабочих: трудовыми резервами деревни повсеместно восполнялась нехватка рабочей силы, остро ощутившаяся в эпоху индустриализации. В первую пятилетку, по данным зарубежных историков, пятьдесят три процента всех работающих на «соцобъектах»

составляли крестьяне [20, с. 31]. Существует мнение, что на самом деле этот процент был значительно выше: кадровый пролетариат буквально «растворился в потоке крестьян, пришедших в город» [там же, с. 145]. «На фабрики, на заводы, в рудники и шахты влезает деревенский человек – человек, разум которого еще не работал, не привык работать и который оброс толстой корой древнейших церковных суеверий, предрассудков, предубеждений», – писал М. Горький [12, с. 4]. Рабочие из крестьян и именовались особым образом – их называли «лапотными пролетариями».

Литература социалистического реализма, и в частности, ее квинтэссенция – повествующая об успехах промышленного строительства производственная проза не обошли своим вниманием мужика. Крестьянин стал массовым персонажем многочисленных «индустриальных» романов, повестей, рассказов и очерков – знаковым для понимания системы первообразов соцреализма. Очерчивая круг предписываемых методом нормативных характеров (молодой человек с классовым чутьем пролетария, колеблющийся интеллигент, классовый враг, женщина, обретающая человеческое достоинство, крестьянин-середняк, кулак), исследователи лишь вскользь упоминают о существовавших классовых противоречиях между городом и деревней [11, с. 119, 116, 117]. Коммунистические модификации мифа о «загадочной русской душе» в современном гуманитарном знании по-прежнему остаются *tabula rasa*. В свете неослабевающего интереса исследователей к советскому периоду истории русской литературы актуальность этой проблемы не вызывает сомнений. Предлагаемый анализ соцреалистических трактовок образа крестьянства представляет собой один из возможных подходов к теме.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Пореволюционному искусству была свойственна определенная экспрессивность. В статье «Новая русская проза» (1923) Е. Замятин писал об авторах, изображающих революционный быт: «Видят только тело – и даже не тело, а шапки, френчи, рукавицы, сапоги (...)» [цит. по: 3, с. 35]. В пролетарской литературе, однако, подобный экспрессионизм имел и вполне реальные корни. Судить о человеке,

выносить ему приговор «свой – чужой» по первому взгляду на очки, одежду, прическу было обычным делом людей из ОГПУ и всех «неравнодушных» и бдительных. В истории строительства Беломорско-Балтийского канала об умении «опытного советского человека» по внешности заключать «наш человек» или «не наш» говорится уважительно и с одобрением: дубленый полушубок и косоворотка – явно профессор философии или большой администратор; шляпа и пенсне – чаще всего артист или счетовод [5, с. 47]. При подобных обстоятельствах нельзя не расслышать в реплике одного из героев леоновской «Соти»: «Пенсне – надо смелость – за пенсне могут расстрелять...» – отнюдь не шуточное предупреждение [26, с. 69].

Вещные, портретные детали: лапти, зипун, борода – стали неотъемлемой частью социальной маски, закрепившейся за крестьянством в литературе 1920-х – начала 1930-х годов. В очерке «Как я была инструктором ткацкого дела» (1922) М. Шагинян так описывает краснодарских прядильщиков: «...расейские, в лаптях» [46, с. 600]. В романе Н. Никитина «Поговорим о звездах», когда на стройке не хватало рабочих, комсомольцы ездили в степь вербовать «баб, ребят, бородачей» [33, с. 33]. Вчерашние крестьяне появляются на заводе и в повести Я. Шведова «Поиски Отечества»: «Опустив низко головы, проходили *русобородые*, в коротких пиджаках, мужики; в их осторожной походке, хотя и смутно, угадывался крестьянин, еще вчера ходивший за плугом по чернозему или истощенному суглинку пашни» [48, с. 26]. На строительство общепролетарского дома присылают крестьян и у чуждого соцреализма А. Платонова; Чиклин сразу узнал в них «людей, привыкших идти тихим шагом позади трудящейся лошади» [36, с. 123]. «Лапотники», «все расейские Федосеи да Иваны, такая же потомственная лаптеносная голь» стекались на строительство комбината у реки Соть в одноименном романе Л. Леонова [26, с. 45, 115]. На вокзальной площади захолустного города у А. Малышкина «топал совсем мшанский народ – в лаптях, в оранжевых нагольных полушубках»; за своим билетом на стройку будущего «стояло несколько опоздавших *зипунов* с котомками»; в вагоне тощенький паренек «спал сидя, широко раскидав ноги в лаптях» [30, с. 222, 229, 19]. Безымянные строители Кузнецка: «*бородатые* крестьяне», «*бородатые* землекопы», приехавшие из глубинки «*бородатые* люди в меховых шапках» – с

калейдоскопичной быстротой сменяют друг друга в романе И. Эренбурга «День второй» [50, с. 252, 276, 294].

Атавистичные в эпоху Магнитостроя бороды и лапти стали в советской литературе деталью, обличающей в мужике старый мир, темную, противящуюся прогрессу Россию. О содержании романа П. Замойского «Лапти» и повести М. Чистякова «Борода» можно без труда догадаться уже по их названиям. «...Социально значительные процессы выражены в частных, конкретных и индивидуально-ограниченных вещах, – писала о повести М. Чистякова критика. – Борода бедняка <...> не случайность, она – символ, но исключительно реальный по своей природе», – символ доколхозной деревенской жизни [31, с. 211]. В романе Л. Леонова «Скутаревский» есть что-то вроде новеллы о бороде. Банщик Матвей Никеич «был этакая *бородатая амeba*, дикарь». Досуг коротал на сыром банном чердаке, перебирая сокровища – несколько дореволюционных монет с профилями царей: «Оба были с бородами, и это в обидной степени роднило их с Матвеем» [27, с. 29]. Когда же Матвея Никеича выбрали народным депутатом, нечесаная его борода стала являться ему в кошмарах косматым чудовищем, не пускающим банщика в новую советскую жизнь [там же, с. 123]. Когда же герой наконец решил сбрить бороду, оказалось, что это банальнейшее событие ознаменовало в его судьбе революционный водораздел: «...прежнего Матвея уже не было; прежнее <...> прошлое космами валялось тут же, под сапогами» [там же, с. 127].

Борода и лапти обрели знаковое качество задолго до советской эпохи. Брадобритие стало вопросом едва ли не государственной важности еще в петровское время. (Закономерно, что именно к этому периоду относится немалая часть русских пословиц и поговорок о бороде [14].) Позже лапти, зипуны, сермяги были символом русской деревни и у славянофилов, и у западников (вспомним серебряную пепельницу в виде лаптя на столе тургеневского Павла Петровича Кирсанова). В. Г. Белинский восставал против известных представлений о русской специфике: «...будто бы <...> русский дух дает себя чувствовать только там, где есть зипун, лапти, сивуха и кислая капуста» [4, с. 295]. Достоевский иронизировал над

«европейским русским человеком», которому не с руки «пребывать в уездной кутузке вместе с оборванным народом, одетым в национальные лапти», и соединиться «с землею, воняющею зипуном и лаптем» [18, с. 7].

У Л. Н. Толстого в повести «Поликушка» мужиков в «лаптях, всегда огромных, точно <...> лодки», называют не иначе как «лапотниками» [43, с. 343]. М. Шолохов в «Тихом Доне» подмечает давнюю неприязнь казаков к обычным крестьянам. «Лапоть дровяной!», «Мужицкий лапоть», – кричат в станице заезжим деревенским.

Как видим, лапоть – постоянная деталь портрета мужика в XIX веке. Но образ «лапотника» в русской классике многомерен и сложен. Поликушка у Толстого бывал и в хмельном угаре, и не чист на руку, но в то же время это человек совестливый, «добрый и не дурной, только слабый» [43, с. 307]. В тургеневских «Записках охотника» герои из народа чутки к природе (Касьян, Калиныч, бежинские «ребята»), хозяйственны, практичны (Хорь), терпеливы и смиренны (шумихинский Степушка, Лукерья), – и в то же время народ не чужд лукавства, суеверен, бестолково-беспечен (Ермолка). «Русская, правдивая, горячая душа» звенела у Тургенева в народных песнях – и оглушалась в пьяном загуле.

В предисловии к циклу «Праведники» Н. С. Лесков говорит о том, что большое не всегда укладывается в однозначную схему. Один из его праведников – Несмертельный Голован – богоносец, «человек превосходной совести», по апостольскому завету несет людям совершенную любовь («...ломал хлеб от своей краюхи без разбору каждому, кто просил»), в лихую годину мора и язвы выхаживает больных, смиренно терпит клевету обидчиков [28, с. 114, 116]. Другой – «очарованный странник», тоже окрещенный молвой Голованом, – совершил не одно убийство, воровал и пил. Всю свою жизнь страдал от ищущей выхода несмирненной, разрушительной силы и при этом сострадал слабым и жалел врагов, он и убил из жалости – и кровью смывал грех на поле брани. В плену, в татарской степи, Иван больше всего тосковал по церковному колокольному звону. В конце концов Голован стал послушником. «Просто добряк, или помешался, или взаправду предсказатель», – говорили о нем, молитвеннике за судьбу русского мира [там же, с. 264–266].

Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» писал об этом типе русского человека, вспоминая «Созерцателя» И. Крамского: «...в лесу, на дороге, в оборванном кафтанишке и лаптишках стоит один-одинешенек, в глубочайшем уединении забредший мужичонко, стоит и как бы задумался, но он не думает, а что-то “созерцает” <...> спросили бы его, о чем он это стоял и думал, то наверно бы ничего не припомнил, но зато наверно бы затаил в себе то впечатление <...> может вдруг, накопив впечатлений за многие годы, бросит все и уйдет в Иерусалим скитаться и спасаться, а, может, и село родное вдруг спалит, а может быть случится и то и другое вместе» [17, с. 116–117].

В 1920-е в производственной прозе от созерцателя в лаптях остался один поджигатель.

Положение крестьян на стройках первой пятилетки было непростым: их в первую очередь винили во всех производственных неудачах [16, с. 104]. Слова «бородач», «лапотный пролетарий» употреблялись исключительно как бранные, а прозвища «лапти», «волосатики-мужики» (очевидно, от названия лаптей из конского волоса – волосянок) явно были не свободны от презрительных оценок [6, с. 22; 134, с. 111]. В советской литературе этого периода крестьяне, «лапотные пролетарии» изображались в духе времени – несознательными, не умеющими, а главное, не желающими сознательно трудиться. На стройках мужики тосковали. О мужицкой тоске – по земле ли, по семье, по родной деревне или по чему-то еще непонятному и незнакомому – в 1920-е годы, как замечал в книге «Искусство видеть мир» А. Воронский, писали все без исключения молодые авторы [7, с. 422]. В романе А. Малышкина «Люди из захолустья» у строителей из деревенских – «крошечные тоскливые глазки»; в крестьянских бараках – «червивая тоска»: «К ночи еще заунывнее, тошнее думалось об оставленных где-то домашних» [30, с. 138, 126, 91]. В романе В. Катаева «Время, вперед!» «серые» новички, не проработавшие на строительстве и месяца, «тосковали по дому, пели по ночам полевые деревенские песни, копили деньги и вещи», собирались вернуться в деревню [24, с. 262].

Именно из-за «лапотных пролетариев» остановился завод в романе В. Ильенкова «Ведущая ось»: они срывали сроки работ, «снова зарывались в хозяйство,

оставленное на всякий случай, обрастали навозом и бородами» [23, с. 3]. «Мужик попер на завод, лаптями разве нафорсуешь, как надо?» – возмущались рабочие [там же, с. 28]. Развенчание вредной и чуждой идеологии «лапотных пролетариев» – лейтмотив рассказа В. Ильенкова «Аноха». Его ценность критика видела в том, что автором «убедительно разоблачен Рябов, идеолог группы “лапотных” пролетариев, имеющих хозяйство в деревне», тяготеющих «к привычным, обыденным формам труда, труда “по старинке”, с желанием урвать побольше и удрать на свой клочок земли...» [38, с. 179].

В годы первой пятилетки лапоть стал символом всякой плохой, некачественной работы. Если в романе В. Катаева «Время, вперед!» отстающие бригады на стенгазетах рисовались едущими в калоше [24, с. 226], то в повести Г. Дальнего «Срок» бригадир предлагает заменить на плакате калошу с отстающей бригадой лаптем: «Думаете, вам тут деревня, лапти развесили, день проработали, а на другой отдыхать. Тут социализма строится, что же вы не знаете? В калош сели, ну не срам, я б вас посадил в лапоть, в лапоть» [15, с. 70]. Самый отпетый бузотер, лодырь и картежник Саенко у В. Катаева демонстративно разгуливает по строительной площадке, «шаркая по жаркой пыли лаптями» [24, с. 7, 8]. «Лодыри, стукачи, лапотники», – клеймит нерадивых строителей бригадир Фокин в «Гидроцентрали» М. Шагинян [46, с. 487]; «рязань... борода» – одергивает рабочих из крестьян, ворующих ложки, ответственная по столовой Глаша в романе Н. Никитина «Поговорим о звездах» [33, с. 7]. В «Энергии» Ф. Гладкова Мирон Ватагин, желая побольнее уязвить недобросовестного прораба, бросает: «А все-таки вы, товарищ Вихляев, еще не расквитались с лаптями...» [10, с. 19].

В таком контексте вовсе не кажется странным абсурдный, на первый взгляд, вопрос старика в платоновском «Котловане»: «На дворе кафельного завода старик доделал свои лапти, но боялся идти по свету в такой обуше <...> – Вы не знаете, товарищи, что, заарестуют меня в лаптях аль не тронут?» – обратился он к подошедшим Прушевскому и Чиклину □36, с. 142□. Этот эпизод – еще одно подтверждение того, что в основе «ощущаемой ныне парадоксальности Платонова» – «драматическая связь с абсурдностью самого времени, с видимой алогичностью

процессов, сопровождающих крушение старой и рождение новой России» [8, с. 5]; что «...один из самых фантастических художников XX века во всех деталях и подробностях оставался верен реальности» [29, с. 169]. В случае с лаптями проявляется и не раз отмечаемое исследователями свойство идеостиля художника – «опредмечивать» метафоры. Как пишет А. В. Кеба, в платоновском универсуме «...сами метафоры как бы демегафоризируются, превращаются в картины, исключительно наглядные по своей конкретности и динамической насыщенности» [25, с. 41]. В отличие от условно-символических соцреалистических «лаптей» платоновские лапти в «Котловане» вполне конкретны. И в этом смысле «Котлован» – еще одно свидетельство того, как преследовались «лапти» на стройках социализма.

В производственной прозе «лапотный» и «сознательный» пролетарии выступают антиподами. Мужик чужд и непонятен новому человеку. Герой повести И. Эренбурга «Не переводя дыхания» Геня Синицын не знает, как поладить с «ребятами»: «С ними надо бы попроще... На вечерку, что ли, пойти? Выпить. Конечно, противно, но они это любят: значит, свой, не зазнается» [49, с. 272, 274]. В рассказе Н. Асанова «Восстание Олимпиады», хотя и не имеющем отношения к теме индустриализации, но показательном в данном контексте, герой-большевик недоумевает: «Сегодня мужики тихо шепчутся, но боятся сказать что-то важное. <...> Как их понять?» [2, с. 86]. Мастер Тих Тихч в рассказе В. Ильенкова «Аноха» чувствует, что «мир, заключенный в закопченную оболочку литейщика», остается для него неведомым и чужим [22, с. 127]. К народу, обряженному хоть в зипуны и лапти, хоть в рабочие спецовки, вершители революции в производственной прозе не многим ближе, чем тургеневский Базаров, хвалившийся своим умением говорить с мужиками и даже не подозревавший, что «он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового» [44, с. 353].

В свою очередь, крестьянство видит в кадровом пролетарии представителя привилегированной части общества – «рабочего с тросточкой», как в «Поднятой целине» М. Шолохова говорят мужики о путиловцах. Беззаботной и легкой кажется жизнь «рационализатора» Анохи лапотным пролетариям в одноименном рассказе В. Ильенкова. «Тебе-то что? – обрушился один из них на Аноху. – Отработал восемь

часов да и на боковую, а мне киселя хлебать пешком за семь верст, да с бороной до ночи тягаться, овес, чай, не сеян, а таких больше полуцеха наберется...» [22, с. 121].

В литературе социалистического реализма, таким образом, налицо столкновение двух принципов, утверждавшихся как нераздельные, – *партийности*, предполагавшей «защиту интересов пролетариата» [35], и *народности*, подразумевавшей «выражение в искусстве идеалов, интересов и психологии народных масс» [32]. Поначалу это противоречие маскировалось при помощи ленинской теории «двух культур»: партийность подразумевала спайку «не просто с народом, а с наиболее передовыми слоями его» [34, с. 399].

Позже, в 1930-е годы, большевистская пропаганда стала активно внушать массам чувство «революционной национальной гордости». В декабре 1931 года в беседе с немецким писателем Э. Людвигом Сталин сказал: «В Европе многие представляют себе людей в СССР по старинке, думая, что в России живут люди, во-первых, покорные, во-вторых, ленивые. Это устарелое и в корне неправильное представление. Оно создано в Европе с тех времен, когда стали наезжать в Париж русские помещики, транжирили там награбленные деньги и бездельничали. Это были действительно безвольные и никчемные люди. Отсюда делались выводы о “русской лени”. Но это ни в какой мере не может касаться русских рабочих и крестьян, которые добывали и добывают средства к жизни своим собственным трудом» [41, с. 526].

Литературная критика продолжала бороться с «необъективным» «наивным народолюбием, уходящим корнями в субъективно-народническую социологию» [1, с. 188], преследовать в литературе «сусальное лапотничество» [87, с. 22]. Но огульное осмеяние народа стало жестоко пресекаться. Для автора, не уловившего новой тональности в характеристике народного характера, последствия могли быть самыми плачевными (так, например, Д. Бедный, продолжавший и в 1930-е сатирически высмеивать народную «рабскую лень», за что не раз разгромно критиковался в специальных постановлениях ЦК ВКП (б), в сущности, лишился звания «народного поэта»). В общественном сознании стали формировать новый собирательный образ русского человека.

В числе графаретов, к которым, изображая народ, прибегали писатели раньше и от которых они должны были уйти теперь, назывались все те же борода и лапти. Еще в период подготовки Первого всесоюзного съезда, на первом пленуме оргкомитета Союза писателей (1932) М. Чумандрин говорил о том, что советская проза, особенно крестьянская, «засорена деревенщиной»: всюду – «соллома, грязь, ветлы, засиженные галками, навоз, лапти, лохань» [40, с. 90]. «Старая лексика наших произведений – это национальная уость, это прямое наследие прошлого, от которого мы обязаны уйти как можно быстрее и как можно дальше», – заключал М. Чумандрин [там же]. Два года спустя в докладе на Первом всесоюзном съезде А. Фадеев призывал писателей не ограничивать художественные поиски заезженной схемой «приделаем бедняку рыжую бороду» [37, с. 234]. Один за другим выступающие на съезде доказывали, что русский народ не таков, каким его изображали до революции и привыкли изображать после ее победы. Колхозница Смирнова, приветствовавшая участников съезда «от имени всего колхозного крестьянства», не могла простить П. Замойскому (советскому писателю!) того, что он назвал свой роман о крестьянстве (в это время как раз вышла из печати его последняя часть) именно «Лапти» [там же, с. 229].

Производственная проза середины 1930-х годов отражает веяния времени. В романе И. Эренбурга «День второй» (1932–34) герои не пасуют перед посетившими стройку иностранцами: «Мы не лаптем ши хлебаем» [50, с. 342]. У В. Катаева только самодовольный скептик и карьерист Налбандов соглашается с мистером Раем Рупом в том, что Советская Россия живет между двумя полюсами: «С одной стороны – Вавилон. С другой – ляпоть» (сохранена орфография автора. – *Е. М.*) [24, с. 377]. В романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» (1936) рабочие с недоумением смотрят на американца, рассказывающего о том, что у него на родине «до сих пор в юмористических журналах представляют русских <...> с кудлатой бородой и с ножом в руках» [51, с. 183].

Прошлое, пусть с оговорками и в цензурно-усеченном виде, обретает ценность, начинает восприниматься как история. Это уже не вековой груз, который нужно «сбросить с корабля современности», но сокровищница народной мудрости. А в советской литературе вновь появляется борода, теперь уже в соответствии с

национальной традицией – как знак зрелости и житейской опытности. В повести Н. Никитина «Поговорим о звездах» (1934) бородаты не только отсталые крестьяне – бороду носит и старый, всеми уважаемый рабочий Лозовецкий. К его мнению на стройке прислушиваются и рядовые пролетарии, и командиры производства. На ином совещании только Лозовецкий и может разрядить накалившуюся обстановку: «Умный и тактичный старик говорил, перетирая в пальцах длинную бороду. Людям было приятно, все успокаивались. Медленный тон его речи, обдуманность, уверенная тишина его слов проливали своеобразный бальзам» [33, с. 41].

Лапти по-прежнему символизировали прошлое, но уже не обличали крестьянство. «Страна была аграрная: душевые наделы, бурьянные межи, сохи, серпы, лапти, небо, ручейки, перелески», – описывает Ф. Гладков места, где предстояло подняться Днепрострою [9, с. 164]. В очерке Н. Шихеева «Имени Сталина» (1932) одна историческая веха – лапти, другая – процветающий автозавод («русская металлургия не смогла и думать о производстве высококачественных автомобильных сталей... В довоенной лапотной, сермяжной, нищей России автомобиль являлся предметом роскоши...») [цит. по: 19, с. 157]. От лаптей – к сапогам и калошам – так выглядит прогресс в производственных очерках А. Зорича и М. Чарного: старая Россия, «отсталая и полудикая», «ходила в лаптях и ездила в убогих телегах... теперь она впервые обувается в башмаки и калоши, выпуск которых уже в тридцать пятом году составит сто миллионов пар» [21, с. 151]. «Целые слои трудящихся... которые раньше пребывали в состоянии варварской забитости... теперь поднимаются с мощным требованием: даешь! <...> Они... требуют сапог – раньше ходили в лаптях и о сапогах мечтали только на праздниках...» [45, с. 178].

Однако, отказываясь от обличительного пафоса по отношению к крестьянству, уходя от демонстрации всегдашних улик народной отсталости – бород и лаптей, литературные чиновники и в 1930-е годы не могли согласиться с мыслью о существовании каких-то особых духовных основ русской народной культуры. И. Луппол в докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей настойчиво опровергал существование «некоего “национального духа”», некой двойственной «русской души», которая неизменно «раздваивается» и вместе «с развесистой

кнюквой» входит в «ассортимент российской экзотики» [37, с. 258–259]. Делегаты съезда единодушно отрицали «ложные» национальные особенности русского мужика, и прежде всего – «мистического порядка» [там же, с. 174].

ВЫВОДЫ

Литература социалистического реализма, призванная перевоспитывать массы, была зеркалом, отражающим действительность. Мужик – основная рабочая сила на производстве – выглядит в этом зеркале лапотным пролетарием. В романах В. Ильенкова, И. Эренбурга, Г. Алексева «лапотный» и «сознательный» пролетарии выступают антиподами: мужик чужд и непонятен новому человеку, а крестьянство видит в кадровом пролетарии представителя привилегированной части общества. В соцреализме, таким образом, изначально заложен конфликт двух его основополагающих принципов – партийности и народности.

Зипун, борода, лапти – вещные детали, обличавшие старую Россию в 1920-е годы, адаптированные к партийной политике в 1930-е, стали частью закрепившейся за крестьянином социальной маски, на долгие десятилетия, вплоть до расцвета «деревенской» прозы, укрывшей от читателя многомерный образ русского народа.

Список литературы

1. Алтаев, Б. И. Взбаламученная Русь / Б. И. Алтаев // Красная новь. – 1931. – Кн. 4. – С. 188.
2. Асанов, Н. Восстание Олимпиады / Н. Асанов // Красная новь. – 1931. – № 2. – С. 85–105.
3. Белая, Г. А. Дон Кихоты 20-х годов : «Перевал» и судьба его идей / Г. А. Белая. – М. : Советский писатель, 1989. – 400 с.
4. Белинский, В. Г. Избранные произведения / В. Г. Белинский. – Минск : Учпедгиз БССР, 1954. – 439 с.

5. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. 1931–1934 гг. / текст ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. – М., 1998. – 616 с.
6. Блюм, А. Общество и власть : 1930-е годы. Повествование в документах / А. Блюм / отв. ред. А. К. Соколов. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 352 с.
7. Воронский, А. К. Искусство видеть мир : портреты ; статьи / А. К. Воронский. – М. : Советский писатель, 1987. – 702 с.
8. Вьюгин, В. Ю. Повесть «Котлован» в контексте творчества Андрея Платонова / В. Ю. Вьюгин // Андрей Платонов. Котлован : текст. Материалы творческой истории. – СПб. : Наука, 2000. – С. 5–18.
9. Гладков, Ф. Моя работа над «Энергией» / Федор Гладков // Октябрь. – 1934. – № 5. – С. 162–167.
10. Гладков, Ф. Собрание сочинений : в 5 т. / Ф. Гладков. – М. : Худож. лит., 1983–1985. – Т. 2: Энергия : роман / Коммент. А. Макарова. – 1984. — 703 с.
11. Голубков, М. М. Утраченные альтернативы : формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы / М. М. Голубков. – М. : Наследие, 1992. – 202 с.
12. Горький, М. История фабрик и заводов / М. Горький // Литературная учеба. – 1931. – № 3. – С. 3–6.
13. Горький, М. Собр. соч. : в 30 т. / Максим Горький. – М., 1949–1955. – М., 1949–1955. – Т. 29 : Письма, телеграммы, надписи, 1907–1926. – 1955. – 670 с.
14. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М., 1995. – т. 1. – С. 115–116.
15. Дальний, Г. Срок / Г. Дальний // Октябрь. – 1932. – Кн. 8. – С. 58–91.
16. Депретто Ж.-П. Официальные концепции рабочего класса в СССР (1920–1930-е гг.) / Ж.-П. Депретто // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. – Вып. 7. – М., 2001. – С. 93–114.
17. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Художественные произведения : тома I–XVII / Ф. М. Достоевский ; [редколл. : В. Г. Базанов, В. В. Виноградов, Ф. Я. Прийма, Г. М. Фридлендер, М. Б. Храпченко]. – Л. : Наука, 1972–1990. –

- Т. 14 : Братья Карамазовы : книги I–X / [ред. тома Е. И. Кийко, Г. М. Фридендер]. – 1976. – 512 с.
18. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Публицистика, письма : тома XVIII–XXX / Ф. М. Достоевский ; [редколл. : В. Г. Базанов, В. В. Виноградов, Ф. Я. Прийма, Г. М. Фридендер, М. Б. Храпченко]. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 27 : Дневник писателя 1881. Автобиографическое. Dubia / [ред. тома : Г. М. Фридендер]. – 1984. – 464 с.
19. Журавлев, С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов» : горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов / С. В. Журавлев. – М. : ИРЛИ, 1997. – 213 с.
20. Зарубежная историография об индустриализации в СССР : реферат. сб. – М. : Ин-т науч. инф. по обществ. наукам АН СССР, 1976. – 193 с.
21. Зорич, А. Заметки о каучуке / А. Зорич // Красная новь. – 1933. – Кн. 11. – С. 151–188.
22. Ильенков, В. Аноха / В. Ильенков // На литературном посту : лит.-худож. сб. – М. : Моск. рабочий, 1930. – С. 103–142.
23. Ильенков, В. Ведущая ось / В. Ильенков // Октябрь. – 1931. – Кн. 9. – С. 3–44.
24. Катаев, В. Собр. соч. : в 5 т. / Валентин Катаев. – М. : Худож. лит, 1956–1957. – Т. 1 : Растратчики ; Время, вперед! ; Я, сын трудового народа. – 1956. – 640 с.
25. Кеба, А. В. Андрей Платонов и мировая литература XX века : типологические связи / А. В. Кеба. – Каменец-Подольский : Абетка-НОВА, 2001. – 320 с.
26. Леонов, Л. Собр. соч.: в 10-ти т. / Леонид Леонов. – М. : Худож. лит, 1969–1972. – Т. 4 : Соть (роман) ; Саранча (повесть) / Леонид Леонов. – 1970. – 451 с.
27. Леонов, Л. Собр. соч. : в 10-ти т. / Леонид Леонов. – М. : Худож. лит, 1969–1972. – Т. 5 : Скутаревский (роман). – 1970. – 319 с.
28. Лесков, Н. С. Собр. соч. : в 12 т. – М. : Правда, 1989. – Т. 2 / ред. П. Г. Горелов. – 1989. – 414 с.
29. Малыгина, Н. Поворот американского сюжета Андрея Платонова / Нина Малыгина // Октябрь. – 1999. – № 7. – С. 168–175.
30. Малышкин, А. Люди из захолустья / Александр Малышкин. – М. : Худож. лит., 1981. – 350 с.

31. Мессер, Р. Попутчики второго разряда / Р. Мессер // Звезда. – 1930. – № 4. – С. 203–211.
32. Народность // Большая советская энциклопедия. – М., 1975. – Т. 17. – С. 280–281.
33. Никитин, Н. Поговорим о звездах / Николай Никитин // Звезда. – 1934. – Кн. 7. – С. 3–56.
34. Овчаренко, А. И. Избр. произв. : в 2 т / А. И. Овчаренко. – М. : Худож. лит., 1986. – Т. 2 : Советская литература : исследования и статьи. – 1986. – 510 с.
35. Партийность // Большая советская энциклопедия. – М., 1975. – Т. 19. – С. 243–244.
36. Платонов, А. Котлован / А. П. Платонов // Платонов А. П. Государственный житель : проза, ранние сочинения, письма. – Минск : Маст. літ., 1990. – С.105–198.
37. Первый всесоюзный съезд советских писателей : стенографический отчет. – М., 1934. – 719 с.
38. Россоловская, В. Рассказы В. Ильенкова / В. Россоловская // Красная новь. – 1931. – Кн. 8. – С. 178–183.
39. Русская советская литературная критика (1917–1934) : хрестоматия : учеб. пособие для студ. филолог. фак. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / сост. П. Ф. Юшин. – М. : Просвещение, 1981. – 447 с.
40. Советская литература на новом этапе : стенограмма Первого пленума оргкомитета Союза советских писателей (29 октября – 8 ноября 1932). – М., 1933. – 257 с.
41. Сталин, И. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом [13 дек. 1931 г.] / И. В. Сталин // Ленин и Сталин : сб. произв. к изуч. истории ВКП (б). – М., 1936. – С. 523–549.
42. Степун, Ф. А. Чаемая Россия / сост. и послесл. А. А. Ермичева / Ф. А. Степун. – СПб. : РХГИ, 1999. – 480 с.
43. Толстой, Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. / редкол. : М. Б. Храпченко и др. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1978–1985. – Т. 3 : Повести и рассказы (1857–1863). – 1979. – 478 с.
44. Тургенев, И. С. Собр. соч. : в 12 т. / И. С. Тургенев. – М. : Гослитиздат, 1954. – Т. 3 : Накануне ; Отцы и дети / подготовка текста и примеч. А. И. Батюто. – 1954. – 414 с.

45. Чарный, М. «Романтики» и революция / М. Чарный // Октябрь. – 1932. – Кн. 7. – С. 165–185.
46. Шагинян, М. С. Собр. соч. : в 9 т. / Шагинян М. С. – М. : Худож. лит., 1986–1989. – Т. 3 : Повести, рассказы, очерки, литературно-критические статьи, рецензии / сост. С. И. Шешуков. – 1987. – 375 с.
47. Шагинян, М. С. Собр. соч. : в 9 т. / Шагинян М. С. – М. : Худож. лит., 1986–1989. – Т. 9 : Статьи о литературе и искусстве ; Путешествие по Советской Армении / коммент Л. Скорино. – 1989. – 765 с.
48. Шведов, Я. Поиски Отечества / Я. Шведов // Октябрь. – 1932. – Кн. 7. – С. 22–55.
49. Эренбург, И. Г. Сочинения : в 5 т. / Илья Эренбург. – М. : Гослитиздат, 1952–1954. – Т. 4 : Повести, рассказы, стихотворения [Примеч. Б. Емельянова]. – 1953. – 652 с./
50. Эренбург, И. Сочинения : в 9 т. / Илья Эренбург. – М. : Гослитиздат, 1962–1967. – Т. 3 : Заговор равных ; День второй ; Стихотворения. – 1964 – 514 с.
51. Ясенский, Б. Человек меняет кожу / Бруно Ясенский. Ъ М. : Сов. писатель, 1956. – 584 с.

References

1. Altaev B. I. *The Stired Russia*. Krasnaya Nov' Publ., 1931, no. 4, p. 188 (in Russ.).
2. Asanov N. *Olimpiada's Uprising*. Krasnaya Nov' Publ., 1931, no. 2, pp. 85–105 (in Russ.).
3. Belaya G. A. *Don Kihoty 20-kh Godov: «Pereval» i Sud'ba Yego Idei* [Don Quixotes of 1920ies: *Pereval* and the Fate of His Ideas]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1989. 400 p.
4. Belinskiy V. G. *Izbrannye Proizvedeniya* [Selected Essays]. Minsk: Uchpedgiz BSSR Publ., 1954. 439 p.
5. *Belomorsko-Baltiiskiy Kanal Imeni Stalina. Istoriya stroitel'stva. 1931–1934 gg.* [White Sea Baltic Canal named after Stalin. The History of the Construction. 1931–1934-ies]. Moscow, 1998. 616 p.

6. Blum A. *Obschestvo i Vlast': 1930-e Gody. Povestvovanie v Dokumentakh* [Society and Government: the 1930-ies. The Narrative in Documents]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 352 p.
7. Voronskiy A. K. *Iskusstvo Videt' Mir* [The Art of Seeing the World]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1987. 702 p.
8. V'ugin V. Yu. *The Foundation Pit* in the Context of Andrei Platonov's Creative Heritage. Andrei Platonov. Kotlovan: text. Materialy tvorcheskoy istorii. St. Petersburg, Nauka Publ., pp. 5–18.
9. Gladkov F. My Creation of *The Energy*. Oktyabr' Publ., 1934, no. 5, pp. 162–167 (in Russ.).
10. Gladkov F. *Energiya* [The Energy]. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1984, vol. 2, 703 p.
11. Golubkov M. M. *Utrachennyye Alternativy: Formirovaniye Monisticheskoy Konceptsiyi Sovetskoy Literatury. 20–30-e Gody* [Lost Alternatives: The Formation of Monistic Concept of Soviet Literature. 1920ies – 1930-ies]. Moscow, Naslediye Publ., 1992. 202 p.
12. Gor'kiy M. *The History of Factories and Plants*. Literaturnaya ucheba Publ., 1931, no. 3, pp. 3–6 (in Russ.).
13. Gor'kiy M. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, 1955, vol. 29, 670 p.
14. Dal' V. *Tolkovyyi Slovar' Zhivogo Velikorusskogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language]. Moscow, 1995, vol. 1, pp. 115–116.
15. Dal'nii G. *The Time Frame*. Oktyabr' Publ., 1932, no. 8, pp. 58–91 (in Russ.).
16. Depretto Zh.-P. *The Official Concept Of The Working Class in the USSR (1920–1930-ies)*. *Ekonomicheskaya Istoriya. Obozrenie* [Economic History. Review], 2001, issue 7, pp. 93–114.
17. Dostoevskii F. M. *Brat'ya Karamazovi* [The Brothers Karamazov]: knigi I–X [Books I–X]. *Polnoye Sobranie Sochinenii* [Full Collected Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 14, 512 p.

18. Dostoevskii F. M. *Dnevnik Pisatelya 1881. Avtobiograficheskoe. Dubia* [A Writer's Dairy. Autobiographical. Dubia]. *Polnoye Sobranie Sochinenii* [Full Collected Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 27, 464 p.
19. Zhuravlev S. V. *Fenomen «Istorii Fabrik i Zavodov»: Gor'kovskoe Nachinanie v Kontekste Epokhi 1930-H Godov* [The Phenomenon Of The History of Factories and Plants. Gorky Initiative in the Context of the Epoch of the 1930-ies]. Moscow, Institute of Russian Literature Publ., 1997. 213 p.
20. *Zarubezhnaya Istorografiya ob Industrializatsii v SSSR : Referat. sb.* [Foreign Historiography about Industrialization in the USSR. Abstract Collection]. Moscow, Institute of Society Sciences' Scientific Information of USSR Academy of Sciences, 1976. 193 p.
21. Zorich A. *Notes about Caoutchouc*. Krasnaya Nov' Publ., 1933, no. 11, pp. 151–188 (in Russ).
22. Il'enkov V. *Anoha. Na Literaturnom Postu* [On the Literary Post], 1930, pp. 103–142.
23. Il'enkov V. *The Main Shaft*. Oktyabr Publ., 1931, no. 9, pp. 3–44 (in Russ.).
24. Kataev V. *Vremya, Vpered!* [Time, Forward!]. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1956, vol. 1, pp. 197–522 .
25. Keba A. V. *Andrei Platonov i Mirovaya Literatura 20 Veka: Tipologicheskie Svyazi* [Andrei Platonov and 20th-century World Literature, Typological Relations]. Kamenets-Podol'skii: Abetka-NOVA Publ., 2001. 320 p.
26. Leonov L. *Sot'* [Soviet River]. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1970, vol. 4, pp. 7–296.
27. Leonov L. *Skutarevskii* [Skutarevsky]. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ., 1970, vol. 5, 319 p.
28. Leskov N. S. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Pravda Publ., 1989, vol. 2, 414 p.
29. Maligina N. *The Turning of Andrei Platonov's American Theme*. Oktyabr' Publ., 1999, no. 7, pp. 168–175 (in Russ.).
30. Malishkin A. *Ludi iz Zakholust'ya* [The People from Outback]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981. 350 p.

31. Messer R. *The Second-row Poputchiks*. Zvezda Publ., 1930, no. 4, pp. 203–211 (in Russ.).
32. *Narodnost'* [Narodnost]. *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia], 1975, vol. 17, pp. 280–281.
33. Nikitin N. *Let's Talk about the Stars*. Zvezda Publ., 1934, no. 7, pp. 3–56 (in Russ.).
34. Ovcharenko A. I. *Sovetskaya Literatura: Issledovaniya i Stat'i* [Soviet literature: researches and articles]. *Izbrannye Proizvedeniya* [Selected Essays]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, vol. 2, 510 p.
35. *Partiinost'* [Partiinost]. *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia], 1975, vol. 19, pp. 243–244.
36. Platonov A. *Kotlovan* [The Foundation Pit]. *Gosudarstvennyi Zhitel': Proza, rannie sochineniya, pis'ma* [The State Inhabitant: prose, early works, letters]. Minsk, 1990, pp.105–198.
37. *Pervii Vsesoyuznii Syezd Sovetskikh Pisatelei, 1934: Stenograficheskii Otchet* [First all-Union congress of Soviet writers. 1934 : Verbatim Report]. Moscow, 1934. 719 p.
38. Rossolovskaya V. V. *Il'enkov's Stories*. Krasnaya nov' Publ., 1931, no. 8, pp. 178–183 (in Russ.).
39. *Russkaya Sovetskaya Literaturnaya Kritika (1917–1934): Khrestomatiya* [Russian Soviet Literary Critics]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1981. 447 p.
40. *Sovetskaya Literatura na Novom Etape: Stenogramma Pervogo Plenuma Orgkomiteta Souza Sovetskikh Pisatelei (29 Oktyabrya – 8 Noyabrya 1932)* [Soviet Literature at New Stage: the First Plenum of Organizing Committee of Soviet Writers' Union]. Moscow, 1933. 257 p.
41. Stalin I. *Beseda s Nemetskim Pisatelem Dzhemilem Lyudvigom (13 dek. 1931 g.)* [Talk with German Author Emil Ludwig (December 13, 1931)]. *Lenin i Stalin* [Lenin and Stalin]. Moscow, 1936, pp. 523–549.
42. Stepun F. A. *Chaemaya Rossiya* [The Desired Russia]. St. Petersburg, 1999. 480 p.
43. Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1979, vol. 3, 478 p.

44. Turgenev I. S. *Otsi i deti* [Fathers and Sons]. *Sobranie sochinenii* [Collected Works] Moscow: Goslitizdat Publ., 1954, vol. 3, 414 p.
45. Charnyi M. *Romanticists and Revolution*. Oktyabr' Publ., 1932, no. 7, pp. 165–185 (in Russ.).
46. Shaginyan M. S. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987, vol. 3, 375 p.
47. Shaginyan M. S. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989, vol. 9, 765 p.
48. Shvedov Ya. *The Searching of Fatherland*. Oktyabr' Publ., 1932, no. 7, pp. 22–55 (in Russ.).
49. Erenburg I. G. *Sochineniya* [The Essays]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1953, vol. 4, 652 p.
50. Erenburg I. *Den' Vtoroi* [The Second Day]. *Sochineniya* [The Essays]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1964, vol. 3, pp. 151–360.
51. Yasenskii B. *Chelovek menyaet kozhu* [Man Changes His Skin]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1956. 584 p.

SOCIAL MASK OF PEASANTRY IN PRODUCTION PROSE OF THE 1920-1930-IES

Mashkova Ye. Ye.

Summary. In the given article the collective image of the peasantry at the five-year plans' constructions is analyzed in the texts representative social realism of 1920-1930-ies production prose by F. Gladkov, G. Dalnij, A. Zorich, V. Iljenkov, V. Katayev, L. Leonov, A. Malyshev, N. Nikitin, M. Shaginjan, Ja. Shvedov, I. Erenburg. It has been demonstrated that in the Socialism literature the image of Russian muzhik is reduced to social mask (bast shoes, zipun, beard) that was symbolizing any substandard work. The opposition of class-conscious and bast shoes' proletarians that reveals itself in Soviet literature is discovered. This opposition is estimated as an expression of conflict of party spirit and ethnicity. Author's interpretations of people image are investigated diachronically (1920-ies and 1930-ies) in context of Communist Party directives and criticism of the first post-revolutionary decades.

Keywords: peasantry, the image of Russian muzhik, Socialistic realism, Soviet literature, narodnost, production prose.

УДК 82.091(=1.4)/(=1.9)

**ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ «РАСХОЖДЕНИЕ»:
ОБРАЗ МАЗЕПЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА И В. ГЮГО**

Орехов В. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь,
Россия
E-mail: v-orehov@mail.ru

В статье осуществляется сравнительный анализ двух разнонациональных, но синхронно созданных произведений, объединенных историческим образом Мазепы: поэмы А. С. Пушкина «Полтава» и поэмы В. Гюго «Мазепа». Хотя авторы опирались на одни и те же художественные «тексты-образцы», переосмысление личности Мазепы имеет изначально разное направление. Это обусловлено как национально-культурной принадлежностью поэтов, степенью интереса к русской истории, так и их творческими подходами. Статья включает в себя подстрочный и поэтический переводы на русский язык поэмы В. Гюго «Мазепа».

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Виктор Гюго, имагология, мифологизация истории, Мазепа.

ВВЕДЕНИЕ

В 1828 г. А. С. Пушкин и Виктор Гюго практически синхронно работали над созданием поэтических вариаций образа Мазепы. Результатом стали поэма Пушкина «Полтава» и поэма Гюго «Мазепа». К этому времени художественное осмысление личности запорожского гетмана уже имело прецеденты, и оба поэта, несомненно, принимали во внимание не только реально-историческую фактуру сюжета, но и одни и те же художественные «тексты-образцы». И тем более требует объяснения то обстоятельство, что переосмысление образа Мазепы у Пушкина и Гюго приняло качественно разные направления. **Цель** настоящей статьи – выявить объективную обусловленность несоответствий в интерпретации личности Мазепы А. С. Пушкиным и В. Гюго. Это требует решения следующих **задач**: 1) сопоставить особенности художественного подхода, реализованного в поэме Пушкина «Полтава» и поэме Гюго «Мазепа»; 2) подготовить буквальный и поэтический переводы на русский язык поэмы Гюго «Мазепа» (что при сравнительном анализе отчасти нивелирует «поправку» на национально-языковые особенности); 3) осветить место указанных поэм в контексте поэтического творчества и мировоззренческих позиций

Пушкина и Гюго. **Объект** статьи – художественное осмысление личности Мазепы, **предмет** – осмысление личности Мазепы А. С. Пушкиным и В. Гюго.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

«Полтава» и «Байронов “Мазепа”»

А. С. Пушкин начал поэму о Мазепе 5 апреля 1828 г. и писал с перерывами до сентября того же года. Поэма именовалась «Полтавой», но в читательском сознании она неизбежно должна была связаться с известной поэмой Байрона «Мазепа» (1817). Учитывая бесконечные споры критиков о «подражаниях Байрону» в южных поэмах [11], Пушкин, конечно, обдумывал, каким образом внешне оформить отношение своего нового произведения к поэме Байрона.

К этому времени А. С. Пушкин преодолел влияние Байрона [6], и «Полтава» имеет совершенно оригинальный сюжет, разрешение темы и поэтику, порою сводимую к «прагматическому изложению» [10, с. 274] исторических событий. Поэма Байрона послужила для поэта источником осмысления личности Мазепы в гораздо меньшей степени, нежели исторические документы. Однако Пушкин не отграничивается от Байрона совершенно и вводит эпитафию, взятую из текста байроновского «Мазепы», несущий широкий историко-философский смысл, лишь контекстуально связанный с личностью гетмана: «Мощь и слава войны / Как и люди, их суетные поклонники, / Перешли на сторону торжествующего царя».

В этом угадывается авторский расчет. Читатель, по воле автора, с первых строк должен был уловить связь «Полтавы» с поэмой Байрона, *ожидать*, что связь эта разовьется в сюжете и поэтике, а *найти* произведение совершенно не байроновского плана. Это несоответствие между ожидаемым и прочитанным, видимо, по мысли Пушкина, должно было акцентировать внимание на его уходе от байроновских традиций. Новая интерпретация образа Мазепы, впрочем, предупреждалась предисловием к первому изданию «Полтавы»: «Некоторые писатели хотели сделать из него (Мазепы – В. О.) героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварстве и злодеяниях <...>» [9, т. 5, с. 335].

Тем не менее, осенью 1830 г., через полтора года после издания поэмы, Пушкин почувствовал необходимость дать публике дополнительные разъяснения, которые он включил в неопубликованный полностью при жизни цикл <Опровержений на критики>. В 1831 г. эти разъяснения были отдельно опубликованы в альманахе «Денница» и ныне фигурируют под названием <Возражение критикам “Полтавы”>. «В “Вестнике Европы”, – писал Пушкин, – заметили, что заглавие поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее “Мазепой”, чтоб не напомнить о Байроне. Справедливо, – но была тут и другая причина: эпитафия. Так и “Бахчисарайский фонтан” в рукописи назван был “Харемом”, но меланхолический эпитафия (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня» [9, т. 11, с. 165].

Иными словами, Пушкин тактично дает понять, что из байроновского сочинения он взял лишь то, что касается исторического осмысления войны, а не личности гетмана. Но, видимо, не надеясь, что мысль его будет понята с полуслова, Пушкин продолжает: «<...> Критики упомянули, однако ж, о Байроновом “Мазепе”; но как они понимали его! Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой “Истории Карла XII”. Он поражен был только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая <...>. Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачного, ненавистного, мучительного лица, которое появляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду одному из моих критиков) как нарочно в “Мазепе” именно и нет. Байрон и не думал о нем: он выставил ряд картин, одна другой разительнее – вот и все, но какое пламенное создание!» [9, т. 11, с. 165].

Здесь же Пушкин излагает собственную интерпретацию личности гетмана-изменника: «Мазепа мог долго помнить обиду московского царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный» [9, т. 11, с. 164–165]. Любопытно, что в черновом варианте статьи Пушкин намеревался добавить еще одну черту к характеру Мазепы: «мр<ачный>» [9, т. 11, с. 402], но отказался от последнего определения, видимо, не желая лишних параллелей с «байроновским героем».

Не включил Пушкин в печатный вариант <Возражения критикам «Полтавы»> и следующий пассаж: ««Полтаву» написал я в несколько дней, долее не мог бы ею заниматься, и бросил бы все» [9, т. 11, с. 160]. В черновике были еще два варианта этой фразы: а) «Поэму написал я в неделю»; б) «Поэму написал я в две недели» [9, т. 11, с. 405]. В этом Пушкин лукавил, хоть и не без доли правды: основная часть поэмы действительно была написана очень быстро. Но указание на скорость, с которой писалась поэма, могло, во-первых, подорвать в читателях доверие к скрупулезности, с которой автор обрабатывал исторический материал, а во-вторых, снова вызвала бы нежелательную параллель с общеизвестной быстротой создания Байроном своих поэм. Так что фраза была исключена из окончательного варианта статьи.

А. С. Пушкин не просто уходил от байроновских традиций, тяготея к эпической полноте и достоверности исторических лиц и событий, он преодолевал стереотип «ученика Байрона» [6, с. 203], укрепившийся в критической литературе и читательском сознании.

Российская история в восприятии В. Гюго

В мае 1828 г., в то самое время, когда шла работа над «Полтавой», В. Гюго написал поэму «Мазепа». Поэма В. Гюго была опубликована в его сборнике «Восточные мотивы» («Les Orientales») в 1829 г. – в год публикации «Полтавы».

Впервые к русской теме Виктор Гюго обратился в 1816 г. В третьем выпуске «Conservateur litteraire» было опубликовано его стихотворение («Discours...») на заданную Французской академией тему. Между прочим, юный автор в нескольких стихах восторженно отозвался о Петре I. Характеристика царя, который «для того, чтобы просветить свои невежественные народы, спустился до их уровня», «учился сначала сам тем искусствам, которым он собирался их научить» [1, с. 792], выдержана в духе хвалебной оды, соответствует представлению о Петре Великом, созданному Вольтером, и не имеет ничего общего с тем, как Гюго оценивал личность Петра в дальнейшем своём творчестве.

Можно только догадываться, было ли упоминание о Петре I в стихотворении Гюго результатом серьёзного осмысления, или начинающий автор просто желал

угодить мнению академиков, но то, что в ближайшие годы поэт интересовался вопросами, касающимися России, сомнения не вызывает. Уже в «Дневнике юного якобита 1819 года» (1819 г.) Гюго излагает развернутое рассуждение о России, которое вряд ли являлось плодом сиюминутного впечатления.

Начинает Гюго с определения роли российского государства в современной европейской политике: Россия – один из трёх «исполинов», «колоссов» наравне с Англией и Францией. И далее: «За одно столетие, с удивительной быстротой, выросло это молодое государство посреди старого материка. Его будущее чрезвычайно весома для наших судеб. Не исключена возможность, что «варварство» России ещё обновит нашу цивилизацию, и, быть может, сейчас русская земля растит свои дикие племена для наших просвещённых краёв» [4, с. 7].

Важен вывод, заключающий последнее рассуждение: «Чтобы верно предугадать, чем станет этот народ, следует тщательно изучить, чем он был. Однако такая работа чрезвычайно трудна. <...> Прошлое этого народа так же туманно, как его небеса, и в его анналах, как и на его землях, перед вами подчас оказывается пустыня» [4, с. 7].

Очевидно, что российская история интересует Виктора Гюго и может найти отражение в его поэзии. Действительно, Россия упоминается уже в стихотворениях «Моему отцу» (1823) и «Два острова» (1825), правда, мельком – в связи с поражением Наполеона в московском походе. Первым и, по сути, единственным стихотворным произведением Гюго, основанном исключительно на материале российской истории, стала поэма «Мазепа».

Понятно, что поэт знал о личности гетмана из сочинения Вольтера («История Карла XII»), но каково было его отношение к вольтеровской книге в момент написания поэмы, сказать трудно: в «Дневнике юного якобита 1819 года» он раскритиковал Вольтера-историка, хотя и не так сурово, как это сделал Александр Дюма, который назвал в своём «Путешествии по Кавказу» «Историю Петра Великого» Вольтера «жалким сочинением посредственного автора» [5, с. 128]. Впрочем, Виктора Гюго не удовлетворяют и другие известные исследования о России. В том же «Дневнике юного якобита», в целом благожелательно отзываясь о «разысканиях г-на Клапрота» и Левека, он отмечает, что «тема эта всё же дожидается

настоящего историка» [4, с. 8]. Так что Гюго, судя по всему, не был настроен строго соотносить свою интерпретацию личности Мазепы с трудами историков. Другое дело – Байрон. Его художественная обработка образа Мазепы, несомненно, должна была иметь влияние на Виктора Гюго. Французский поэт, как и А. С. Пушкин, взял слова Байрона («Away! Away!») в качестве эпитафии к своей поэме.

Поэма Виктора Гюго невелика по объему – всего 23 строфы. Каждая строфа состоит из шести ямбических стихов, из которых два первые – шестистопные – связаны парной рифмой, третий и шестой – трёхстопники – перекрёстной рифмой. Четвёртый и пятый стихи – тоже шестистопники с парной рифмой.

В поэме две части. Причём вторая часть состоит всего из шести строф и является как бы более энергичным повтором первой. Вторая часть выполнена в виде прямого обращения к легендарному дикому скакуну Мазепы. Попутно отметим, что М. Рудницкий в известном и довольно точном переводе поэмы Гюго на украинский язык [2, с. 131–134] не передает эту, последнюю, особенность оригинала.

Так как русского перевода этой поэмы Гюго не существует, предлагаю свой подстрочный и поэтический перевод поэмы, в котором попытался максимально верно передать стихотворный размер оригинала и строфику, соблюдая тематическое соотношение строф перевода и подлинника. Некоторые логические и стилистические неувязки, которые бросятся в глаза читателю (например, «дикий круп» лошади, «племена Украины» и др.), усложнённые или непривычные синтаксические конструкции также имеют целью точно передать структуру французского текста поэмы.

Подстрочный перевод поэмы В. Гюго «Мазепа»

I

Итак, когда Мазепа, рычащий и плачущий, оказался с руками, ногами, боками, по которым задевает сабля, – со всеми связанными членами на горячем коне, вскормленном морскими травами, который сердится и брызжет огнём из ноздрей и из-под копыт;

Когда он извился, как рептилия, в этих узах; когда развеселил весьма бесполезной яростью ликующих палачей и когда, наконец, снова повалился на дикий круп с потом на челе, с пеной у рта и с кровью в глазах,

Раздаётся крик; и вот внезапно по долине конь и человек без передышки по зыбучим пескам, наполняя шумом пыльный вихрь, похожий на чёрную тучу, где извивается молния, летят одни с ветрами!

Они бегут. Проходят по долинам, как гроза, как буря, которая собирается в горах, как огненный шар; потом она не более чем чёрная точка в тумане, потом изглаживается, как клоч пены в широком синем океане.

Они бегут. Пространство велико. В необъятную пустыню, в бесконечный горизонт, который постоянно возобновляется, они врываются вдвоём. Их бег, как полёт, уносит их, и огромные дубы, города и башни, цепи чёрных гор колышутся вокруг них.

И пока несчастный с разбитой головой ещё пытается освободиться, конь, который обгоняет морской ветер, испуганным скачком врывается в обширную, безводную, непроходимую пустыню, которая стелется перед ними песчаными холмами, как полосатый плащ.

Всё колеблется и выкрашено в незнакомые цвета; проносятся леса, проносятся широкие облака, старый разрушенный донжон, горы, углубления которых сменяются долинами; и стада горячих кобылиц следуют за ними с сильным шумом.

И небо, по которому ползут уже вечерние тени, с океанами облаков, где тонут облака, и солнце, разрушающее их волны своим носом, катится по его ослепительному челу, вертясь, как колесо из мрамора с золотыми прожилками.

Его взгляд блуждает и горит, волосы размётаны, голова свисает, кровь окрашивает красным жёлтый песок и колючие кустарники; его раздувшиеся члены обвивает верёвка и, как длинная змея, затягивает и множит узлы и раны.

Конь, который не чувствует ни удил, ни седока, всё несётся, а кровь всё сочится и течёт, плоть рвётся в клочья. Увы! Вот уже горячих кобылиц, которые следовали за ним, распустив длинные гривы, сменяют вороны!

Вороны; филин с круглыми глазами, который волнуется; орёл, которого спугнули с полей боя; орлан, монстр при неясном свете; скрытные совы и большой хищный гриф, который роется в боку у мертвецов, куда его красная и лысая шея вытягивается, как голая рука!

Все расширяют траурный полёт, все покидают и одинокий каменный дуб и гнёзда замка, чтобы следовать за ними. Он, окровавленный, растерянный, глухой к их радостным крикам, спрашивает, глядя на них: «Кто же там, наверху, разворачивает этот огромный чёрный веер?»

Спускается мрачная ночь без звёздного платья. Рой злится и, как крылатая свора, следует за разгорячённым путником. Между собой и небом он видит их, как тёмный вихрь, потом теряет и неясно слышит во тьме их полёт.

Наконец, после трёх дней безумной скачки, преодолев застывшие потоки, степи, леса, пустыни, конь падает под крики тысяч хищных птиц, и его железное копыто, раздробив камень, гасит четыре свои молнии.

Вот распостёртый несчастный – оборванный, нищий, весь испятнанный кровью более красной, чем клён в пору цветения. Туча птиц над ним кружится и замирает; не один горячий клюв стремится вонзиться в его голову, в его глаза, выжженные слезами.

Ну и так! Обречённого, который кричит и влачится, этот живой труп племени Украины сделают однажды князем. Однажды, засеяв поля непогребёнными мертвецами, он воздаст широкими пастбищами орлану и грифу.

От его муки родится его дикое величие. Однажды он наденет накидку старых гетманов, великий в глазах людей; и, когда он будет проходить, эти люди из палаток, упав ниц, станут греметь в фанфары и прыгать вокруг него.

II

Итак, когда смертный, которому покровительствует бог, оказался живым привязанным к твоей роковой спине, гений, боевой горячий конь, и борется, увы! напрасно, ты подпрыгиваешь, ты уносишь его из реального мира, врата которого ломаешь своими стальными ногами.

Ты пересекаешь с ним пустыни, снежные вершины старых гор, и моря, и заоблачные мрачные края. И тысячи нечистых духов, которых поднимает на ноги вокруг путника, дерзкого чуда, твой бег, теснят, испугавшись, свои легионы.

Он пересекает единым взмахом твоих огненных крыльев все поля возможного и миры духовного; пьёт из реки вечности; в бурную или в звёздную ночь его волосы, перепутавшись с хвостами комет, пылают на челе небес.

Шесть лун Гершеля, кольцо старого Сатурна и полюс, окруживший своё чело северной зарницы, – он видит всё; и твой неутомимый полёт из этого безграничного мира ежесекундно удаляет от него идеальный горизонт.

Кто может знать, кроме демонов и ангелов, что перенёс он, следуя с тобой; какие странные молнии сверкнут в его глазах; как он сгорит от горячих искр, увы! и сколько в ночи холодных крыл ударят по его челу?

Он в ужасе кричит; ты, неумолимый, продолжаешь скакать. Бледный, изнурённый, искривив губы, он со страхом подчиняется твоему изнуряющему полёту. И каждый твой шаг, кажется, роет ему могилу. Но настает конец... Он бежит, летит, падает, и восстаёт король!

Поэтический перевод поэмы В. Гюго «Мазепа»

[Посвящается] Луи Буланже

МАЗЕПА

Away! – Away! –

Byron. Mazeppa.

[Вперёд! Вперёд!

Байрон. Мазепа.]

I

Так вот, когда Мазепа, и крича, и плача,

Узрел, что телом всем он связан стал с горячим

Скакуном,

С конем, который, вскормленный морской травой,

Сердясь, копытом сеял пламя под собою,

Дышал огнём,

Когда извился в этих путах он змеёю,

Бесплодной яростью развеселил с лихвою

Довольных палачей,

И повалился, наконец, на круп он дикий –

И пена на устах, и пот на его лице,

Кровавый блеск очей –

Глас раздается – и одни в песках зыбучих,

Наполнив шумом пыльный вихрь, подобный туче,

Где горят,
Извившись, молнии, вот духом вдруг единым
И конь, и человек с ветрами по долинам
Вперед летят!

Они бегут. Грозой проносятся в долинах,
Как ураган, что в горных копится вершинах, –
Огня клубок.
Потом уже – лишь точка тёмная в тумане,
И тает позже в синем океане,
Как пены клок.

Они бегут. Даль широка. В неизмеримы
Пустыни, в горизонт они недостижимый
Врываются вдвоём.
И как полёт – их бег. Стволы дубов огромных,
И башни, города, и даль, и цепь гор тёмных
Кольшатся кругом.

Глава изранена, ещё несчастный рвётся,
Конь, обгоняя ветер морской, несётся,
Влетает, трепеща,
В пустыню знойную с забытыми путями,
Что стелется волнистыми песками,
Как полосы плаща.

И всё колеблется, всё в красках неизвестных.
Разрушенный донжон, лес, шири туч небесных –
Проносится всё тут.
Ущелья чёрных гор чередуются с долами,

А сзади кобылицы шумными стадами

Ретивые бегут.

Уж тени вечера ползут по небосклону,

И в море туч другие тучи тонут,

И волны их легко

Рвёт солнце, в небесах сияющих гуляя,

Как колесо, и паутина золотая

На мраморе его.

Власы размётаны, глава его свисает,

Кровь – на песок, горящий взор блуждает.

И жаля, и тесня,

Верёвка вьётся по его распухшим членам,

Узлы крепит и давит тяжким пленом,

Как длинная змея.

Не чуя всадника с уздою, конь несётся.

Сочится кровь, и плоть в лохмотья рвётся.

Увы! Поднявшись ввысь,

Сменили вороны уж кобылиц ретивых,

Что, вислые пустив по ветру гривы,

Вслед за конём неслись!

Вот вороны, орёл, слетевший с поля драки,

И совы, и орлан, как монстр, в полумраке,

И филин боязлив,

И тот, что в трупах шеей красной и нагою

Копает, словно длинною рукою –

Огромный хищный гриф.

Полёт свой траурный всё боле расширяют,
За жертвой следуют и гнёзда покидают
На замках и дубах.

Не слыша их, он слаб и неуверен,
Глядит на них: «Кем этот чёрный веер
Расстелен в небесах?»

Ночь опускается без звёздного убора
За путником в крови, как псов крылатых свора,
Несётся злобный рой.
Их чёрный вихрь глазами ищет он напрасно,
Во тьме лишь слышит их полёт неясно
Меж небом и собой.

Вот, наконец, на третий день безумной скачки,
Пройдя и лес, и степь, и реки в зимней спячке,
Пустыни без границ,
Конь рухнул, раздробив ногою твёрдый камень
И четырёх его копыт погас вдруг пламень
Под гомон тысяч птиц.

А он – измученный, несчастный, неимущий,
Кровь пятнами на нём красна, как клён цветущий, –
Лежит полунагой
Над ним кружат и замирают тучей птицы,
И клювы жадные ждут в голову вонзиться
В глаза, сожжённые слезой.

Что ж, этот труп живой, который стонет ныне,

Однажды князем племени на Украине

Своим провозгласят.

Засеяв нивы незарытыми телами,

Воздаст за то он щедро воронам с орлами,

Что нынче не едят.

Величье дикое – от мук его кровавых

Возьмёт накидку гетманов он старых

В глазах людей велик,

И выйдут из своих палаток к нему люди,

Обступит люд, греметь в фанфары будет,

Пред ним склоняя лик.

II

Напрасно смертный узы рвёт неодолимы

На роковой твоей спине, но всё ж хранимый

Господнею рукой.

Ты, гений, конь горячий, скачешь, улетаешь

Из мира сущего, врата его ломаешь

Ногой своей стальной.

Минуете моря и мрачные равнины

Краёв заоблачных, и древних гор вершины,

Где белый снег лежит.

Злых духов тьмы тревожишь ты своим движеньем

И чудный странник дерзким появленьем

Их легион страшит.

Он пьёт из вечности реки; сквозь все границы,

И через зримый мир, сквозь царства теней мчится

На огненных крылах.

И ночью звёздной или с бурными дождями

Власа его, сплетясь с комет хвостами,

Пылают в небесах.

Он видит Гершеля шесть лун, Сатурна пояс.

Он зрит: с челом гиперборейским дальний полюс

В венке ночных зарниц.

И движет от него твой бег неутомимый

Всё дальше горизонт, лишь мыслью постижимый

В сём мире без границ.

Лишь знают ангелы о том иль духи злые,

Что вынес он с тобой и молнии какие

В его очах блеснут,

Как вспыхнет пламенем он в раскалённых искрах

И сколько в ночь холодных крыльев быстрых

Его чело хлестнут.

Он в ужасе кричит – ты мчишься, беспощадный.

И будто каждый шаг – к его могиле хладной.

Лик искажает боль,

Без сил полёту покоряется он в страхе,

Но вот... Он мчит, летит и падает во прахе,

И восстаёт король! [12, р. 179–185]

В. Гюго и мифологизация российской истории

Несмотря на то, что поэма Гюго часто упоминается, когда речь заходит о русских связях французского поэта, более или менее развёрнутые суждения о ней у отечественных исследователей встречаются редко. В книге «Южнорусские очерки и

портреты» В. П. Горленко, сетуя, что «литература об Украине во Франции очень не велика», замечает: «У Гюго Мазепа не более, как марионетка, посаженная на пресловутую дикую лошадь. Вся поэма изображает из себя географический кошмар. Неукротимый конь, уносящий в степь Мазепу, «вскормлен морскими травами» (*pourri d'herbes marines*). Он несётся по «движущимся пескам», как в хаосе, мелькают перед ним «города с башнями и длинные цепи мрачных гор» (*villes et tours, monts noirs, lies en longues chaines*). Таковы были представления выдающегося поэта о степной Украине...» [3, с. 133–134].

Добавим, что Гюго допускает в стихах не только «географический кошмар». Так, кровь Мазепы у него почему-то «более красная, чем клён в пору цветения» (*plus rouge que l'érable dans la saison des fleurs*), а народ, приветствующий Мазепу, одновременно успеваеет пасть перед ним ниц, греметь в фанфары и подпрыгивать вокруг него (*ses peuples de la tente, prosternes, enverront la fanfart eclatante bondir autour de lui*).

По сути, Виктор Гюго подменяет и национальный, и местный колорит нагромождением образов, присущих литературе неистового романтизма, исторический контекст совершенно игнорируя. Причём действие поэмы автор выносит со сцены конкретных политических и межличностных отношений в область абстрактного и магического перерождения личности. И сам герой поэмы, по выражению Д. С. Наливайко, «превращается в постоянный компонент потока роскошных живописных кадров, идущих один за другим» [7, с. 167].

Ясно, что украинские реалии представлялись молодому поэту весьма смутно.

Для него важнее аллюзии на европейское искусство – поэтому он берёт эпитафию из «Мазепы» Байрона, а посвящает поэму французскому художнику, создавшему в романтическом ключе полотно на сюжет, связанный с легендой о Мазепе, Луи Буланже.

Возьмём на себя смелость предположить, что Виктор Гюго обратился бы к этой теме десятью-двадцатью годами позже, то есть в середине века. Могла ли бы тогда картина стать более реалистичной?

Русская тема звучит в творчестве Гюго довольно часто, но почти всегда – в связи с критикой российского самодержавия. В годы Крымской войны Россия вообще

оказалась в центре внимания всей Европы и неоднократно упоминалась в политических выступлениях Виктора Гюго [8, с. 7, 31, 48–49]. Размышления о московском походе 1812 г. подсказали поэту натуралистические эпизоды гибели наполеоновской армии в русских снегах («Искушение», 1852 г. и др.), и тогда Россия стала навевать ему, скорее, северные мотивы, нежели восточные. Не осталось и следа от его восторженного отношения к Петру Великому. В 1864 г. он написал: «Пётр стремится достичь совершенства в ремесле палача; он упражняется в рубке голов; сначала он рубит только по пять голов в день; этого мало, но он проявляет усердие и доходит до двадцати пяти» [4, с. 282]. Однажды, под влиянием очередного возмущения против «деспотизма» русского царя (Петра, Александра, Николая) или собственного императора, Гюго, пожалуй, мог бы развить в своем творчестве мотив противопоставления Мазепы Петру I. Со временем отношение Виктора Гюго к России изменялось то в лучшую, то в худшую сторону, но он никогда не был особенно сведущ ни в русской литературе, ни в российской истории. «Нарушение принципа историзма, – по точному замечанию А. Р. Ощепкова, – неизбежно приводило к мифологизации России, то есть к игнорированию ее культурно-исторической специфики, неспособности увидеть российскую действительность в историческом контексте, созданию упрощенных оппозиций, а иногда и к демонизации “Другого”» [13, с. 42].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пушкин, конечно, читал поэму В. Гюго. В октябре 1830 г. в статье <<Об Альфреде Мюссе>> он отметил: <<...> Важный Victor Hugo издавал свои блестящие, хотя и натянутые «Восточные стихотворения» («Orientales»)» [9, т. 11, с. 175]. О поэме «Мазепа» не сказано ни слова. Нет ни слова о «Мазепе» Гюго и в <<Возражении критикам “Полтавы”>>, написанном в то же время.

Знакомясь с новым сборником Гюго, Пушкин, несомненно, должен был заинтересоваться актуальным для него названием. Пожалуй, он мог даже уловить едва заметные стилистические соответствия. Сравним, например, XVI строфу «Мазепы» со стихами из «Полтавы»:

И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.
Теперь он мощный враг Петра [9, т. 5, с. 52].
Или вспомним пушкинское описание скачки:

Верхом, в глуши степей нагих,
Король и гетман мчатся оба.
Бегут. Судьба связала их.
Опасность близкая и злоба
Даруют силу королю.
Он рану тяжкую свою
Забыл. Поникнув головою,
И скачет, русскими гоним,
И слуги верные толпою
Чуть могут следовать за ним [9, т. 5, с. 60].

Возможно, эти чисто случайные переключки могли показаться Пушкину любопытными (если не курьезными). Но абстрагированный до предела сюжет французского «Мазепы», явная ставка на поэтический орнамент, небрежение к реалиям, конечно, не могли быть созвучны поискам русского поэта. Подходы к образу Мазепы у Пушкина и Гюго настолько различны, что разница практически исключает диалог между авторами (и текстами). Сколько нам известно, никто из критиков не сопоставлял две одновременно созданные поэмы, объединенные одним историческим персонажем. Слишком непохожие направления приняли мысли великих поэтов: стремление А. С. Пушкина осмыслить историческую реальность задавало его творчеству совершенно иной вектор художественный поисков, нежели избрал для себя В. Гюго, трансформировавший историческую реальность в поэтическую условность.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Виктор Гюго и его русские знакомства (встречи, письма, воспоминания) [Текст] / М. П. Алексеев // Литературное наследство. – М.: Жур.-газ. объединение, 1937. – Т. 31–32. – С. 777–932.
2. Борщак І., Мартель Р. Життя і пориви великого гетьмана [Текст] / І. Борщак, Р. Мартель. – К.: «Київ», 1991. – 314 с.
3. Горленко В. П. Южнороссийские очерки и портреты [Текст] / В. П. Горленко. – Киев, 1898. – 229 с.
4. Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. [Текст] / В. Гюго. – М.: Гослитиздат, 1953–1956. – Т. 14. – 766 с.
5. Дюма А. Кавказ [Текст] / А. Дюма. – Тбилиси: Мерани, 1988. – 286 с.
6. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы [Текст] / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1978. – 424 с.
7. Наливайко Д. С., Шахова К. О. Зарубіжна література ХІХ сторіччя. Доба романтизму: Підручник [Текст] / Д. С. Наливайко, К. О. Шахова. – К.: Заповіт, 1997. – 464 с.
8. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса [Текст] / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых, Д. В. Орехов. – Симферополь: СГТ, 2010. – 480 с.
9. Пушкин А. С. Полное собр. соч. В 17-ти т. [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1994–1997. – Т. 5, 11.
10. Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина [Текст] / А. Л. Слонимский. – М.: Худож. лит., 1959. – 527 с.
11. Томашевский Б. В. Пушкин. В 2 кн. [Текст] / Б. В. Томашевский. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956–1961. – Кн. 1–2.
12. Hugo V. Oeuvres completes. Poesie. 6 vol. – Paris, 1880–1882. – V. II. – 440 p.

13. Oszczepkow A. Русская тема в «Рейне» Виктора Гюго // Polilog. Studia Neofilologiczne. – Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej w Słupsku, 2014. – No. 4. – P. 35–43.

References

1. Alekseev M. P. *Viktor Gyugo i Ego Russkie Znakomstva (Vstrechi, Pisma, Vospominaniya)* [Victor Hugo and His Russian Acquaintances (Meetings, Letters, Memories)]. Moscow: Zhurnalno-Gazetnoe Obedinenie Publ., 1937, Vol. 31–32, pp. 777–932.
2. Borshchak I., Martel R. *Zhittya i Poryvy Velykogo Getmana* [Life and Impulses of the Great Hetman]. Kiev: Kiiv Publ., 1991. 314 p.
3. Gorlenko V. P. *Yuzhnorossiiskie Ocherki i Portrety* [South Russian Essays and Portraits]. Kiev, 1898. 229 p.
4. Gyugo V. *Sobranie Sochinenii. V 15 T.* [Collected Works in 15 Volumes]. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatelstvo Khudozhestvennoi Literatury Publ., 1953–1956, Vol. 14. 766 p.
5. Dyuma A. *Kavkaz* [Caucasus]. Tbilisi: Merani Publ., 1988. 286 p.
6. Zhirmunskii V. M. *Bairon i Pushkin. Pushkin i Zapadnye Literatury* [Byron and Pushkin. Pushkin and Western Literature]. Leningrad: Nauka Publ., 1978. 424 p.
7. Nalivaiko D. S., Shakhova K. O. *Zarubizhna Literatura XIX Storichya. Doba Romantyzmu: Pidruchnyk* [Foreign Literature of the 19th Century. The Day of Romanticism. Textbook]. Kiev: Zapovit Publ., 1997. 464 p.
8. Orekhova L. A., Orekhov V. V., Pervykh D. K., Orekhov D. V. *Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) Voina 1853–1856 Godov Glazami Sovremennikov: Literatura, Arkhivy, Pressa* [Crimean Iliad. Crimean (Eastern) War of 1853–1856 Through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol: SGT Publ., 2010. 480 p.
9. Pushkin A. S. *Polnoe Sobranie Sochinenii. V 19-ti T.* [Complete Works in 19 Volumes]. Moscow: Voskresene Publ., 1994, Vol. 5, 11.

10. Slonimskii A. L. *Masterstvo Pushkina* [Pushkin's Skill]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1959. 527 p.
11. Tomashevskii B. V. *Pushkin. V 2 kn.* [Pushkin. In 2 Volumes]. Moscow – Leningrad: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1956–1961, Vol. 1–2.
12. Hugo V. *Oeuvres Completes. Poesie. 6 Vol.* [Collected works. Poetry. In 6 Volumes]. Paris, 1880–1882, Vol. 2. 440 p.
13. Oszczepkow A. *Russkaya Tema v «Reyne» Viktora Gyugo* [The Russian Theme in the *Rhine* by Victor Hugo]. Polilog. Studia Neofilologiczne. Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej w Słupsku, 2014, no. 4, pp. 35–43.

IMAGE OF THE MAZEPA IN THE WORKS OF A. S. PUSHKIN AND VICTOR HUGO: REGULARITIES OF DIFFERENCES

Orekhov V. V.

The article provides a comparative analysis of the poem by A. S. Pushkin *Poltava* and the poem by V. Hugo *Mazepa*. These poems were created in the same epoch - in 1828. Both poets are great representatives of their national literatures. They created in their works the image of Hetman Mazepa. Other famous writers, for example, Byron and Voltaire, previously turned to the historical personality of Mazepa. Pushkin and Hugo, of course, turned to these works. However, Pushkin and Hugo treated these texts differently: Hugo used them as a model, and Pushkin tried to move away from the European interpretation of the personality of Mazepa. Pushkin understood that European literature turns Mazepa into a mythological hero. However, Pushkin at that time was not interested in literary myths, but in real history and the laws governing this story. In the poem *Poltava* Pushkin sought to realistically present of Mazepa and the events of Russian history. In contrast, Hugo sought to move away from real facts and create a colorful poetic picture in which authorial fiction and authorial mood are of primary importance. This difference between the two poets is explained by their affiliation to different national cultures and adherence to different artistic systems. The article offers a Russian translation of Hugo's *Mazepa* poem.

Keywords: A S. Pushkin, Victor Hugo, imagology, mythologization of history, Mazepa.

УДК 82-312.1.09

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО ЖАНРА «ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКИЙ РОМАН» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Осадчая Т. Ю.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте,
г. Ялта, Россия
E-mail: osadchaya_ta@mail.ru

Обращение к экзистенциальной проблематике является реакцией современной литературы на кризисное состояние цивилизации, попыткой осмыслить новое мировосприятие, и, как следствие, новую систему взаимоотношения личности и общества. Постмодернистская парадигма, влияние философии экзистенциализма обусловили появление в романах современных англоязычных авторов ряда специфических черт. Многие элементы художественного произведения постепенно изменяются, в первую очередь, это касается развития жанровой системы. Полижанровость произведений обуславливает необходимость изучения ядра жанра как отправной точки исследования жанрового многообразия современной литературы. Семантическое ядро жанра – это доминирующие содержательные аспекты текста, которые оказывают влияние на его форму. Художественными приемами, которые входят в семантическое ядро жанра экзистенциалистского романа, можно назвать следующие его элементы: архетипический сюжет перехода человека из одного состояния/мироощущения в другое; нарратив, который воссоздает хаотичный, непознаваемый и крайне враждебный человеку мир; прием сосуществования в художественном пространстве произведения реальной и ирреальной действительности. Британская писательница А. Смит для реализации авторского замысла в романе *There But For The* – показать невозможность взаимного понимания людей, принадлежащих к разным «мирам», сложность обретения и сохранения идентичности в современном мире – использует художественные приемы, которые входят в семантическое ядро жанра экзистенциалистский роман. Трактовка авторского замысла предусматривает интерпретативную деятельность читателя как соавтора данного произведения.

Ключевые слова: жанр, жанровое многообразие, полижанровость, семантическое ядро жанра, экзистенциалистский роман.

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху постмодернизма в культуре наблюдается радикальная смена фундаментальных моделей интерпретации мира, стратегий общественного развития, отказ от антропоцентризма, отказ от концепции единой непреложной истины, понимание принципиальной невозможности создания целостной, все объясняющей картины мира. Осознание того, что мир неясен и непознаваем, приводит человека к замещению поисков смысла жизни поисками стратегий выживания в изменяющемся мире, в конкретном социуме, в определенной социальной среде.

Эпистемологическая неуверенность, идеи о невозможности постичь мироустройство и смысл бытия, о невозможности прогресса человечества, о

бессмысленности проектов по переустройству общества приводят к пониманию мира как пространства с бесконечным количеством вариантов развития событий и, следовательно, с бесконечным количеством возможностей для каждого человека. Неопределенный иллюзорный мир приобретает какую-то форму только в том случае, если его описать, создать о нем нарратив, представить его в виде текста. В новой парадигме мир можно описать как совокупность текстов, каждый из которых предпринимает попытку создать собственный смысл, одновременно уклоняясь от оценочных суждений. По словам В. О. Пигулевского, культура понимается как игра высказываний и любое произведение открыто бесконечному количеству интерпретаций [18].

В данной ситуации именно философия экзистенциализма пытается объяснить новую систему взаимоотношений личности и мира. Со временем эта философия сама начинает оказывать влияние на данную систему. На определенной стадии «... наблюдаются процессы непосредственного влияния экзистенциализма на художественное творчество в многообразии видов и жанров, пиковый период деятельности экзистенциалистской критики; искусство способствует закреплению новой формы в культуре, переходу новации в норму» [21, с. 77].

Влияние философии экзистенциализма обусловило появление в парадигме постмодернизма следующих черт:

субъективность восприятия мира человеком: мир представляется личности хаосом и/или лабиринтом;

картина мира – это сосуществование множества вариантов его объяснения, сосуществование множества истин, сосуществование множества фрагментарных описаний и объяснений действительности, которые невозможно сложить в одну целостную систему;

система ценностей постепенно нивелируется, исчезает четкое понимание вектора развития общества и каждой отдельной личности;

фрагментарную интерпретацию мироустройства можно представить в форме отдельных текстов, нарративов.

В той или иной степени эти черты, а также обращение к теме экзистенциального опыта личности, характерны для следующих англоязычных произведений конца XX – начала XXI столетий: *Нью-Йоркская трилогия / The New York Trilogy* П. Остера, *Белый шум / White Noise* Д. Деллило, *Записки о Рейчел / The Rachel Papers* М. Эмиса, *Предчувствие конца / The Sense of an Ending* Дж. Барнса, *Амстердам / Amsterdam* И. Макьюэна, *Белый отель / The White Hotel* Д. М. Томаса, *Начинается ночь / By Nightfall* М. Каннингема, *Безутешные / The Unconsoled* К. Исигуро, *Дом листьев / The House of Leaves* М. Данилевского, *Радуга тяготения / Gravity's Rainbow* Т. Пинчона и других.

Можно утверждать, что в эпоху постмодерна возникает принципиально новая коммуникативная ситуация, в рамках которой постепенно изменяются отдельные элементы литературных произведений.

Исследователи указывают на изменение, в первую очередь, жанровой системы произведений. «Изменение коммуникативной ситуации провоцирует развитие жанровой системы как совокупности коммуникативных шаблонов... Включение в жанровую конструкцию элементов и признаков, принадлежащих иным жанрам (зачастую жанрам иных родов) является основным средством обеспечения соответствия жанра сложившейся коммуникативной ситуации» [25, с. 3].

М. М. Бахтин называл роман многожанровым по своей природе. Он полагал, что «... введенные в роман жанры обычно сохраняют в нем свою конструктивную упругость, и самостоятельность, и свое языковое и стилистическое своеобразие» [3, с. 134].

М. В. Норец инвариант жанровой формы романа, его ядро называет «матрицей» и определяет ее следующим образом: «... это материнский (порождающий) «каркас», предполагающий определенный набор жанровых признаков романа, отличающий данную жанровую форму от любой другой» [17, с. 433].

С. Ш. Шарифова указывает, что роман как жанр открыт «взаимодействию» с другими жанрами, что обуславливается многосоставностью его жанрового содержания и многоуровневостью его семантического ядра, что позволяет вкраплять в роман элементы отдельных жанров. По словам С. Ш. Шарифовой, объединяющим

элементом жанра является устойчивое семантическое ядро. «Устойчивость ядра обеспечивается за счет статичности «признаков жанра», иными словами, совокупности доминирующих художественных приемов, которые подчиняют себе все остальные приемы, использованные при создании художественного целого» [25, с. 5].

И. Ю. Погорелова о ядре жанра пишет следующее: «ядро жанра <...> непосредственно связано с моделью мира, отраженной в произведении»; «... под ядром жанра понимаем созданную в произведении целостную картину, модель мира, способ художественного осмысления действительности» [19].

Итак, одной из основных характеристик литературы эпохи постмодерна является полижанровость, «многосоставность жанрового содержания» (термин С. Ш. Шарифовой). В этой связи целесообразным представляется изучение семантического ядра определенного жанра как отправной точки исследования жанрового многообразия современных произведений, функций жанрового смешения в генезисе романной формы.

Проблеме изучения феномена и понятия жанра, жанру как коммуникативному шаблону посвящены работы М. М. Бахтина [3], Н. Е. Кабановой [10], Н. Л. Лейдерман [14], И. Ю. Погореловой [19], Ю. Н. Тынянова [22], V. K. Bhatia [26], T. Ericson [27], D. Fishelov [28] и многих других. Теоретические вопросы, связанные с ядром жанра и жанровыми смешениями в современном романе, изучались С. Ш. Шарифовой [24; 25], Ю. С. Подлубновой [20], М. В. Норец [16; 17] и другими исследователями. Жанровые модификации и трансформации классических жанров в современной литературе становились предметом ряда исследователей [15]. Разные аспекты философского романа и экзистенциалистского романа как его разновидности находились в центре внимания таких ученых как В. В. Агеносов [1], X. И. Алиева [2], О. А. Джумайло [6; 8], Л. М. Ефремова [9], В. В. Трещев [21], Ю. А. Шанина [23] и других. Однако художественные приемы, которые входят в семантическое ядро жанра «экзистенциалистский роман», пока не были четко определены, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – определить элементы произведения, которые можно считать художественными приемами, входящими в семантическое ядро экзистенциалистского романа; идентифицировать характеристики данного жанра в романе современной британской писательницы А. Смит *There But For The* (2011).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В данном исследовании мы используем термин «семантическое ядро» жанра. Вслед за И. Ю. Погореловой мы считаем, что «... несмотря на то, что ядро имеет отношение только к содержанию жанра, оно предопределяет форму (компоненты)» [19]. То есть семантическое ядро – это доминирующие содержательные аспекты определенного жанра (концептуальный уровень произведения: темы, проблемы, конфликты, пафос), оказывающие влияние на форму – структурные принципы его организации.

В художественном пространстве экзистенциалистского романа в центре внимания находится бытие человеческой личности – экзистенция. «... Существование экзистенции представляет собой то центральное ядро человеческого «Я», благодаря которому «Я» выступает не просто как нечто всеобщее (общечеловеческое), а именно как конкретная неповторимая личность» [1, с. 62].

Исследователи называют различные характерные черты современного англоязычного экзистенциалистского романа, которые могут выступать в качестве ядра данного жанра. Одной из таких черт является «... обращение к архетипическому сюжету, ритуальным прообразом которого является обряд перехода, инициации, который в мировой науке получил название *rites de passage*, в переводе «обряды перехода», сопровождающие основные этапы жизненного цикла и закрепляющие переход человека из одного статуса или состояния в другое» [23, с.121].

Экзистенциалистские романы могут содержать или не содержать аллюзии на мифы, тем не менее все они так или иначе актуализируют архетипический сюжет перехода из одного состояния/мироощущения в другое. Ситуация перехода в новый статус или состояние всегда наполнена неопределённостью, нередко сопровождается мировоззренческим кризисом, потерей смыслов, человек предпринимает (или

возобновляет) попытки самоидентификации и самопознания, поиска своего места в различных сферах своей жизни. Необходимо отметить, что современный человек в своих поисках не может опереться на готовые решения (поскольку сакральность всяческих мифов, неоспоримость авторитетов разрушена), ему приходится один на один сталкиваться с неразрешимыми противоречиями бытия, преодолевать экзистенциальный абсурд, искать и находить (или не находить) духовные ценности.

Еще одной характерной чертой экзистенциалистского романа является осмысление картины мира через определенную призму. «... Это своеобразная картина мира хаоса, тяготение к решению определенного круга проблем, должного и недолжного бытия, свободного выбора, одиночества, экзистенциальных трагедий, при этом отказ от определения человека как характера»; <...> человек обречен на одиночество, так как другое существование враждебно нашему» [9, с. 118]. В современных экзистенциалистских романах социум всегда противопоставляется человеку, однако все попытки преодоления отчужденности личности в обществе (например, за счет изменения собственных ценностей или мировоззренческих установок) почти всегда обречены на неудачу.

Еще одной характеристикой, входящей в семантическое ядро жанра экзистенциалистского романа, можно назвать противопоставление реальности и нереальности/иллюзорности существования. Художники стремятся показать, что подлинное существование личности всегда основывается на свободе жизненного выбора. Самоидентификация и самореализация личности противопоставляется самообману, следованию чужим установкам, ничтожности существования [21].

В современном экзистенциалистском романе сосуществуют реальная и нереальная действительность, присутствуют «двойники» (иногда многочисленные) личности, которая пытается определить собственную идентичность. В этой связи писатели пытаются создать особое пространство романа, в котором очевидным становится следующее противоречие. «С одной стороны, жизненный мир является реальностью, которую можно схватить лишь «чистым сознанием», не отягченным ни традиционными предрассудками, ни научной картиной мира. С другой стороны, жизненный мир неминуемо встраивается в субъективное восприятие, культурную и

историческую основу, на которой формируется человеческая личность» [4, с. 37].
Образы реальности заменяются симулякрами, происходит замена реальными знаками реального, поскольку все образы всегда сводятся к отображению определенных архетипов, культурных кодов.

Появление в художественном пространстве экзистенциалистского романа ирреальной «реальности» – это прием, позволяющий писателю заявить об ограниченности восприятия и познания действительности собственным опытом человека. Авторы провозглашают принципиальную невозможность определить границы иллюзий и заблуждений человека, его вечное стремление любыми способами воссоздать объективную реальность (как настоящего, так и прошлого).

Проблематика реального/ирреального по-разному воплощается в экзистенциальном романе. Авторы вводят персонажей-двойников; создают зеркальные миры; рисуют образ мира, полностью или частично состоящего из симулякров. Они пытаются вызвать у читателя чувство двусмысленности или даже бессмысленности происходящего: «... нарративные лабиринты становятся метафорой лабиринтов сознания»; «... читатель, следящий за перипетиями сюжета, одновременно выступает в роли интерпретатора, пытающегося придать смысл происходящему» [11, с. 74]. «Хронотоп экзистенциалистского повествования – это, как правило, замкнутое пространство и остановившееся время или время, движущееся вспять» [5, с. 30].

Все эти средства и приемы используются для иллюстрации того, что каждый человек противостоит враждебному миру, он обречен на боль, страдания и смерть, которые невозможно избежать. «Любые постмодернистские двусмысленности подчеркивают настойчивые попытки «заговорить» боль, но именно в силу своей утрированной условности они вопиют о неперебиваемости опыта духовных и физических страданий в нарратив» [7, с. 24-25].

Таким образом, художественными приемами, которые входят в семантическое ядро жанра экзистенциалистского романа, можно назвать следующие его элементы:

архетипический сюжет перехода человека из одного состояния/мироощущения в другое;

нарратив, который воссоздает хаотичный, непознаваемый и крайне враждебный человеку мир;

прием сосуществования в художественном пространстве произведения реальной и ирреальной/иллюзорной действительности.

Современный экзистенциалистский роман на основе данного жанрового ядра «вбирает» в себя конвенции других жанров.

Роман британской писательницы А. Смит *There But For The* в полной мере отражает характерные черты парадигмы эпохи постмодерна; по нашему мнению, в нем также использованы все художественные приемы, входящие в ядро экзистенциалистского романа.

Рассмотрим, как в романе проявляется **архетипический сюжет перехода человека из одного состояния/мироощущения в другое.**

Один из основоположников философии экзистенциализма, датский философ С. Кьеркегор, говорил об осознающем самого себя человеческом самобытии (которое всегда индивидуально и уникально), называя его экзистенцией, которую обозначал как «... непосредственный личный опыт переживания человеком своего существования» [12, с. 245]. Описывая существование человека, философ заявлял о противоречии между необходимостью приведения в действие своей сущности (экзистенции) и невозможностью обретения человеком полной свободы, его зависимостью от природы и общества, и, как следствие, неизбежном трагизме его бытия. В таком мире для личности особенно важен личный выбор, принятие личного осознанного решения, поскольку в толпе (будь то небольшое сообщество, этническая группа или социальная общность в целом) человек отдаляется от истинного самосознания и самопознания, поскольку «... именно субъективная уверенность является гарантией истинности» [12, с. 248]. Обрести самосознание возможно только в одиночестве, «одиночество у С. Кьеркегора – это бегство от мира и общества внутрь себя» [12, с. 248-249].

В тот момент, когда человек осознает себя, свою «инаковость», отличность от других, в нем оживает, по словам Ю. Кристевой, «иностранец», скрытая сторона нашей личности.

Strangely, the foreigner lives within us: he is the hidden face of our identity, the space that wrecks our abode, a time in which understanding and affinity founder. By recognizing him within ourselves, we are spared detesting him in himself. <...> The foreigner comes in when the consciousness of my difference arises, and he disappears when we all acknowledge ourselves as foreigners, amenable to bonds and communities [29, p. 1].

Вот как подобная «инаковость» проявляется в образе протагониста романа Али Смит.

Главный герой романа *There but For The* Майлз Гарт в разгар вечеринки в доме у практически незнакомых ему людей запирается в одной из гостевых комнат на втором этаже дома и отказывается не только покинуть помещение, но и вести переговоры. Данная ситуация помещена автором в центр внимания, вокруг нее разворачиваются все сюжетные линии романа. Поступок Майлза можно расценить как экзистенциальный вызов обществу, как способ разорвать порочный круг бессмысленности бытия, как попытку убедиться в истинности своего существования через бегство от мира внутрь себя. Именно необычный, выходящий за рамки приличия поступок выбирает герой для реализации перехода из состояния безразличного пустого существования, кульминацией которого для него стала привычная бессодержательная болтовня за столом, к новому, еще непонятному и неизвестному для него самому состоянию.

О самом Майлзе известно не так много. Судить о мотивах его поведения можно с точки зрения четырех других персонажей романа: Анны, Марка, Мэй и Брук, которым посвящены четыре главы романа. Каждая из четырех глав называется одним из слов, входящих в его название.

Первая глава называется *There* и посвящена эпизодам из жизни и размышлениям Анны, женщины, письмо к которой нашли в телефоне Майлза. Анна и Майлз, будучи подростками, в составе группы детей ездили в тур по Европе как победители британского национального творческого конкурса на лучшее сочинение. В этой поездке Анне и Майлзу удалось найти общий язык и даже почувствовать некую духовную общность. После этого совместного путешествия они виделись всего раз, когда Майлз приезжал навестить Анну в Шотландии. И вот теперь, тридцать лет

спустя, Анну вызвали в дом, где закрылся Майлз, чтобы она могла если не вытащить его из запертой комнаты, то хотя бы прояснить мотивы его странного поведения.

Сама Анна также находится в состоянии перехода из одного мироощущения в другое: ее привычный мир рухнул, она ушла с нелюбимой работы, задумалась о том, что значит для нее «быть», осознавать собственное бытие, а не продолжать жить по привычке.

There were several reasons at that particular time in Anna Hardie's life for her wondering what is meant, herself, to be there [30, p. 4].

Anna had looked at herself in the mirror in the bathroom. There she was. It was the there-she-was guise [30, p. 6].

Ее размышления о поступке Майлза созвучны мыслям о ее собственной жизни, она признается себе, что ее никто не любит, не понимает.

No one here to love or understand me [30, p. 7].

Анна чувствует, что настало время осознать себя, убедиться, что она действительно существует. Она задается вопросом, что значит действительно существовать, что значит быть любимым кем-то и делает неожиданный вывод о том, что человек существует, если его замечают другие люди (хотя ей кажется, что это цитата какого-то писателя XX века).

To be noticed is to be loved [30, p. 41].

Далее Анна пытается понять, что может чувствовать человек, который добровольно запер себя в ограниченном пространстве чужого дома.

What would happen if you did just shut a door and stop speaking? Hour after hour of no words. <...> Would your own silence make other things noisier? Would all the things you'd ever forgotten, all layered there inside you, come bouldering up and avalanche you? [30, p. 44].

Анна склоняется к выводу о бунте, об экзистенциальном вызове Майлза, о его поступке, как способе обратить на себя внимание, быть замеченным, отделить себя от других, убедиться, что он существует, а значит, попытаться найти смысл своего существования (убежать от общества внутрь себя).

Этот вывод созвучен мысли С. Кьеркегора: «Потребность в одиночестве всегда служит для нас доказательством духовности и мерой последней» [13, с. 82]. В «Болезни к смерти» философ рассматривает одиночество как необходимое условие обретения человеком себя, указывая на то, что «... ни античность, ни средние века не пренебрегали этой потребностью в одиночестве, люди тогда уважали то, что она собою выражала» [13, с. 83].

Нарратив романа воссоздает враждебный человеку мир, в котором царит хаос. Автор создает контраст между двумя мирами, которые максимально далеки друг от друга. С одной стороны, это «общество», «большинство», которое представлено хозяевами и гостями на вечеринке, во время которой Майлз запирается в чужой гостевой комнате; людьми, которые разбивают лагерь вокруг дома, где заперся Майлз и используют его поступок и его имя для самых разных личных целей – от продвижения своих идей до зарабатывания денег, а также другими персонажами романа. Не случайно хозяев дома зовут Gen and Eric Lee: в английском языке их имена, написанные слитно, образуют слово *generic*, которое означает *обычный, заурядный, типичный*. С другой стороны, это одиночки – Майлз, Анна, Мэй, Марк, Брук, которые, каждый по-своему, пытаются осознать себя, отделить себя от этого большинства и построить отношения с миром, который их не понимает. У каждого из них есть психическая травма, которую они пытаются пережить.

Внутреннее одиночество, непохожесть на других, невозможность найти близкого по духу человека наталкивает героев на размышления такого рода: «если мне не с кем разделить мою жизнь и мои мысли, то существую ли я вообще, что вообще является критерием моего существования». Эти размышления созвучны идее С. Кьеркегора о субъективной уверенности в чем-либо, как гарантии (критерии) истинности.

С одной стороны, потребность человека знать, что для кого-то важен каждый его шаг, каждая его мысль и чувство, остается неудовлетворенной, поскольку он не может найти близких по духу людей. Анна выражает эту идею следующим образом.

Maybe there was a new psychosis <...>, where you went through life believing that an audience was always watching you, profoundly moved by your every move, reacting round

your every reaction, your every momentous moment, with joy / excitement / disappointment / Schadenfreude. <...> But would this mean that people who didn't have it were somehow less there in the world, or at least differently there, because they felt themselves less observed? [30, p. 6].

С другой стороны, потребность человека быть важным, признанным, понятным близкими людьми вступает в конфликт с принципиальной непознаваемостью внутреннего мира личности. Размышления об этом автор вкладывает в уста девятилетней девочки Брук.

But the fact is, how do you know anything is true? Duh, obviously, records and so on, but how do you know that the records are true? Really the phrase should be, not the fact is, but the fact seems to be [30, p. 195].

В Прологе романа у человека, сидящего на велотренажере, глаза и рот закрыты серыми прямоугольниками. Этот человек – сам Майлз, каким он себя представляет, а прямоугольники выступают символом того, что намерения, мысли и состояние человека нельзя выразить словами. И Майлз это понимает. Автор говорит об этих прямоугольниках следующее.

Mostly they were supposed to protect the identity of the person in the picture from being ascertained. But really what they did was make a picture look like something underhand, or seedy, or dodgy, or worse, had happened; they were like a proof of something unspeakable [30, p. xi].

Главные герои романа – Майлз, Анна, Мэй, Марк, Брук – это люди разного возраста, социального и семейного положения, с разными чертами характера и наклонностями, но их объединяет непохожесть на остальных, особый тонкий внутренний мир. Автор показывает, что их судьбы иногда пересекаются, они до определенной степени понимают друг друга, но большую часть времени они вынуждены в одиночестве вести невидимую борьбу за право быть понятыми окружающими.

Анна догадывается о мотивах поступка Майлза, поскольку его противостояние миру находит отклик в ее душе.

Imagine the relief there'd be, in just stepping through the door of a spare room, a room that wasn't anything to do with you and shutting the door, and that being that [30, p. 44].

А 9-тилетняя Брук (героиня четвертой главы *The*) ближе всех подходит в разгадке мотивов Майлза. Она сочиняет сказку, в которой говорится о том, что Майлз, сидя на велотренажере в чужой гостевой комнате, мысленно переносится в прошлое.

And though he doesn't ever leave the room, all the same he cycles through Greenwich when it's nothing but a forest, and he cycles up a mountain to the summit, <...>, then he cycles through time... [30, p. 233].

Ребенок интуитивно чувствует, что смысл жизни взрослого мужчины Майлза состоит в том, чтобы сохранить в себе искренность, подлинность чувств ребенка, именно поэтому она предлагает Майлзу поговорить с самими собой, но 10-тилетним. Символом этого воображаемого общения становится самолетик, который Майлз заново учится складывать из бумаги (в его мыслях 10-тилетний Майлз учит этому Майлза взрослого), а затем дарит его Брук.

Название романа также указывает на контраст между «одиночками» и «большинством», противостоянии человека миру «большинства». Фраза, вынесенная в название – это усеченный вариант стиха из Библии: *But by the grace of God I am what I am / Но благодатию Божиею [я] есмь то, что есмь*. Сейчас эта фраза стала пословицей, означающей следующее: *Не приведи Господь оказаться в такой ситуации*. В контексте основного сюжета романа речь, видимо, идет о том, что никто не хотел бы оказаться в такой ситуации, как хозяева дома, где после вечеринки остался непрошенный гость. Но для Майлза и других главных героев романа фраза приобретает первоначальный библейский смысл: *Благодатию Божиею [я] есмь то, что есть (отличаюсь от большинства, ищу смысл своего существования)*.

Прием смешения в художественном пространстве произведения реальной и ирреальной действительности Али Смит использует на нескольких уровнях.

Во-первых, он реализован на повествовательном уровне, когда в сознании персонажей реальные события смешиваются с особым воображаемым миром. Так, внутренний монолог Марка (он является главной фигурой второй главы *But*)

постоянно прерывается / дополняется репликами его давно умершей матери, которая в свойственной ей манере – она говорит рифмованными строчками – комментирует как его мысли, так и все, что происходит в его поле зрения. Именно мама Марка была самым важным человеком в его жизни, во многом повлиявшем на формирование его личности. Самоубийство матери было той травмой, которую Марк так и не смог пережить.

Mark's mother, Faye, had been dead for forty-seven years. Her most recent attention-getting device was rhyme [30, p.57].

Он вступает с ней в диалог, воспоминания смешиваются с событиями, происходящими в действительности. Иногда звуки голоса матери слышны сильнее, чем окружающие Марка звуки.

Mark heard birdsong, could hear birdsong for several whole seconds, could hear the murmur of the people queuing up behind him at the meridian line, could even make out some of the things they were saying, before she roared back into his right ear with something of the force of a wind tunnel nearly knocking him off his balance [30, p. 59].

Смещение реального и воображаемого миров, хаос во внутреннем монологе Марка – это форма, в которую автор помещает его экзистенциальные размышления. Форма в данном случае соответствует содержанию, поскольку Марк теряет свою идентичность, прежде чем ее обрести вновь: вернуться к истокам, к тому, что было для него важным в течение всей жизни, то есть, по сути, найти смысл в хаосе событий.

Внутренний монолог еще одного персонажа – пожилой женщины Мэй Янг (она является главной героиней третьей главы *For*) – также представляет собой смешение реального и воображаемого миров. Ее воспоминания смешиваются с восприятием событий в настоящем времени, а также с ее собственными шутками и игрой слов. Травма, которую она так и не смогла пережить – это смерть ее дочери в юном возрасте. Несмотря на возраст и болезнь, Мэй постоянно ищет доказательства того, что действительно существует, пытается мужественно перенести испытание одиночеством, принять факт невозможности самостоятельно принимать решения, а главное – вновь обрести свою идентичность в хаосе, которым стало ее сознание.

No one to love me and nowhere to go. Out in the cold cold snow. May sang this inside the confines of her head in a pretend old crone of a voice. That made her laugh.

She turned her head back from the window again. No, she was not dead. She was not dead yet [30, p. 137].

Во-вторых, прием смешения реального и нереального находит отражение в главной сюжетной линии романа: мир «большинства», мир людей, из которых в большинстве своем состоит современное общество, приобретает ирреальные черты, черты абсурда. Он показан как антагонист мира, который создают вокруг себя и в котором живут «одиночки».

Ирреальным кажется уже тот факт, что хозяева не решаются выбить дверь, чтобы избавиться от непрошенного жильца. Хозяйка дома говорит в письме Анне о том, что дверь гостевой комнаты скорее всего была сделана в 18-м веке и потому имеет особую ценность.

...in fact all the upstairs doors in our house are believed 18th century... [30, p. 8].

Вокруг дома, где в одной из комнат закрывается главный герой, люди разбивают лагерь и постоянно наблюдают за окнами, пытаясь не пропустить какого-нибудь события. Их трижды пытаются разогнать, дважды с помощью полиции, но все собравшиеся настроены дежурить у дома до окончания этого необычного происшествия. Люди приносят к лагерю разнообразные плакаты с призывами, в которые включено имя Майлза. Наиболее предприимчивые начинают торговать футболками, кепками и другими сувенирами с его именем и даже брать плату за передачу записок для Майлза через окно. Просто закрывшись в доме у незнакомых людей, Майлз становится сенсацией, о которой все говорят и многие используют в своих целях.

В палаточном лагере появляются журналисты с камерами, ведущие репортажи о необычном событии для телеканалов разных стран. Несколько женщин заявляют, что они жены Майлза, после встречи друг с другом они дерутся за право носить этот титул, однако делают это только в тот момент, когда появляются телекамеры.

Один из журналистов заявляет, что подобный случай ранее произошел во Франции, поэтому мистер Гарт – «не настоящий».

Далее автор продолжает усугублять абсурдность ситуации вокруг поступка Майлза. По данному событию ставят пьесу с одним героем, в котором актёр, играющий Майлза (это один из гостей на знаменитом ужине, после которого Майлз заперся в комнате), произносит монолог о том, что именно предположительно происходит с Майлзом за закрытыми дверями в доме мистера и миссис Ли. Актёр говорит о неудачах, которые долго преследовали Майлза, о том, что в чужом доме он хочет спрятаться от своих проблем. Хозяйка дома миссис Ли ходит смотреть эту пьесу каждый день утром и вечером, потому что пьеса, по ее словам, очень реалистична. Кроме того, хозяйка утверждает, что для нее очень важно побывать в своей гостевой комнате хотя бы на сцене в театре, раз это невозможно в реальной жизни.

Кульминации абсурд достигает в поведении хозяйки дома. После того как она обнаруживает, что Майлз наконец покинул их гостевую комнату, ее реакция абсолютно неожиданна: вместо того, чтобы радоваться – она плачет и решает никому не говорить о пропаже, поскольку исчезновение ее непрошенного гостя повлечет за собой потерю внимания, славы и денег.

И, наконец, в развязке главной сюжетной линии, ребенок обнаруживает, что дверь в комнату для гостей, где закрылся Майлз, уже долгое время не заперта, просто никто не пытался ее открыть и никто ни разу в нее не постучал.

Итак, автор выносит за рамки романа реальную действительность – объяснение реальных причин необычного поведения главного героя и включает в него ирреальную – абсурдные последствия его поступка.

ВЫВОДЫ

Экзистенциальная тематика характерна для целого ряда произведений современной англоязычной литературы. Обращение к теме травмирующего экзистенциального опыта можно рассматривать как реакцию писателей на кризисное пограничное состояние цивилизации, как попытку осмыслить новую парадигму мировосприятия, новую систему взаимоотношений личности и общества.

Герои экзистенциалистского романа обречены на индивидуальные поиски собственной идентичности, переходя из одного мироощущения в другое путем преодоления личностного кризиса. Мир большинства неизбежно становится чуждым для одиночек, пытающихся обрести/сохранить/восстановить свою идентичность и не быть похожим на это большинство. Прием смешения реального и ирреального в экзистенциалистском романе призван показать невозможность взаимного понимания людей, принадлежащих к разным «мирам», сложность поиска своего «я» во враждебном мире. В романе *There But For The* эта мысль выражена следующим образом:

Perhaps in some way metaphorically we are all like this man 'Milo' – all of us locked in a room in a house belonging to strangers... We do not know when our home will feel like home again [29, p. 71].

Вопрос о том, что значит существовать, быть собой – ‘*to be there*’ – является объектом авторской рефлексии и лейтмотивом произведения *There But For The*. Ответ на этот вопрос Али Смит выносит за пределы повествования, позволяя читателю найти его самому и через интерпретативную деятельность создать завершенное произведение, стать соавтором писателя.

Список литературы

1. Агеносов, В. В. Избранные труды и воспоминания [Текст] / В. В. Агеносов. – М. : АИРО–XXI, 2012. – С. 113–114.
2. Алиева, Х. И. Особенности жанра экзистенциалистского романа в английской литературе [Текст] / Х. И. Алиева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2011. – № 2 (6). – С. 61–64.
3. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.
4. Вольчина, А. Е. Новый «Жизненный мир» в визуальной культуре [Текст] / А. Е. Вольчина // Вестник РУДН. – Серия : Социология. – 2015. – № 3. – С. 34–44.

5. Годованная, Э. Г. Философско-эстетические доминанты русского и европейского постмодернизма и творчество Джона Фаулза : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01., 10.01.03 [Текст] / Э. Г. Годованная. – Краснодар, 2004. – 213 с.
6. Джумайло, О. А. Английский исповедально-философский роман 1980-2000 : Монография [Текст] / О. А. Джумайло. – Ростов-на-Дону : Издательство ЮФУ, 2011. – 320 с.
7. Джумайло, О. За границами игры : английский постмодернистский роман. 1980-2000 [Текст] / О. Джумайло // Вопросы литературы. – 2007. – № 5. – С. 7–45.
8. Джумайло, О. А. Экзистенциальный опыт и границы литературной саморефлексии в романе М. Эмиса «Записки о Рейчел» [Текст] / О. А. Джумайло // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. – 2012. – № 3. – С. 233–238.
9. Ефремова, Л. М. Экзистенциализм в литературе и искусстве [Текст] / Л. М. Ефремова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – 2009. – № 2 (4). – С. 117–120.
10. Кабанова, Н. Е. Определение понятия «жанр» в современной жанрологии [Текст] / Н. Е. Кабанова // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2017. – Т.3. – № 3. – С. 35–43.
11. Киреева, Н. В. Стратегии вовлечения читателя в лабиринты интерпретации романа Т. Пинчона «Выкрикивается сорок девятый лот» [Текст] / Н. В. Киреева // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. – 2008. – № 4. – С. 73–77.
12. Корнющенко-Ермолаева, Н. С. Кьеркегор о человеческом бытии и одиночестве [Текст] / Н. С. Корнющенко-Ермолаева // Известия Томского политехнического университета. – 2006. – Т. 309. – № 8. – С. 244–249.
13. Кьеркегор, С. Болезнь к смерти / Пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. – 2-е изд. [Текст] / С. Кьеркегор. – М. : Академический проект, 2014. – 160 с.
14. Лейдерман, Н. Л. Теория жанра. Монография. [Текст] / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : УГПУ, 2010. – 904 с.

15. Метаморфозы жанра в современной литературе : сб. науч. тр. [Текст] / отв. ред. Соколова Е. В.; сост.: Пахсарьян Н. Т., Ревякина А. А. – М., 2015. – 262 с.
16. Норец, М. В. Генезис жанра шпионского романа в английской литературе : монография [Текст] / М. В. Норец. – Симферополь : Бизнес-информ, 2014. – 364 с.
17. Норец, М. В. Детективный и шпионский роман : «клеточная» модель жанроформирования [Текст] / М. В. Норец // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 3(49). – С. 430–441.
18. Пигулевский, В. О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Научное издание [Текст] / В. О. Пигулевский. – Ростов-на-Дону : Изд-во "Фолиант", 2002. – 418 с.
19. Погорелова, И. Ю. Категория жанра в литературоведческой парадигме [Электронный ресурс] / И. Ю. Погорелова. – Режим доступа : <https://www.pglu.ru/upload/iblock/111/kategoriya-zhanra-v-lit.paradigme.p> (дата обращения 15.11.18).
20. Подлубнова, Ю. С. Жанр и метажанр: к проблеме разграничения [Электронный ресурс] / Ю. С. Подлубнова // Литературные жанры : теоретические подходы в прошлом и настоящем. Материалы международной научной конференции VII Поспеловские чтения. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Режим доступа : <https://www.netslova.ru/podlubnova/meta.html> (дата обращения 15.11.18).
21. Трещев, В. В. Аксиология экзистенциализма в художественной литературе XX в. (на примере Германии и Франции) [Текст] / В. В. Трещев // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2006. – № 19. – С. 76–81.
22. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю. Н. Тынянов. – М., 1977. – 574 с.
23. Шанина, Ю. А. Обряды перехода и экзистенциальная проблематика в английском романе последней трети XX века [Текст] / Ю. А. Шанина // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. – № 1. – С. 121–131.
24. Шарифова, С. Ш. Влияние жанрового смещения на эволюцию жанров, виды жанрового смещения [Текст] / С. Ш. Шарифова // Литературный календарь : книги дня. – 2010. – № 5(2). – С. 67–92.

25. Шарифова, С. Ш. Теоретические аспекты жанрового многообразия азербайджанского романа : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.08 [Текст] / Шарифова С. Ш. – Москва, 2012. – 38 с.
26. Bhatia, V. K. *Analysing Genre : Language Use in Professional Settings* / V. K. Bhatia. – New York : Routledge, 1993. – 264 p.
27. Ericson, T. *Social Interaction on the Net: Virtual Community as Participatory Genre* / T. Ericson // *Proceedings of the Thirtieth Hawaii International Conference on System Sciences*. – Los Alamitos : IEEE Computer Society Press, 1997. – Vol 6. – P. 23–30.
28. Fishelov, D. *Metaphors of Genre: The Role of Analogies in Genre Theory* / D. Fishelov. – University Park : The Pennsylvania State University Press, 1993. – 188 p.
29. Kristeva, J. *Strangers to Ourselves* / J. Kristeva. – New York : Columbia University Press, 1994. – 230 p.
30. Smith, A. *There But For The* / A. Smith. – New York : Anchor, 2012. – 256 p.

References

1. Agenosov V. V. *Izbrannye Trudy i Vospominaniya* [Selected Works and Memories]. Moscow, AIRO–XXI publ., 2012, pp. 113–114.
2. Alieva H. I. *Osobennosti Zhanra Ekzistentsialistskogo Romana v Angliiskoi Literature* [Peculiarities of a Genre of Existentialistic Novel in English Literature]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2011, no 2(6), pp. 61–64.
3. Bahtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznyh let* [Issues of Literature and Aesthetics. Studies of Different Periods]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura publ., 1975, 504 p.
4. Vol'china A. E. *Novyi «Zhiznennyi Mir» v Vizual'noi Kul'ture* [The New 'Life-World' in Visual Culture]. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhy Narodov. Serija: Sociologija*. 2015, no 3, pp. 34–44.
5. Godovannaya Ye. G. *Filosofsko-Esteticheskie Dominanty Russkogo i Yevropeiskogo Postmodernizma i Tvorchestvo Dzhona Faulza* [Philosophical and Aesthetic Dominants

-
- of Russian and European Postmodern in the Works of John Fowles]. Cand. Philol. Sci. Diss. Krasnodar, 2004, 213 p.
6. Dzhumailo O. A. Angliiskii Ispovedal'no-Filosofskii Roman 1980-2000: Monografiya [English Confessional-Philosophical Novel 1980-2000: monograph]. Rostov-na-Donu: JuFU Publ., 2011, 320 p.
 7. Dzhumailo O. Za Granitsami Iгры: Angliiskii Postmodernistskii Roman. 1980-2000 [Beyond the Boundaries of the Game: An English Postmodern novel. 1980-2000]. Voprosy Literatury. 2007, no 5, pp. 7–45.
 8. Dzhumailo O. A. Jekzistencial'nyi Opyt i Granitsy Literaturnoi Samorefleksii v Romane M. Emisa «Zapiski o Rejchel» [Existential Experience and the Limits of Literary Self-Reflexivity in Martin Amis's Novel 'The Rachel Papers']. Problemy Filologii, Kul'turologii i Iskusstvoznaniya. 2012, no 3, pp. 233–238.
 9. Yefremova L. M. Ekzistencializm v Literature i Iskusstve [Existentialism in Literature and Art]. Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki. Tambov, Gramota publ., 2009, no 2(4), pp. 117–120.
 10. Kabanova N. Ye. Opredelenie Ponyatiya «Zhanr» v Sovremennoi Zhanrologii [The Definition of the Notion 'Genre' in Modern Genre Studies]. Gumanitarno-Pedagogicheskoe Obrazovanie. 2017, V.3, no 3, pp. 35–43.
 11. Kireeva N. V. Strategii Vovlecheniya Chitatelya v Labirinty Interpretatsii Romana T. Pinchona «Vykrivayaetsya Sorok Devyatyi Lot» [T. Pynchon's Novel 'The Crying of Lot 49': Strategies of Engaging the Reader in the Interpretation Labyrinths]. Problemy Filologii, Kul'turologii i Iskusstvovedeniya. 2008, no 4, pp. 73–77.
 12. Korniyushchenko-Yermolaeva N. S. K'erkegor o Chelovecheskom Bytii i Odinochestve [Kierkegaard about Human Existence and Loneliness]. Izvestiya Tomskogo Politehnicheskogo Universiteta. 2006, V. 309, no 8, pp. 244–249.
 13. Kierkegaard S. Bolezn' k Smerti [The Sickness unto Death]. Moscow, Akademicheskij proekt publ., 2014. 160 p.
 14. Leiderman N. L. Teoriia zhanra: Monografiya [The Theory of Genre: Monograph]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2010. 904 p.

15. *Metamorfozy Zhanra v Sovremennoi Literature: sbornik nauchnih trudov* [Metamorphosis of the Genre in Contemporary Literature: collection of scientific papers]. Ed. by Ye.V. Sokolova. Moscow, 2015. 262 p.
16. Norec M. V. *Genezis zhanra shpionskogo romana v anglijskoj literature: monografija* [Genesis of the Spy Novel Genre in English Literature: monograph]. Simferopol': Business-inform publ., 2014. 364 p.
17. Norets M. V. *Detektivnyi i shpionskii roman: «kletochnaya» model' zhanroformirovaniya* [Detective and Spy-Novel: 'Cellar' Model of Genre Forming]. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury*. 2015, no 3(49), pp. 430–441.
18. Pigulevskii V. O. *Ironiya i Vmysel: ot Romantizma k Postmodernizmu. Nauchnoe Izdanie* [Irony and Fiction: from Romanticism to Postmodernism. A scientific publication]. Rostov-na-Donu: Foliant publ., 2002. 418 p.
19. Pogorelova I. Yu. *Kategoriya Zhanra v Literaturovedcheskoi Paradigme* [The Category of a Genre in Literary Theory Paradigm]. Available at: <https://www.pglu.ru/upload/iblock/111/kategoriya-zhanra-v-lit.paradigme.p> (accessed 15 November 2018).
20. Podlubnova Yu. S. *Zhanr i Metazhanr: k Probleme Razgranicheniya* [The Genre and Metagenre: Trying to Distinguish the Notions]. *Literaturnye Zhanry: Teoreticheskie Podhody v Proshlom i Nastojashchem. Materialy Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii VII Pospelovskie Chteniya*. Moscow: MAKS Press, 2005. Available at: <https://www.netslova.ru/podlubnova/meta.html> (accessed 15 November 2018).
21. Treshchev V. V. *Aksiologika Ehkzistentsializma v Hudozhestvennoi Literature 20 v. (Na Primere Germanii i Frantsii)* [Axiology of Existentialism in Fiction of the 20th century (On the Example of Germany and France)]. *Izvestija Rossiiskogo Pegagogicheskogo Universiteta im. A.I. Gercena*. 2006, no 19, pp. 76–81.
22. Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. The History of Literature. Cinema]. Moscow, 1977. 574 p.
23. Shanina Yu. A. *Obryady Perehoda i Ekzistentsial'naya Problematika v Angliiskom Romane Poslednei Treti 20 Veka* [Rites of Passage and Existential Problems in British

- Novel of the 1979-1990s]. Vestnik Bashkirskogo Universiteta. 2014, V. 19, no 1, pp. 121–131.
24. Sharifova S. Sh. Vliyanie Zhanrovogo Smesheniya na Evolyutsiyu Zhanrov, Vidy Zhanrovogo Smesheniya [The Influence of Genre Mixing on Genre Genesis, the Types of Genre Mixing]. Literaturnyj kalendar': knigi dnja. Literary Calendar: The Books of the Day, 2010, no 5(2), pp. 67–92.
25. Sharifova S. Sh. Teoreticheskie Aspekty Zhanrovogo Mnogoobraziya Azerbaidzhanskogo Romana [Theoretical Aspects of Genre Diversity of Azerbaidzan Novel]. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2012. 38 p.
26. Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. New York, Routledge, 1993. 264 p.
27. Ericson T. Social Interaction on the Net: Virtual Community as Participatory Genre. Proceedings of the Thirtieth Hawaii International Conference on System Sciences. Los Alamitos, IEEE Computer Society Press, 1997, V. 6, pp. 23–30.
28. Fishelov D. Metaphors of Genre: The Role of Analogies in Genre Theory. University Park, The Pennsylvania State University Press, 1993. 188 p.
29. Kristeva J. Strangers to Ourselves. New York, Columbia University Press, 1994. 230 p.
30. Smith A. There But For The. New York, Anchor, 2012. 256 p.

SEMANTIC CORE CHARACTERISTICS OF THE EXISTENTIALIST NOVEL IN MODERN LITERATURE

T. Yu. Osadchaya

Addressing different existential issues is the reaction of modern literature to a crisis state of civilization, the attempt to comprehend the new worldview, and, as a result, the new system of relations between an individual and society. Within the postmodern paradigm, due to influence of existentialism a number of specific features appear in the novels of modern English-speaking authors. Many elements of a literary work gradually change, first of all, it concerns the development of a genre system. The multi-genre nature of literary works demands studying basic stable characteristics of a genre as a starting point of investigation of the genre diversity in modern literature. The semantic core characteristics of a genre are dominant content aspects of the text which influence its structure. The following elements can be included in the semantic core of the existentialist novel: an archetypal plot devoting to individual's transition from one state / attitude to another; a narrative that represents a chaotic, unknowable and extremely hostile to an individual world; a literary technique of synthesis of real and surreal/conditional worlds. The British writer A. Smith in her novel *There But For The* wants to convey the following message: mutual understanding of people belonging to different "worlds" is quite impossible, it is difficult to discover and retain your identity in modern world; to complete this task she uses the elements which are included into the semantic core of modern existentialist novel. Understanding the author's intention demands a great deal of reader's interpretive activity; a reader can become a co-author of this work.

Keywords: genre, genre diversity, multi-genre nature, semantic core characteristics of a genre, existentialist novel.

УДК 82.054.7-1/-9

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Шалина М. А., Горюнов В. В.

Евпаторийский институт социальных наук (филиал)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Евпатория, Россия

E-mail: marie_ka@mail.ru, pervoe-slovo@list.ru

В статье предпринята попытка проанализировать художественную антропологию Гайто Газданова, отыскать наиболее значительные идеи и мотивы в творчестве писателя и на их основе обнаружить типы персонажей, составляющие стержень газдановской концепции человека. Выявлены ключевые аспекты творчества писателя: неопровержимая истина о неизбежности смерти и неразрывно связанная с ней «идея неподвижности», продолжением которой становится тип «неподвижного человека». Антитезой смерти и неподвижности в пространстве произведений Газданова являются, соответственно, жизнь и движение. В связи с этим рассмотрены персонажи, реализующие идею «душевного движения». Таковые представлены в пяти типах: «призрак», «стоик», «гедонист», «философ» и «мечтатель», каждый из которых сопровождается своим мотивным комплексом. Помимо художественного назначения, выделенные типы персонажей выполняют в творческом универсуме Газданова философскую функцию: являются постановкой той или иной философской проблемы и ответом автора на экзистенциальные вопросы. Так, например, типом призрака писатель ставит вопрос о самоутверждении личности, ответом на который является тип стоика. Вопрос о соотношении чувственного и рационального начал в процессе поиска смысла жизни изображается в типах гедониста и философа. Наконец, проблема структуризации и упорядочивания хаотичного бытия поднимается в типе мечтателя. Следует отметить, что типы персонажей в художественной системе Газданова не обладают свойствами константы: герои преодолевают свой характер, ощущая перерождающую силу обретенного смысла жизни.

Ключевые слова: Газданов, художественная антропология, концепция человека, экзистенциализм, смерть, движение, неподвижность.

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрический подход в современных научных исследованиях относится к одному из приоритетных принципов и означает, что «человек оказывается не просто вовлеченным в анализ тех или иных явлений, но определяет перспективы этого анализа и его конечные цели» [13, с. 99]. Очевидно, что антропоцентризм является сущностным компонентом художественной литературы как вида искусства, именуемого издавна «человековедением», ведь даже образы природного и вещественного окружения в литературном произведении чаще всего призваны выразить характеристику или внутреннее состояние героя.

Как отмечает В. В. Савельева, «каждый автор создает свой образ человека, т. е. свою художественную антропологию, которая может быть выделена в отдельную область знаний, подобно религиозной антропологии, философской, педагогической,

психологической» [19, с. 7]. Под термином «художественная антропология» в литературном творчестве понимается исследование писателем сложной человеческой природы с помощью художественных средств и воплощение в произведении концепции человека, посредством которой автор находит ответы на фундаментальные вопросы существования [см.: 7, с. 8].

Особый интерес к художественной антропологии в творчестве писателей-экзистенциалистов продиктован культурологическими изменениями, произошедшими в XX веке: прекращением доминирования над человеком метафизического начала (известный тезис Ф. Ницше «Бог умер»), в результате чего ответственность за формирование себя и своих нравственных принципов перекладывается на личность. В философии экзистенциализма эти изменения выразились в тезисах о примате существования над сущностью, субъективной истины над объективной. Следовательно, изучение концепции человека в творчестве писателей, близких экзистенциальному мироощущению, оказывается ключевым моментом в определении художественного своеобразия их творчества.

Гайто Газданов (1903–1971) – представитель младшего поколения первой волны русской эмиграции – один из тех авторов, в творчестве которых экзистенциальная тематика явилась определяющей. Художественное и стилистическое мастерство Газданова современники оценивали чрезвычайно высоко², однако долгие годы автор «Вечера у Клэр» оставался в тени читательского внимания. Научный интерес к творческому наследию талантливого писателя пробуждается только в конце 1990-х – начале 2000-х гг. (работы Л. Диенеша, С. Никоненко, С. Кабалоти, Р. Тотрова, Л. Сыроватко, Ю. Бабичевой, С. Кибальника и других). За двадцатилетие газдановедение значительно обогащено научно-аналитическими трудами. Внимание

² Так, автор первой монографии о жизни и творчестве русского автора Ласло Диенеш отмечал, что «в начале 1930-х годов о Газданове заговорили как о втором, наряду с Набоковым, молодом писателе, подающем большие надежды, и даже как о его возможном сопернике» [5, т. 1, с. 5]. Далее ссылки на все цитаты из текстов Гайто Газданова приводятся по данному изданию собрания сочинений автора с указанием номера тома римской цифрой и страницы – арабской через запятую в круглых скобках. – М. Ш., В. Г.

исследователей закономерно привлекают особенности поэтики и стилистики газдановских произведений [4; 17; 18], проблемы художественного диалога автора с современниками (в особенности, с В. Набоковым) [9; 10; 23], с традициями русской классической литературы и западноевропейского модернизма [1; 3; 10; 24]. О востребованности наследия Гайто Газданова в профессиональной филологической и культурологической среде свидетельствуют результаты Международной конференции, проведенной Институтом русской литературы РАН в 2013 году [11].

Некоторые аспекты художественной антропологии писателя раскрыты в работах отечественных ученых. Так, Р. Х. Тотровым одним из первых высказана мысль об очевидной связи газдановской концепции человека с философией атеистической ветви экзистенциализма, в частности, с убеждениями Ж.-П. Сартра и А. Камю. По мнению автора, «исследование форм человеческого бытия <...> неразрывно связано с проблемой абсурда» [21, с. 527]. Герои Газданова ищут выход к осмысленному бытию, пытаясь преодолеть абсурдность своего существования, венцом которого является проблема неизбежности смерти.

С. А. Кибальник, развивая вопрос об экзистенциальной традиции в творчестве автора и фокусируясь на анализе интертекстуальных связей в произведениях Газданова, выделяет образ «человека на войне» у писателя-эмигранта и Л. Толстого [10, с. 52], сопоставляет позиции Газданова и Достоевского в отношении к проблеме конформизма и «всемства» [10, с. 184]; анализирует поиск автором «Пробуждения» собственной формулы «положительного героя» [10, с. 320].

Е. В. Кузнецовой предложен тезис о том, что «образ героя-писателя <...> отражает в своих взглядах общечеловеческие проблемы, идеи гуманистов. И в этом аспекте он дан в оппозиции к окружающей его бездуховности» [14, с. 189].

Тип «путешественника» в художественной антропологии писателя рассматривает Л. В. Сыроватко. По ее мысли, странствовать по миру, менять образ жизни, героев Газданова заставляет не чувство внутренней бездомности, а попытка ответить на «вечные вопросы» [20, с. 657].

Д. Е. Коломин анализирует функции женских образов в художественной системе Газданова. Именно женщина-«муза», по мнению исследователя, является

помощником в преодолении экзистенциального кризиса героя-мужчины в мире писателя [12, с. 25].

Весьма продуктивным видится предложенный Е. Н. Проскуриной подход к дифференциации персонажей Газданова на две концептуальные группы. В первую входят те, «кто потерял жизненные ориентиры либо остановился в своем внутреннем развитии» [16, с. 207]. Эти герои «обязательно гибнут или лишаются сюжетной перспективы» [там же]. Противопоставлены им те, «кто ориентирован на духовное “довоплощение” <...>. Только персонаж, относящийся к этому типу, может претендовать у Газданова на позицию главного героя», – делает вывод автор [там же].

«Довоплощение» героя и мира является, по мнению Е. Н. Проскуриной, основным объектом творческой рефлексии Газданова. Эта тема, как считает исследователь, объединяет все романы писателя в единый «метароманный цикл». В работе «Единство иносказания: о нарративной поэтике романов Гайто Газданова» литературовед находит сходства между романами писателя и крупной циклической формой в музыке: «...непременным условием для крупной циклической формы является соразмерность частей, а также динамика их развития, движение к кульминации» [17, с. 15]. Романы Газданова также являются свободным развитием монотемы, каждый колеблется в пределах ста двадцати-двухсот страниц – это соотнобразует с условием соразмерности частей крупной музыкальной формы. Первый и последний романы задают «тональное единство» всему циклу. От произведения к произведению единый метагерой, воплощенный во множестве образов, проходит инициацию, отвечая на вопросы самоутверждения и смысла жизни. Кульминацией цикла являются романы «Пилигримы» и «Пробуждение», в которых автор выражает собственный ответ на вопрос о смысле существования.

При несомненном интересе учёных к газдановской концепции человека следует констатировать, что целостного исследования художественной антропологии писателя до сих пор не было предпринято, тогда как эта тема, безусловно, нуждается в системном и углубленном осмыслении. **Целью** настоящей статьи является анализ типологии героев в произведениях автора и выделение на его основе газдановской концепции человека.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Человек в представлениях философов-экзистенциалистов не обладает изначально сформированной сущностью, а находится в процессе становления и самоопределения. Вероятно, именно для того, чтобы воплотить поток индивидуального существования, обострить степень осмысления этого внутреннего движения, многие герои Г. Газданова наделяются способностью к постоянной рефлексии, созерцанию чужой жизни и феноменальной памятью. Нередко персонаж с подобными качествами выступает в роли рассказчика и обладает явными автобиографическими чертами.

Ярким примером подобного героя может стать Николай Соседов, рассказчик дебютного романа Газданова «Вечер у Клэр» (1929). Это произведение, по мнению Е. В. Проскуриной, является «экспозицией ко всему циклу романов, своего рода «словесной увертюрой» (метафора Газданова), в которой задаются сюжетно-поэтические и повествовательные координаты последующих романов писателя» [17, с. 16].

Художественное повествование «Вечера у Клэр» построено на воспоминаниях персонажа о детстве, кадетском корпусе, гимназии, влюбленности в девушку по имени Клэр и Гражданской войне. Как отмечено исследователями, в этом произведении, с одной стороны, «отображена биографическая близость автора и героя-рассказчика», а с другой – фамилия Соседов «наводит на мысль о родстве, соседстве с автором, но не на полную идентификацию с ним» [14, с. 186], исключая элемент выдумки.

Внутренний мир героя романа изображается на фоне неизбежности смерти. В восьмилетнем возрасте Николай теряет отца и задумывается о своей собственной кончине. После этого смерть становится для главного героя «неотступной тенью» (I, 80), которую он ощущает повсюду: «Бессознательное, холодное равнодушие моей матери точно отразило в себе чью-то последнюю неподвижность, и жадная память сестёр вбирала в себя все так быстро потому, что где-то в отдалённом их предчувствии смерть уже существовала» [там же].

Неминуемость конца существования для Газданова – «единственная и неопровержимая реальность» (I, 489), поэтому небытие является основным сюжетообразующим мотивом в его произведениях. Например, фабула романов «История одного путешествия» (1934), «Полёт» (1939), «Пилигримы» (1953) завершается уходом из жизни персонажей. Смерть является завязкой, интригой и развязкой действия «Призрака Александра Вольфа» (1947). Роман «Возвращение Будды» (1949), центральной темой которого является абсурдность существования, начинается со слов «Я умер» (III, 139).

Основное качество смерти, которое подчеркивает Газданов, – это её «неподвижность». Так, например, в «Истории одного путешествия» главному персонажу Володе Рогачёву снится смерть в виде крылатого существа с «неподвижным лицом с медными волосами» (I, 229). неподвижность как печать ухода души из тела отражается на лице умершей Ральди, подруги героя-рассказчика романа «Ночные дороги» (1941): «Я долго смотрел на Ральди; и сквозь тяжелую печаль, которую я испытывал, я заметил все-таки, что белое, полное лицо ее почти не изменилось, и то, что ему придавало необыкновенно страшный и мертвый вид, это было исчезновение нежных ее глаз, вместо которых, с каменной и тупой неподвижностью слепые белки ее были видны во всю их ширину» (II, 137–138).

Душевная неподвижность характерна не только для мёртвых, но и для живых людей, добровольно прекративших мыслить, и, следовательно, искать ответ на вопрос о смысле существования. Часто подобное происходит из-за негативных социальных условий: «...меня особенно поразило, когда я впервые увидел людей, запряженных в небольшие тележки, в которых они везли провизию; я смотрел на обветренные лица и на особенные их глаза, точно подернутые прозрачной и непроницаемой пленкой, характерной для людей, не привыкших мыслить, – такие глаза были у большинства проституток, – и думал, что, наверное, то же, вечно непрозрачное, выражение глаз у китайских кули, такие же лица были у римских рабов – и, в сущности, почти такие же условия существования» (II, 64).

Но не только низшие слои общества обладают этим «налетом животной глупости» (II, 79), но и обеспеченные, образованные люди: «Видя лица

коммерсантов, служащих, чиновников и даже рабочих, я находил в них то, чего не замечал раньше, когда был моложе, какое-то идеальное и естественное отсутствие отвлеченной мысли, какую-то удивительную и успокаивающую тусклость взгляда» (II, 192).

Социальное пространство не требует от человека рефлексии. В нём четко распределены роли, регулируемые социальными нормами и поддерживаемые общественным контролем [22, с. 142]. Это создаёт условия для «неподвижности», обезличивания, усреднения, превращения человека в машину. Таким стандартным героем является, например, мсье Дюма из «Истории одного путешествия»: «Самый старательный француз, человек среднего роста, совершенно безличный» (I, 186).

Жизнь вне экзистенциальных вопросов характерна также для персонажа романа «Полёт» Сергея Сергеевича, наделенного от природы «слепой удачей» (I, 301) и здравым смыслом. «Машина ты, а не человек, <...> Довольно милая машина, но машина», – так характеризует его жена (I, 354). Основное качество Сергея Сергеевича – отсутствие чувственного начала: «...он никогда не любил по-настоящему, – как никогда не был до конца откровенен» (I, 305).

Из сказанного можно сделать вывод, что первейшим условием для становления личности, по Газданову, является выход за границы обезличивающего материального бытия и его норм, называемых «здравым смыслом». Это объясняет, почему большинство газдановских героев не зависит от социальных ценностей, денег и работы.

Поскольку персонажи, отмеченные «душевной неподвижностью», частотны в произведениях писателя, целесообразно выделить тип «*неподвижного человека*», для которого характерны завершённая сущность (отсутствие становления), материализм, «здравый смысл» и атрофированная чувственность. Ярким представителем этого типа является, например, профессиональная содержанка Алиса из «Ночных дорог» (1941), предавшая Ральди: «Казалось, творческое усилие, которое вызвало из небытия ее существование, создало это совершенное тело и прекрасное лицо – и исчерпало себя, и на долю Алисы, кроме этого, не выпало ничего: ни желаний, ни страстей, ни даже намерений. То, что в других вызывало волнение, или

нетерпеливое ожидание, или жажду, ее оставляло равнодушной» (II, 180). Герой-рассказчик, безмянный таксист, так характеризует ее: «Получается впечатление, что ты просто падаль, Алиса» (II, 180). Связь «неподвижного человека» со смертью, с точки зрения экзистенциальной философии, очевидна: человек, у которого отсутствуют чувственное начало и процесс становления (выбора), не является существующим.

Выделение типа «неподвижного человека» проясняет многие неявные моменты в творчестве Газданова. Например, почему главный герой «Вечера у Клэр» испытывает чувство «смерти любви» (I, 47), потери идеала в лице загадочной Клэр, чьё имя в переводе с французского означает «свет»? Николай дает ей следующую характеристику: «... отдаваясь власти сна, или грусти, или другого чувства, как бы сильно оно ни было, она не переставала оставаться собой; и казалось, самые могучие потрясения не могли ни в чем изменить это такое законченное тело, не могли разрушить это последнее, непобедимое очарование, которое заставило меня потратить десять лет моей жизни на поиски Клэр и не забывать о ней нигде и никогда» (I, 47). Зримое противоречие экзистенциальной установке о становлении сущности и акцент на слове «тело» позволяет утверждать, что идеал Николая Соседова подвержен «душевной неподвижности». Это доказывается еще и эпизодом встречи героя с Клэр во время метели: «Идёмте ко мне, – сказала она резко. В тумане передо мной, на довольно большом расстоянии, я видел её неподвижное лицо» (I, 99). Смыслом жизни «неподвижный человек» может стать, будучи недостижимым, в противном случае – он должен быть заменен на «иной образ» (I, 47).

Мотивам смерти и «неподвижности» в художественной системе Газданова противопоставляется жизнь, в основе которой лежит идея движения: «Надо ли повторять ту тривиальную истину, что жизнь есть непрекращающееся движение, что всё меняется, и что мы меняемся со всем остальным?» (IV, 320).

Независимо от личной воли человек движется по направлению к смерти. Персонажи Газданова, осознавшие это, но не нашедшие способа сопротивления неизбежному, находятся в пограничном, «призрачном» состоянии, с которым

связаны мотивы «болезни», «сумасшествия» «превращений» и «двойственности». Такие герои часто балансируют на грани «душевного обморока» (самоотчуждения).

Проблема двойственности появляется в «Вечере у Клэр»: «Я часто терял себя: я не был чем-то раз и навсегда определенным; я изменялся, становясь то больше, то меньше; и, может быть, такая неверность своего собственного призрака, не позволявшая мне разделиться однажды и навек и стать двумя различными существами, – позволяла мне в реальной жизни быть более разнообразным, нежели это казалось возможным» (I, 80).

Идея призрачного существования, бытия в абсурде, наиболее последовательно разработана в образе Александра Вольфа. Переживший собственную смерть от руки героя-рассказчика, Вольф переосмысляет всю свою жизнь, в результате чего приходит к философии, «далекой от всякой идиллической гармоничности» (III, 106). В основе его убеждений лежит фатализм: «то, что нам кажется слепой случайностью, есть чаще всего неизбежность» (III, 106).

Опыт смерти сделал Вольфа особенным человеком: «Ты считаешь себя осужденным на смерть. Но мы все осуждены на смерть. – Иначе. – Почему? – Потому что все понимают это только теоретически, а я знаю, что это такое. Почему? Не могу объяснить. В некоторых тюрьмах арестантов отпускают в город под честное слово на день или два. Они так же одеты, как все остальные, так же могут обедать в ресторане или сидеть в театре. Но они все-таки не похожи на других людей – не так ли? Меня отпустили на некоторое время; я не могу ни думать, ни жить так, как все, потому что я знаю, что меня ждут» (III, 89). Однако в этой холодной исключительности затаилась неподвижность смерти, уничтожившая личность и «теплый и чувственный мир» (III, 109) самого Александра Вольфа.

Двойственность героя заключается в том, что он, вопреки своей же собственной философии, ищет способ самоутверждения, победы над судьбой. Поиск ответа приводит Вольфа к идее убийства, заключающей в себе «невероятное, почти нечеловеческое могущество <...> стать на какое-то время сильнее судьбы и случая, землетрясения и бури, и точно знать, что в такую-то секунду он остановит ту сложную и длительную эволюцию чувств, мыслей и существований, то движение

многообразной жизни, которое должно было бы раздавить его в своём неудержимом ходе вперёд» (III, 114).

Обозначенные качества Вольфа позволяют выделить в художественной системе Газданова тип «*призрака*». В следующем романе «Возвращение Будды» (1949) писатель продолжит размышления об абсурде и изложит свой способ его преодоления. Главный герой произведения является «призраком», поскольку также, как Александр Вольф, пытается решить проблему самоутверждения, балансируя на грани потери себя: «призрачный мир неотступно следовал за мной повсюду и почти каждый день иногда в комнате, иногда на улице, в лесу или в саду я переставал существовать, я, как таковой, такой-то и такой-то, родившийся там-то, в таком-то году, кончивший среднее учебное заведение несколько лет тому назад и слушавший лекции в таком-то университете, – и вместо меня с повелительной неизбежностью появлялся кто-то другой» (III, 149).

Газдановским ответом на вопрос самоутверждения личности в абсурде является стоицизм. Стоическое мировоззрение в художественной системе писателя связано с мотивами «терпения» и «воли». К типу «*стойка*» можно отнести, например, образ отца Николая Соседова в романе «Вечер у Клэр»: «...терпение его было необычайно» (I, 55). Страстью отца Николая были пожары, а точнее – борьба с неукротимой волей стихии: «На пожарах он проявлял необычайную энергию. Он вытаскивал из горящего дома всё, что мог; и так как он был очень силен, то нередко спасал от пламени шкафы, которые выносил на спине» (I, 54). Враждебным и непонятным для себя Соседов-старший считал всё то, что напоминало ему о смерти, поскольку её невозможно одолеть силой воли: «Какая бессмысленная вещь! – говорил он. – Как глупо погиб человек! Вот, нет его больше – и ничего не поделаешь» (I, 58).

Экзистенциальное значение стоического мировоззрения осмысляется в «Возвращении Будды». Завязкой сюжета романа служит встреча главного героя с бездомным человеком со спокойным взглядом и удивительным голосом, «который совершенно не соответствовал его внешнему виду, – ровный и низкий голос с удивительными интонациями уверенности в себе. В нем нельзя было не услышать

звуковое отражение какого-то другого мира, чем тот, к которому явно принадлежал этот человек. Никакой бродяга или нищий не должен был, не имел ни возможности, ни права говорить таким голосом» (III, 146). Этим нищим был Павел Александрович Щербаков, потерявший своё состояние из-за революции и Гражданской войны. В личности Щербакова главный герой находит «бессознательный, почти органический стоицизм» (III, 188), который помог Павлу Александровичу сопротивляться отравляющему влиянию парижского дна. Это же качество разовьёт в себе герой-рассказчик для преодоления своей болезни: «...впервые за все время я был обязан победе над этим призрачным миром не внешнему толчку и не случайности пробуждения, а усилию своей собственной воли» (III, 293).

Помимо «призрачного» и «стоического» бытия в художественном мире Газданова идея неподвижности противопоставлена «бурная жизнь и неутолимая жажда душевных движений» (IV, 267). В основе такого способа существования лежит стремление к наслаждению. Героев, стремящихся к удовольствиям, Газданов связывает с архетипом Дон Жуана, но мы для удобства назовём их «*гедонистами*».

С типом «гедониста» связаны мотивы донжуанства, наслаждения, скорости, страсти и бурной жизни. В романе «Вечер у Клэр» такой героиней является служанка Клэр с «манией передвижения» (I, 40), которая каждый месяц грустила из-за нового неудачного романа.

В «Истории одного путешествия» типу «гедониста» соответствует отец Володи и Николая: «...мать Рогачева плакала в такие дни, вспоминая своего неверного мужа, самого очаровательного и умного, и в то же время самого ненадежного человека, которого она знала, неисправимого Дон-Жуана и картежника, не раз проигравшего и выигравшего целые состояния, посетителя бесчисленных клубов, бильярдных, ресторанов, всегда одетого в самый модный костюм, улыбающегося, остроумного и не верящего ни во что на свете, «кроме козырного туза и женской приятности», как кто-то сказал о нем» (I, 180–181).

Бурная жизнь героев часто является попыткой отчуждения от страдания. Это подтверждается, например, образом господина Мартини из романа «Ночные дороги» – завсегдатая ночного кафе, считающего, что «жизнь дана для удовольствия» (II, 13).

В личном разговоре с героем-рассказчиком Мартини признаётся, что пьёт «от огорчения» (II, 14): «Моя жена презирает меня, она научила моих детей презирать меня, и единственный смысл моего существования для них это, что я даю им деньги» (II, 14). Повреждение внутреннего мира характерно также для Елены Николаевны, героини романа «Призрак Александра Вольфа». Чтобы избавиться от душевной раны, возникшей из-за отравляющего влияния Вольфа, героиня ищет «сильных ощущений» (III, 75), двигаясь по жизни с необыкновенной скоростью и «вслепую».

Оппозицией чувственному бытию в художественном пространстве Газданова является отвлечённое (рациональное), созерцательное существование «*философа*». Представления писателя о философской экзистенции отражает цитата из Платона, которую Газданов помещает в эссе «Миф о Розанове» и роман «Ночные дороги»: «Вся жизнь философа есть длительная подготовка к смерти» (II, 90). Суть этих приготовлений заключается в поиске ответа на вопрос о смысле жизни.

Смысл жизни присутствует в произведениях Газданова как неуловимая «тайна», которую герои ярче ощущают в переломные моменты своей жизни: «Очень редко, в самые напряженные минуты моей жизни, – рассказывает главный герой романа «Вечер у Клэр» – я испытывал какое-то мгновенное, почти физическое перерождение и тогда приближался к своему слепому знанию, к неверному постижению чудесного» (I, 80). Со смыслом жизни связан мотив «перерождения» – перехода в новый виток становления личности.

Помимо поиска смысла жизни с типом «философа» связаны мотивы отвлечённости, гармонии и критического мышления. Образом, соответствующим этому типу, является герой «Истории одного путешествия» Александр Александрович, для которого «...все окружающее было непрекращающейся пляской линий, цветов, очертаний; иногда проявлялись случайные, всеобъясняющие идеи, объединявшие на секунду весь мир в одну хрупкую гармоническую систему; потом все рассыпалось с легким, стеклянным треском, и опять начиналась погоня за чем-то, неуловимо скрывавшимся повсюду» (I, 231).

Трагедия философа заключается в попытке найти рациональный ответ на вопрос о смысле жизни, который в итоге приводит его к пониманию того, что смерть

– единственное объективное знание о человеке. Людей, осознавших эту истину, но, независимо от этого, продолжающих рациональный поиск, Газданов называет «агонизирующими». Подобным мыслителем для автора является Розанов: «Такого убийственного разнообразия не вмещал в себя, кажется, никто. Но все это проходило сквозь него, как в бреду, и уверенность его в том, что он говорил, была очень странная, как бывает у человека нелепая уверенность в необходимости нелепого поступка во сне, это проходило и исчезало, а оставалась только одна мысль, одно чувство: “Смерти я боюсь, смерти я не хочу, смерти я ужасаюсь”» (I, 726).

Агонизирующим человеком является Федорченко – герой романа «Ночные дороги», который всю жизнь был материалистом, пока перед ним не встал вопрос о смысле его существования. В последние дни жизни персонажа герой-рассказчик встречает его в кабаре: «Мне показалось уже тогда, что в его лице была восторженная отчужденность от всего происходящего, это было самое отвлеченное лицо, которое я когда-либо видел, это была неправдоподобная абстракция Федорченки» (II, 210). Бесконечные метания в поисках ответа в итоге доводят героя до самоубийства.

Близким к «философскому» существованию является бытие «*мечтателя*». С этим типом в творческой реальности Газданова связаны мотивы воображения и «переписывания» реальности. Мечтатель не ищет объективного ответа на вопрос о смысле жизни, а создаёт свою реальность, в которой может быть абсолютно свободным. «Я привыкал жить в прошедшей действительности, восстановленной моим воображением. Моя власть в ней была неограниченна, я не подчинялся никому, ничьей воле; и долгими часами, лёжа в саду, я создавал искусственные положения всех людей, участвовавших в моей жизни, и заставлял их делать то, что хотел» (I, 52), – так процесс фантазирования описывается в романе «Вечер у Клэр».

«Переписывает» свою биографию Володя из «Истории одного путешествия»: «С давнего времени у него образовалась привычка исправлять воспоминания и пытаться воссоздавать не то, что происходило, а то, что должно было произойти, – для того, чтобы всякое событие как-то соответствовало всей остальной системе представлений» (I, 177).

Рассуждая о вымысле в автобиографическом произведении, герои романа «Эвелина и её друзья» приходят к выводу, что выдумка – это субъективная реакция на внешние явления, а вся жизнь человека – «это переходы от одного видения к другому, это смена чувств, ощущений и воспоминаний. <...> И медленный путь к смерти» (IV, 314). Иными словами, в типе «мечтателя» воплощается газдановский способ изображения действительности, его творческий манифест.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, можно сказать, что художественная антропология Гайто Газданова органична ключевым установкам экзистенциальной философии: всякий человек пытается найти решение проблемы смерти и смысла существования или отстраниться от них, создав себе «какое-то подобие жизни» (IV, 164). В соответствии с этим выделены и проанализированы ключевые типы героев в художественной парадигме Г. Газданова: «неподвижный человек», который по собственной воле или под действием губительного влияния социума отчуждается от самого себя, теряя доступ к подлинному бытию; ему противопоставлены персонажи, соответствующие идее движения, – это типы «призрака», «стойка», «гедониста», «философа» и «мечтателя». Помимо своего художественного назначения, типы персонажей Газданова выполняют философскую функцию: являются постановкой интересующей автора философской проблемы и ответом писателя на экзистенциальные вопросы. Так, например, типом призрака Газданов ставит вопрос самоутверждения личности, ответом на который является тип стойка. Вопрос о соотношении чувственного и рационального в процессе поиска смысла жизни изображается в типах гедониста и философа. Наконец, проблема вымысла и упорядочивания хаотичного бытия поднимается в типе мечтателя. Следует отметить, что тип персонажа в художественном мире Газданова не обладает свойствами константы: на протяжении произведения многие герои преодолевают собственный характер, ощущая перерождающую силу обретенного смысла жизни.

Список литературы

1. Александрова, Е. К. Старосветские помещики в Париже: «гастрономическая» пародия Гайто Газданова [Текст] / Е. К. Александрова // Русская литература. – 2012. – № 4. – С. 199–206.
2. Бабичева, Ю. В. Гайто Газданов и творческие искания Серебряного века [Текст] / Ю. В. Бабичева. – Вологда : Русь, 2002. – 86 с.
3. Боярский, В. А. Две несчастные княжны: «Княжна Мери» М. Ю. Лермонтова и «Княжна Мэри» Г. Газданова [Текст] / В. А. Боярский // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 169–177.
4. Боярский, В. А. Категория ошибки в рассказе Гайто Газданова «Судьба Саломей» [Текст] / В. А. Боярский // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 70–78.
5. Газданов, Г. Собрание сочинений : в 5 т. / Гайто Газданов. – М. : Эллис Лак, 2009.
6. Диенеш, Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / пер. с англ. Т. Салбиев. – Владикавказ : Изд-во Сев.-Осет. ин-та гуманитарных исслед., 1995. – 304 с.
7. Зайцева, Т. Б. Художественная антропология А. П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Т. Б. Зайцева. – Магнитогорск, 2015. – 390 с.
8. Кабалоти, С. М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов [Текст] / С. М. Кабалоти. – СПб. : Петербургский писатель, 1998. – 334 с.
9. Карелина, Е. К. Проблема литературных взаимоотношений В. Набокова и Г. Газданова («Камера обскура» и «Счастье») [Текст] / Е. К. Карелина // Русская литература. – 2014. – № 4. – С. 235–246.
10. Кибальник, С. А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе [Текст] / С. А. Кибальник. – СПб. : Петрополис, 2011. – 412 с.
11. Кибальник, С. А. Международная научная конференция «Проблемы изучения творчества Гайто Газданова» (к 110-летию со дня рождения писателя) [Текст] / С. А. Кибальник // Русская литература. – 2014. – № 3. – С. 259–261.
12. Коломин, Д. Е. Функции женских образов в отражении авторской концепции творчества Гайто Газданова [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 28 с.

13. Комарова, Л. А. Антропоцентризм художественного текста [Текст] / Л. А. Комарова // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – Вып. 8 (64). – 2008. – С. 99–103.
14. Кузнецова, Е. В. Образ автора, герой-рассказчик и повествователь в романах Гайто Газданова [Текст] / Е. В. Кузнецова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 115. – С. 184–190.
15. Орлова, О. Литературный призрак Гайто Газданова: история создания образа (обзор и публикация материалов архива Газданова в Хотонской библиотеке Гарвардского университета) [Текст] / О. Орлова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: реферативный журнал / Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – Вып. 3. – С. 165–193.
16. Проскурина, Е. Н. Автор, герой, нарратив в «русских» романах Г. Газданова [Текст] / Е. Н. Проскурина // Критика и семиотика. – Вып. 11. – М., 2007. – С. 204–220.
17. Проскурина, Е. Н. Единство иносказания: о нарративной поэтике романов Гайто Газданова [Текст] / Е. Н. Проскурина. – М. : Новый хронограф, 2009. – 387 с.
18. Проскурина, Е. Н. Художественная философия смерти в новеллистике Г. Газданова [Текст] / Е. Н. Проскурина // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 2. – С. 72–82.
19. Савельева, В. В. Художественная антропология : монография [Текст] / В. В. Савельева. – Алматы : АГУ им. Абая, 1999. – 281 с.
20. Сыроватко, Л. В. Газданов-романист [Текст] / Л. В. Сыроватко // Газданов Г. Собр. соч. : в 3 т. – М. : Согласие, 1996. – Т. 1. – С. 657–668.
21. Тотров, Р. Между нищетой и солнцем [Текст] / Р. Тотров // Г. Газданов. «Вечер у Клэр». Романы. – Владикавказ : Ир, 1990. – С. 523–542.
22. Чередниченко, И. П. Экзистенциальный опыт реального существования [Текст] / И. П. Чередниченко // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 4. – С. 140–151.

23. Pushkarevskaya Naughton, Yu. "Diaphanous irony": ironic masquerade and breakdown in Vladimir Nabokov's *The Real Life Of Sebastian Knight* and Gaito Gazdanov's *Night Roads* / Yulia Pushkarevskaya Naughton // *Comparative literature studies*. – 2014. – Vol. 51. – Pp. 466-490.
24. Rubins, M. *Anthologizing the Jazz Age: Gaito Gazdanov's The Spectre of Alexander Wolf* / M. Rubins // *Russian Montparnasse / Transnational Writing in Interwar Paris*. – London: Palgrave Macmillan, 2015. – Pp.145–161.

References

1. Aleksandrova E. K. *Starosvetskie Pomeshchiki v Parizhe: «Gastronomicheskaya» Parodiya Gaito Gazdanova* [Old-world Landlords in Paris: *Gastronomic Parody of Gaito Gazdanov*]. *Russkaya Literatura*, 2012, no 4, pp. 199–206.
2. Babicheva Yu. V. *Gaito Gazdanov i Tvorcheskie Iskaniya Serebryanogo Veka* [Gaito Gazdanov and the Creative Quest of the Silver Age]. Vologda: Rus Publ., 2002. 86 p.
3. Boyarskii V. A. *Dve Neschastnye Knyazhny: «Knyazhna Meri» M. Yu. Lermontova i «Knyazhna Meri» G. Gazdanova* [Two Unhappy Princesses: *Princess Mary M. Yu. Lermontov and Princess Mary G. Gazdanova*]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2015, no 3, pp. 169–177.
4. Boyarskii V. A. *Kategoriya Oshibki v Rasskaze Gaito Gazdanova «Sudba Salomei»* [Category of Error in the Story of Gaito Gazdanov *The Fate of Salome*]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2015, no 1, pp. 70–78.
5. Gazdanov G. *Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh* [Composition of Writings]. Moscow: Ellis Lak Publ., 2009.
6. Dienes L. *Gaito Gazdanov. Zhizn i Tvorchestvo* [Gaito Gazdanov. Life and Art]. Vladikavkaz: Sev.Oset. Institut Gumanitarnykh Issled. Publ, 1995. 304 p.
7. Zaitseva T. B. *Khudozhestvennaya Antropologiya A. P. Chekhova: Ekzistentsialnyi Aspekt (Chekhov i Kirkegor)* [Artistic Anthropology of Anton Chekhov (the Existential Aspect (Chekhov and Kierkegaard))]. Magnitogorsk, 2015. 390 p.

8. Kabaloti S. M. *Poetika Prozy Gaito Gazdanova 20–30-kh Godov* [Poetics of Prose Gaito Gazdanov 20-30-ies]. Saint-Petersburg: Peterburgskii Pisatel Publ., 1998. 334 p.
9. Karelina E. *K Probleme Literaturnykh Vzaimootnoshenii V. Nabokova i G. Gazdanova («Kamera obskura» i «Schaste»)* [To the Problem of Literary Relationships of V. Nabokov and G. Gazdanov (*Camera of Obscur and Happiness*)]. Russkaya Literatura Publ., 2014, no 4, pp. 235–246.
10. Kibalnik S. A. *Gaito Gazdanov i Ekzistentsialnaya Traditsiya v Russkoi Literature* [Gaito Gazdanov and the Existential Tradition in Russian Literature]. Saint-Petersburg: Petropolis Publ, 2011. 412 p.
11. Kibalnik S. A. *Mezhdunarodnaya Nauchnaya Konferentsiya «Problemy Izucheniya Tvorchestva Gaito Gazdanova» (k 110-Letiyu so Dnya Rozhdeniya Pisatelya)* [International Scientific Conference Problems of Studying the Work of Gaito Gazdanov (on the Occasion of the 110th Anniversary of the Birth of the Writer)]. Russkaya Literatura Publ., 2014, no 3, pp. 259–261.
12. Kolomin D. E. *Funktsii Zhenskikh Obrazov v Otrazhenii Avtorskoi Kontseptsii Tvorchestva Gaito Gazdanova* [Functions of Female Images in the Reflection of the Author's Concept of Creativity Gaito Gazdanov]. Nizhnii Novgorod, 2012. 28 p.
13. Komarova L. A. *Antropotsentrizm Khudozhestvennogo Teksta* [Anthropocentrism of the Literary Text]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2008, no 8 (64), pp. 99–103.
14. Kuznetsova E. V. *Obraz Avtora, Geri-Rasskazchik i Povestvovatel v Romanakh Gaito Gazdanova* [The Image of the Author, the Hero-Narrator and Narrator in the Novels of Gaito Gazdanov]. *Izvestiya Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A. I. Gertsena*, 2009, no 115, pp. 184–190.
15. Orlova O. *Literaturnyi Prizrak Gaito Gazdanova: Istoriya Sozdaniya Obraza (Obzor i Publikatsiya Materialov Arkhiva Gazdanova v Khotonskoi Biblioteke Garvardskogo Universiteta)* [The Literary Ghost of Gaito Gazdanov: the History of the Creation of the Image (Review and Publication of the Materials of the Gazdanov Archive in the Harvard University Library)]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i*

Zarubezhnaya Literatura. Ser. 7. Literaturovedenie: Referativnyi Zhurnal. Moscow: INION RAN Publ., 1999, no. 3, pp. 165–193.

16. Proskurina E. N. *Avtor, Geroi, Narrativ v «Russkikh» Romanakh G. Gazdanova* [Author, Hero, Narrative in "Russian" Novels By G. Gazdanov]. *Kritika i Semiotika*, 2007, no. 11, pp. 204–220.
17. Proskurina E. N. *Edinstvo Inoskazaniya: o Narrativnoi Poetike Romanov Gaito Gazdanova* [Unity of Allegory (About Narrative Poetics of Gaito Gazdanov's Novels)]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2009, 387 p.
18. Proskurina E. N. *Khudozhestvennaya Filosofiya Smerti v Novellistike G. Gazdanova* [The Artistic Philosophy of Death in Novellistics G. Gazdanov]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2016, no 2, pp. 72–82.
19. Saveleva V. V. *Khudozhestvennaya Antropologiya: Monografiya* [Artistic Anthropology: Monograph]. Almaty: AGU im. Abaya Publ., 1999. 281 p.
20. Syrovatko L. V. *Gazdanov-Romanist* [Gazdanov - The Author Of Novel]. Moscow, 1996, Vol. 1, pp. 657–668.
21. Totrov R. *Mezhdru Nishchetoj i Solntsem* [Between Poverty and the Sun]. Vladikavkaz: Ir Publ., 1990, pp. 523–542.
22. Cherednichenko I. P. *Ekzistentsialnyi Opyt Realnogo Sushchestvovaniya* [Existential Experience of Real Existence]. *Gumanitarnye i Sotsialno-Ekonomicheskie Nauki*, 2010, no 4, pp. 140–151.
23. Pushkarevskaya Naughton Yu. “Diaphanous irony”: Ironic Masquerade and Breakdown in Vladimir Nabokov’s *The Real Life Of Sebastian Knight* and Gaito Gazdanov’s *Night Roads*. *Comparative Literature Studies*, 2014, Vol. 51, pp. 466–490.
24. Rubins M. *Anthologizing the Jazz Age: Gaito Gazdanov's The Spectre of Alexander Wolf*. Russian Montparnasse. Transnational Writing in Interwar Paris. London: Palgrave Macmillan Publ., 2015, pp.145–161.

THE ART ANTHROPOLOGY OF GAYTO GAZDANOV

M. A. Shalina, V. V. Goryunov

The paper attempts at the analysis of the artistic anthropology of Gaito Gazdanov and identifying the most significant ideas and motives in the writer's work as far as at discovering, on their basis, the types of characters that make up the core of Gazdanov's concept of man. The key aspects of the writer's creative work have been revealed: the irrefutable truth about the inevitability of death and inextricably linked with it the "idea of immobility", the continuation of which becomes the type of "immobile person". The antithesis of death and immobility in the space of Gazdanov's works is life and movement, respectively. In this regard, the characters realizing the idea of "soul movement" have been considered. They are represented in five types: "ghost", "stoic", "hedonist", "philosopher" and "day-dreamer", each of which is accompanied by its own motive complex. In addition to the artistic purpose, the selected types of characters perform a philosophical function in Gazdanov's creative universe: they are a statement of the problem and the author's answer to existential questions. Thus, for example, through the type of ghost writer raises the question of self-assertion of the personality, the answer to which is the type of stoic. The question of the relationship between the sensory and rational principles in the process of searching for the meaning of life is depicted in the types of the hedonist and philosopher. Finally, the problem of structuring and ordering chaotic being rises in the type of day-dreamer. It should be noted that the types of characters in the artistic system of Gazdanov do not have the properties of a constant: heroes overcome their character, feeling the regenerating power of the newly acquired meaning of life.

Key words: Gazdanov, artistic anthropology, concept of man, existentialism, death, movement, immobility.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.111'367.627+811.512.164'367.627

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ «ОДИН» В АНГЛИЙСКОМ И ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНО- ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Зайцева И. П., Дубинкина А. О.

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Республика Беларусь, г. Витебск
E-mail: dubinkin_88@mail.ru; kafedraafvsu@gmail.com

В статье анализируются паремии разноструктурных языков – английского и туркменского, –имеющие в своём составе сходный компонент – имя числительное «один» (англ. one и туркм. бир). Корпус исследуемых английских паремий с компонентом «one» составил 55 единиц; туркменских (с компонентом «бир») – 41 единицу. Комплексный сопоставительный анализ отобранных для исследования паремий был проведён в структурном, семантическом и лингвокультурологическом аспектах, что позволило установить как сходные, так и отличительные их характеристики. Наши наблюдения свидетельствуют, что наибольшее сходство данные паремии обнаруживают в структуре; в семантике и содержащейся в паремиях лингвокультурной информации это сходство присутствует в меньшей степени. Национально-культурная специфика проанализированных паремий состоит в том, что при определённом сходстве (интернационализме) восприятия и мировидения у представителей отдельных лингвокультур разные, тем более – неродственные, языки акцентируют внимание на различных аспектах сходных фактов и процессов человеческой жизни. Так, в частности, сходный обобщающий смысл паремий в сопоставляемых языках передаётся с использованием различной лексики, часто передающей своеобразие жизненных условий носителей определённой лингвокультуры (например, фауны, существующей на той или иной территории). К примеру, в английских паремиях в качестве символов разных времён года фигурируют образы птиц: ласточка как символ наступления весны, вальдшнеп – зимы; в туркменской же паремии о весне с аналогичным значением в качестве символа этого времени года выступает образ гуся.

Ключевые слова: имя числительное, паремия, структурно-семантический аспект, лингвокультурологический аспект, сопоставительный анализ, национальное своеобразие.

ВВЕДЕНИЕ

Имя числительное – часть речи, входящая в морфологические системы подавляющего числа языков, представляет собой «класс полнозначных слов,

обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счёте, кратности (повторяемости), совокупности. В соответствии с этими значениями выделяются различные виды числительных: количественные, порядковые, кратностные, собирательные (совокупностные), разделительные, а также неопределённо-количественные, дробные» [8, с. 582].

Если в лексическом плане ряд числительных может рассматриваться как **универсалия** (хотя выделение видов числительных и специфика значения стержневого ряда отличаются в разных языках), то как носители грамматических свойств числительные в различных языках не одинаковы, причём не совпадают грамматические признаки числительных *разных* разрядов. В одних языках числительные обладают специфическим набором грамматических свойств, позволяющим вычленять их как особую часть речи – например, в русском языке в особые группы в рамках одной части речи, имени числительного, объединяются количественные и собирательные числительные; в иных же языках, в зависимости от грамматических свойств, числительные распределяются по другим частям речи: существительным, прилагательным, местоимениям, наречиям.

В коммуникативно-речевых произведениях – текстах – имена числительные, как правило, не очень многочисленны по сведениям, содержащимся в одном из авторитетных источников [8, с. 583]: они составляют около 1 % слов. Указанная величина обусловлена преимущественно стилистическим характером текста – например, в текстах научных или официально-деловых это число значительно больше, чем в текстах художественных. Однако следует учитывать, что, поскольку число исходных числительных ограничено, на каждое основное числительное приходится значительная частота, а потому числительные «один», «два», «пять», «десять» относятся к наиболее употребительным словам в языке. Употребительность числительных способствует их сохранению в системе данного языка, хотя названия крупных чисел нередко заимствуются (ср. рус. *миллион, сорок*); иногда происходит и полное заимствование всей системы числительных – как, например, из *русского* языка в *ительменский*.

В русле современных тенденций изучения языка как элемента культуры представляется интересным проанализировать имена числительные в лингвокультурологическом аспекте, в частности – в составе устойчивых выражений, которые сформировались в процессе длительного функционирования языков и зафиксировали в себе их национально-культурную специфику.

Лингвокультурология – одно из междисциплинарных направлений, сформировавшихся в конце XX – начале XXI веков. Как утверждает В. А. Маслова, «предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение, зафиксированные в мифах, легендах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках (поговорках) и т. д.» [4, с. 35]. Исходя из приведённого тезиса, логично предположить, что анализ устойчивых выражений как выразительных и национально специфичных частей языковой картины мира, воплощающих прежде всего народную культуру, позволит установить некоторые сходные и/или отличные особенности в английской и туркменской лингвокультурах и, соответственно, в характере ментальности английского и туркменского народа. Представляется, что в данном случае целесообразно обратить внимание не только на обиходную лексику (по определению наиболее национально-специфичную группу лексических единиц), но и на числительные, семантические свойства и история формирования которых в разных лингвокультурах также отличается национально-культурной специфичностью.

Целью данной работы является комплексный сопоставительный анализ одной из групп устойчивых выражений (паремий) с компонентом – числительным «один» в английском и туркменском языках. Практическую значимость данного исследования мы видим в том, что полученные результаты могут быть использованы на занятиях по английскому языку лингвострановедческой тематики в туркменской аудитории.

Материалом исследования послужила картотека английских и туркменских пословиц с числительными, сформированная методом сплошной выборки устойчивых выражений из одноязычных (энциклопедических и толковых), и двуязычных (переводных) английских и туркменских словарей [1; 6; 9].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Как известно, группу паремий в том или ином языке образуют преимущественно *пословицы* и *поговорки*. В одном из последних изданий толкового словаря С. И. Ожегова (под редакцией Л. И. Скворцова) даются следующие дефиниции интересующих нас понятий: *пословица* – «краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм», *поговорка* – это «краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [7]. Примечательно, что в фольклористике поговорку понимают как образный оборот, не составляющий цельного предложения, например «ни к селу ни к городу», «бить баклуши», «как снег на голову», «выводить на чистую воду» и т. п., однако очевидно, что при подобном подходе поговорка по существу отождествляется с фразеологизмом.

Пословица представляет собой «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного). Пословица выражает суждение [исключение составляют пословицы, имеющие побудительный смысл (ср. «Готовь сани летом, а телегу зимой»), которые, строго говоря, суждениями не являются]» [2, с. 568]. Пословица обладает буквальным и переносным смыслом («Близок локоть, да не укусишь») или только переносным («Горбатого могила исправит») и легко противопоставляется свободному предложению такого же лексического состава.

Обобщающему характеру поговорок способствуют типы их синтаксического построения – так, например, в русском языке многие из них по структуре представляют собой обобщённо-личными или инфинитивными предложениями («Горя бояться – счастья не видать», «Ешь с голоду, а люби смолоду»), безличными предложениями со словом «нет» в качестве сказуемого («Нет худа без добра»). Глагольное сказуемое, характеризуя постоянные свойства носителя признака, преимущественно употребляется в форме настоящего времени со значением обычности или вневременности действия («Соловья баснями не кормят»).

В данном исследовании мы опираемся преимущественно на определения паремий, сформулированные В. П. Жуковым, которые представляются нам наиболее отвечающими поставленным задачам: поговорка интерпретируется этим учёным как «краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение: «В тесноте, да не в обиде», «Коса – девичья краса» и т. п.» [1, с. 530].

Корпус паремий с компонентом «one» составил **96** английских пословиц и поговорок, при этом необходимо принимать во внимание, что данный компонент может иметь в английском языке различную частеречную принадлежность, а именно, может быть употреблён в качестве числительного и местоимения (А. J. Thomson, А. V. Martinet, К. Н. Качалова, Е. Е. Израилевич). Паремии с числительным «one» составляют основной объект нашего исследования; таких единиц языка насчитывается **55**.

Собственно числовое значение номинации «one» определяется следующим образом: «**one**/wʌn/ *n, pron, det* **1** the number **1**. **2** (used rather than *a* before *hundred, thousand, dozen, etc.* or before a unit of weight or measurement when one wishes to be formal or exact or to emphasize a number or amount): *The fee will be one hundred and fifty pounds. The distance between them was over one thousand metres.* **3** (used for emphasis) a single; just one: *There's only one piece of cake left. I found eight people living in one room.* **4** an individual in a group or set: *One of my friends lives in Brighton...*» [10, p. 808].

Проанализированный материал позволяет объединить паремии с числительным «one» в несколько групп, отличающихся *структурными, семантическими* и некоторыми другими особенностями. Это даёт основание утверждать, что исследуемые паремии сформированы по довольно устойчивым моделям, способствующим выявлению содержащегося в этих единицах смысла.

Так, в частности, установлено, что собственно числовое значение номинации «one» актуализируется при *контекстуальной «поддержке»* его другими числительными : *two* (два), *ten* (десять), *hundred* (сто); данные паремии составляют одну из наиболее многочисленных групп, в которой можно выделить три подгруппы

в зависимости от того, с каким именно из трёх указанных числительных соотнесено «one».

Самую обширную подгруппу образуют поговорки, где в составе синтаксических конструкций наряду с числительным «one» употреблено числительное «two», чем подчеркивается свойственная высказыванию семантика противопоставления: *Better one word in time than two afterwards* (Лучше одно слово вовремя, чем два позже); *One day of pleasure is worth two of sorrow* (Один день удовольствия стоит двух дней печали); *One foot is better than two crutches* (Одна нога лучше двух костылей); *One hour in the morning is worth two in the evening* (Один час утром стоит двух вечером); *One hour's sleep before midnight is worth two after* (Один час сна до полуночи стоит двух после); *One today (hour) is worth two tomorrow* (Один день (час) стоит двух завтра); *One volunteer is worth two pressed men* (Один доброволец стоит двух людей, на которых оказали давление); *To kill two birds with one stone* (Убить двух птиц одним камнем) и др. [3; 5 (перевод по указанным лексикографическим и справочным источникам)].

Примечательно, что сопоставление числительных «one» и «two» в данных поговорках может быть организовано в самом устойчивом выражении по-разному. Наиболее распространённым способом является, по нашим наблюдениям, сопоставление при помощи имени прилагательного «worth», имеющего в английском языке несколько значений: *One day of pleasure is worth two of sorrow* (Один день удовольствия стоит двух дней печали. – Здесь и далее перевод поговорки даётся по источникам [3, 5]) и др. («worth /wɜːθ/ adj [pred] (used like a prep) 1 be ~sth having a particular value: *Our house is worth about \$60 000. I paid only \$3 000 for this painting, but it's worth a lot more.* 2 (of a person) having money and possessions of a particular value: *He's worth about \$10 million.* 3 ~sth / doing sth likely to bring enjoyment, benefit, profit, etc: *It's not worth the effort/the trouble.* The scheme is worth a try... **IDM a bird in the hand is worth two in the bush**» [10, p. 1379].).

Мы считаем важным подчеркнуть тот факт, что значение, в котором прилагательное «worth» использовано в приведенных английских поговорках, не является ведущим для семантической структуры данной номинации – в толковом

словаре оно приведено как третье из возможных. Во всех выявленных паремиях прилагательное «worth» использовано в функции именной части составного именного сказуемого, что позволяет сделать вывод об устойчивости этой модели: *One volunteer is worth two pressed men.*

Помимо указанного способа, значение числительного «one» может актуализироваться при помощи введения в паремийную конструкцию формы сравнительной степени имени прилагательного *good – better* либо других его контекстуальных связей (в частности, в сочетании со словом *foot*): *One foot is better than two crutches* (Одна нога лучше двух костылей) и др. («**better**¹ /'betə(r)/ *adj* (comparative of GOOD 1 (a) more excellent or desirable: a better worker/job/ car 'He was in a much/far better mood than usual. (b) more skilled: She's better at science than me. (c) more suitable; clearer: Having talked to everyone involved I now have a better idea (of) what happened...» [10, p. 102].).

Из трёх паремий, включающих компонент «better», 2 построены по аналогичной схеме, где данный компонент является частью составного именного сказуемого (*Two heads are better than one* и др.); в одной из паремий «better» употреблено в функции второстепенного члена предложения (обстоятельства): *Better one word in time than two afterword.* В остальных пяти паремиях сопоставление «one» и «two» выражено иными синтаксическими способами (в частности, вхождением обоих числительных в одно развернутое словосочетание): *To kill two birds with one stone. Two dogs over one bone seldom agree* и т. д.

Вторая подгруппа паремий, где числительное «one» сопоставлено с «ten», менее многочисленна – она включает всего 3 единицы: *One eye of the master sees more than ten of the servants* (Один глаз хозяина видит лучше десяти глаз слуг); *One eyewitness is better than ten ear witness* (Один свидетель, который видел, лучше десяти, которые слышали); *One man can't do the work of ten* (Один человек не может сделать работу десяти).

Особенностью данной подгруппы можно считать то, что в двух из трёх паремий акцент сделан на зрительном восприятии событий (*eye, eyewitness*): «**eyewitness**

/ˈaɪwɪtnəs/ n a person who has personally seen sth happen and give evidence about it: *an eyewitness account of a crime*» [10, p. 412].

Третья подгруппа, в которую входят 2 паремии с компонентом «hundred», подтверждает устойчивость паремийной модели с формой сравнительной степени прилагательного *good* – «better»: *One good head is better than a hundred strong hands* (Одна хорошая голова лучше сотни сильных рук).

Таким образом, одну из наиболее многочисленных групп анализируемых паремий составляют паремии с компонентом «one», значение которых актуализировано сопоставлением с другими именами числительными (*two, ten, hundred*). Наши наблюдения позволяют утверждать, что для выражения заключённого в этих единицах языка смысла использованы преимущественно типичные синтаксические конструкции, способствующие акценту именно на сопоставление (противопоставление) единичного предмета, явления, качества и т. д. большему числу аналогичных либо отличающихся от обозначенного числительным «one» феномена.

Вторую многочисленную группу, в которой можно выделить две подгруппы, составляют паремии с отрицательными компонентами «not», «no». К вариантам выражения отрицания в исследуемых паремиях относятся следующие. Первую подгруппу составляют паремии с использованием отрицательного наречия *not*, употребляющегося для выражения отрицания в сочетании со вспомогательными или модальными глаголами, образуя при этом чаще всего простое глагольное сказуемое: *An oak is not felled at one stroke* (Дуб не повалит одним ударом).и др. («not /nɒt/ adv **1 (a)** (used with auxiliary and modal *vs* to form the negative; often contracted to – n't/nt/ in speech and informal writing): *She did not see him.* **(b)** (used with non-finite *vs* to form the negative): *He warned me not to be late...*» [11, p. 789].). Корпус паремий с данной особенностью составляет 13 единиц: *All bread is not baked in one oven* (Весь хлеб не пекут в одной печи); *An oak is not felled at one stroke* (Дуба не валят одним ударом); *Don't put all your eggs in one basket* (Не кладите все яйца в одну корзину); *Friendship cannot stand always on one side* (Дружба не может стоять всегда на одной стороне);

Honor and profit lie not in one sack (Честь и прибыль лежат не в одном мешке); One flower does not make a garden (Один цветок не делает сад) и др.

Во вторую, меньшую по объёму, подгруппу входят выражения (5 паремий) с использованием отрицательного местоимения «но» и неопределённого местоимения «none». Отнесенность номинации «но» к отрицательным местоимениям, а также отнесенность номинации «none» к неопределённым местоимениям – точка зрения ряда специалистов по английской грамматике, таких как Дроздова Т. Ю., Качалова К. Н., Израилевич Е. Е., Thomson A. J. [10]: *One body is no body (Одно тело – никто); One is no number (Один – не число); One man, no man (Один человек – никто); One of these days is none of these days (Один из этих дней – никакой из этих дней); The voice of one man is the voice of none (Голос одного человека – это голос никого)* и др. («**no** /nəʊ/ *neg pron* 1 (used with countable *ns* in the singular or plural, or with uncountable nouns) not any; not one; not a: *No words can express my grief*; **none** /nʌn/ *indef pron* 1~ (**of sb/sth**) (used to refer to a plural *n* or *pron*) not one; not any: *None of them has/have replied yet.*») [10, p. 785, 787].

Примечательно, что в первой подгруппе семантика, противопоставленная значению числительного «one», выражена словосочетанием «*all bread*». Местоимение «*all*», как известно, в сочетании с исчисляемыми существительными во множественном числе имеет значение *все* и значения *весь, вся, всё* при сочетании с неисчисляемыми существительными, употребляющимися только в форме единственного числа, а также в сочетании с другими местоимениями: *All bread is not baked in one oven (Весь хлеб не выпечешь в одной печи)*. («**all**² /ɔ:l/ *indef pron* 1 the whole number or amount (**a**) ~ (**of it/them/us/you**) (referring back to sth mentioned previously): *We had several bottles of beer left – all (of them) have disappeared...*» [10, p. 29]).

В эту же подгруппу целесообразно включить паремии (4 единицы) с числительным «one» и прилагательным «whole»: *One drop of poison infects the whole tune of wine (Одна капля яда отравляет всю бочку вина)* и др. («**whole** /həʊl/ *adj* 1 [attrib] full; complete: *three whole days...*» [10, p. 1361]), потому что семантика неопределённого местоимения «all» и прилагательного «whole», на наш взгляд,

совпадает, обозначая достаточное количество каких-либо субъектов или объектов. За счёт объединения в одном высказывании компонентов сходной семантики значение полного количества становится более актуализированным, что в результате формирует и более отчётливое противопоставление единичности и множественности (выражаемое в различных семантико-синтаксических формах).

Проанализировав типичные синтаксические конструкции, являющиеся основными моделями высказываний для исследуемых паремий, мы можем утверждать, что акцент в этих устойчивых выражениях ставится именно на сопоставлении (противопоставлении) *одного* предмета, явления, качества и т. д. *всем* аналогичным либо чем-то от него отличающихся.

Несколько выявленных паремий могут быть отнесены (из-за их нетипичности) к частным случаям употребления числительного «one» в составе устойчивых выражений – это паремии с компонентами «more», «many», «enough» (всего 7 единиц): *One eye of the master sees more than ten of the servants* (Один глаз хозяина видит больше десяти слуг); *There are more ways to the wood than one* (Есть больше путей к лесу, чем один); *There is more than one way to kill a cat* (Есть больше одного способа убить кошку); *Of one ill come many* (От одной болезни приходит много); *One fool makes many* (Один глупец делает глупцами многих); *One luck is enough for a day* (Одной удачи достаточно на день); *One master in a house is enough* (Одного хозяина в доме достаточно) [3]. В перечисленных единицах языка сопоставительная семантика высказываний сохраняется в основном, благодаря контекстуальной «поддержке» местоимением «more» (больше): «**more** /mɔ:(r)/ *indef pron ~ (sth) (than...)* a greater or additional number or amount: *She earns a lot more than I do...*» [10, p. 755]; местоимением «many» (много): «**many** /'meni/ *indef pron* (used with plural ns and verbs) **1** a large number of people or things: *There are too many mistakes in this essay...*» [10, p. 715]; а также наречием «enough» (достаточно): «**enough**² /i'nʌf/ *adv* (used after *vs*, *adjs* and *advs*) **1** ~ **(for sb/sth) (to do sth)** to a necessary, desirable or acceptable extent: *You're not improving because you don't practice enough...*» [10, p. 384].

Что же касается сходных по компонентному составу туркменских пословиц и поговорок, то корпус паремий с компонентом «бир» (один) составил 41 единицу

языка. Собственно числовое значение номинации «бир» определяется следующим образом: «**бир 1.** один, одна, одно; ~ден~и один из двух, один из них; не тот, так другой; кто-нибудь из них...; ~и~инден друг друга, друг у друга, один другого; а) один раз; однократно; б) однажды...» [9, с. 99]. Паремий туркменского языка, имеющих в своем составе компонент «бир», выявлено **29** (заметим, что некоторые сложности при выполнении исследования возникли в связи с существованием в XX-м веке в туркменском языке **двух** алфавитов: *кириллицы* и *латиницы*. При цитировании в нашей работе сохранено соответствие выбранного материала его представленности в цитируемом источнике).

Этот материал (туркменские паремии) может быть, на наш взгляд, структурирован с использованием принципов, аналогичных тем, которые применялись при классификации английских паремий. Один из принципов связан с *контекстуальной «поддержкой»* числительного «бир» (один) другими числительными: ики (два), еди (семь), мўң (тысяча). Данные паремии составляют одну из наиболее многочисленных групп, в которой, в зависимости от того, с каким именно из трёх указанных числительных соотнесено «бир», можно выделить три подгруппы.

Самую обширную подгруппу формируют паремии, в которых числительное «бир» использовано в сочетании с «ики», – **10** паремий: *Бир гөрен – таныш, ики гөрен – гарындаш* (Раз встретился – знакомый, два раза встретился – родня) – здесь и далее перевод приводится по источнику, из которого взята паремия [9]; *Бир ок билен ики ав* (Одной пулей двоих убить); *Бир шая ит гыркып, ики шая элини ювдурар* (За одну копейку собак стрижет, а две за мутьё рук отдаёт); *Бир элде ики гарпыз тутдурмаз* (Одной рукой два арбуза не схватишь (соотв. За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь); *Ики адам бир адамың худаиы* (Два человека – бог для одного, т. е. двое сильнее одного, могут подчинить его себе); *Ики гөч – бир талаң* (Две перекочёвки – один грабёж, т. е. Переселишься несколько раз – разоришься); *Ики гочуң келлеси бир газанда гайнамаз* (Головы двух туров в одном казане не варятся; соотв. Два медведя в одной берлоге не улягутся); *Ики пычак бир гына сызмаз* (В одни ножны два ножа не поместятся; соотв. Два медведя в одной

берлоге не уживутся); Сув мейилли гурбага, бир дуртсең ики бөкер (Лягушку, которой самой не терпится броситься в воду, только один раз тронь – дважды плюхнется); Чага чалтың бир элини баглар, чаманың ики элини (Проворной женщине ребёнок одну руку свяжет, ленивой – обе).

Приведённый перечень позволяет сделать вывод о структурном сходстве паремий с компонентом «one-two» и «бир-и́ки» в двух языках: в обоих случаях паремии построены на *противопоставлении* (реже – *сопоставлении*), выраженном чаще всего внутренней антитезой.

Вторая подгруппа паремий, где числительное «бир» в контексте актуализировано с помощью числительного «мүң», менее многочисленна – она включает четыре единицы: *Гарга мүң гагырса-да яз чыкмаз, газ бир гагырса – яз (Ворон хоть тысячу раз крикни – весны нет, гусю раз крикнуть – сразу весна); Дәлиниң мүң сөзи телек, бир сөзи герек (У сумасшедшего из тысячи слов одно верное; соотв. Временами и дурак правильно говорит); Мүң ши́чиден – бир баи́чы (Один руководитель дорожке тысячи исполнителей); Ягышы ата бир гамчы, яман ата мүң гамчы (Хорошей лошади довольно одного удара, а плохой и тысячи мало).*

Особенностью данной подгруппы можно считать то, что акцент сделан на противопоставлении единичного образа, качества, явления тысяче аналогичных, причём очевидно в пользу первого.

Третью подгруппу образуют всего **2** паремии с числительными «бир» (один) и «еди» (семь): *Еди өлче, бир кес. Семь раз примерь, один раз отрежь. Единиң бири есер. Из семерых один всегда хитёр.* Числительное «еди», как известно, активно используется в языках и, соответственно, в культурах многих народов, о чём свидетельствуют устойчивые образы, в том числе и закрепившиеся в языке – ср. выражения: *семь чудес света, семь нот, семь континентов на земле, семь цветов радуги, семь дней творения Вселенной, семь дней недели* и многие другие. Как видим, туркменский язык в данном случае не является исключением: туркменское числительное «еди» играет в картине мира важную роль.

Таким образом, английские паремии с компонентом «one» и туркменские паремии с аналогичным компонентом («бир»), значение которых актуализировано

сопоставлением с другими именами числительными, в частности «two» и «ики», свидетельствуют об общности осмысления мира этими языками – в обоих из них паремии, образующие эти группы, являются наиболее многочисленными и, как мы могли убедиться, обнаруживают значительное структурное и отчасти семантическое сходство.

Авторы многих источников (словарей, справочников и пособий), составивших материал нашего исследования, С. Ф. Кусковская, Ю. В. Мюррей и др., дают соответствия из языка, на который переводятся паремии, что в принципе подтверждает сходство смысла, передаваемого паремиями в разных языках. Например, *Don't put all your eggs in one basket* – *Не клади все яйца в одну корзину*. (соотв. *Не ставь всё на одну карту; На один гвоздь всего не вешают*) [3]. *One fool makes many* – *Один дурак создаёт много*. (соотв. *Один дурак многих дураками делает. Безумный и разумных ума лишает*). Соответствия наблюдаются и в туркменско-русском словаре [9]: *Ики пычак бир гына сыгмаз* – *В одни ножны два ножа не поместятся*. (соотв. *Два медведя в одной берлоге не уживутся*.)

Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что одно и то же значение паремий в разных языках передается с использованием различной лексики: предпочтение при толковании, переложении на другой язык осуществляется при помощи лексики, характерной именно для той культуры, которая пытается «понять» выражение чужого языка. Ср., например: *Гарга муң гагырса-да яз чыкмаз, газ бир гагырса* – *яз. Ворон хоть тысячу раз крикни – весны нет, гусю раз крикнуть – сразу весна. One swallow does not make a summer. Одна ласточка не делает лета. One woodcock doesn't make a winter. Один вальдишнеп не делает зимы*. Так, например, приведенные примеры свидетельствуют, что для обозначения смены сезона в туркменском языке в одной из паремий использованы существительные *ворона* и *гусь*, в то время как в английской паремии со сходным значением использованы номинации этой же тематической группы (названия птиц), но совершенно других: *ласточка* – *вальдишнеп*. Несмотря на различную синтаксическую организацию, они могут быть объединены в одну подгруппу на основе использования во всех выражениях тематически единой лексики.

Учитывая обобщающий характер паремий в принципе, можно предположить, что данные названия в той или иной степени являются символами времен года, причём в разных языках различными, что передаёт и своеобразие фауны, существующей на разных территориях, в разных языках и, соответственно, в разных лингвокультурах. Так, символом зимы в английской лингвокультуре является *вальдшнеп*, весны – *ласточка*; в туркменской лингвокультуре символом весны является *гусь*. По данным одного из сайтов, *birds-online*, среди самых характерных пернатых обитателей Туркменистана следует назвать саксаульную сойку, саксаульного воробья, белолобого гуся, хохлатого жаворонка, пустынную славку, авдотку южную, пустынного сыча. При этом ласточки и вальдшнепы встречаются очень редко [7].

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует, что как в английских, так и в туркменских паремиях компонент «one»/«бир» является наиболее частотным из функционирующих компонентов-числительных. Вторую по частотности группу аналогичных паремий в обоих языках образуют выражения с числительным «two»/«ики». Эти сведения, как представляется, свидетельствуют об определенной общности осмысления мира этими языками – в обоих из них паремии, составляющие указанные группы, обнаруживают довольно явное структурное (прежде всего) и отчасти семантическое сходство. При этом способы лексического оформления проанализированных паремий, как правило, отличаются, поскольку язык в данном случае отдает предпочтение единицам с явным этнолингвистическим компонентом.

Наши наблюдения подтверждают, таким образом, положение о том, что паремии являются довольно яркими выразителями народной идеологии, которая развивается под влиянием множества факторов. Национально-культурная специфика данных устойчивых единиц языка проявляется в том, что при определённом сходстве (интернационализме) восприятие и мировидение у представителей разных

лингвокультур (неродственных языков) в большей степени акцентируют внимание на различных аспектах сходных фактов и процессов человеческой жизни.

Список литературы

1. Жуков, В. П. Поговорка / В. П. Жуков // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. – С. 504.
2. Жуков, В. П. Пословица / В. П. Жуков // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. – С. 518.
3. Кусковская, С. Ф. Русские пословицы и поговорки с соответствиями в английском языке: 2-е изд. перераб. / С. Ф. Кусковская. – Мн.: УП «Космос», 2006. – 263 с.: ил.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. / В. А. Маслова. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://helpforlinguist.narod.ru/200110N0057/MaslovaVA.html>. – Дата доступа: 02.09.2018.
5. Мюррей, Ю. В. Большая книга русских пословиц и поговорок и их английских аналогов = The Big Book of Russian Proverbs and Sayings with Their English Equivalent / Ю. В. Мюррей. – М. – АСТ; СПб.: Сова, 2008. – 252 с.
6. Скворцов, Л. И. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова / под ред. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., исправлен. – М.: ОНИКС Мир и образование, 2013. – 736 с.
7. Список видов птиц Туркменистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.birdsonline.ru/wiki/index.php/ChecklistTurkmenistan.html>. – Дата доступа: 05.09.2018.
8. Супрун, А. Е. Числительное / А. Е. Супрун // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. – С. 582-583.

9. Туркменско-русский словарь : [около 40000 слов] / [под общ.ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева]. – М.: Сов.энциклопедия, (академия наук Туркменской ССР, Институт языка и литературы им. Махтумкулы), 1968. – 832 с.
10. Thomson, A. J., Martinet, A. V. A Practical English Grammar: 4 edition / A. J. Thomson, A. V. Martinet. – Oxford University Press, 2000. – 181 p.

References

1. Zhukov V. P. Pogovorka. Yazykoznanie. Bol'shoi Entsiklopedicheskii Slovar'. M.: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 1988. 504 p.
2. Zhukov V. P. Poslovitsa Yazykoznanie. Bol'shoi Entsiklopedicheskii Slovar'. M.: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 1988. 518 p.
3. Kuskovskaya S. F. Russkie Poslovicy i Pogovorki s Sootvetstviyami v Angliiskom Yazyke [Russian Proverbs and Sayings with Equivalents in English Language]. Minsk: Kosmos Publ. 2006. 263 p.
4. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya. M.: Akademiya Publ., 2001. 208 p. Available at: <http://helpforlinguist.narod.ru/200110N0057/MaslovaVA.html>. (accessed 2 September 2018).
5. Murrei Yu. V. Bol'shaya Kniga Russkikh Poslovits i Pogovorok i ikh Angliiskikh Analogov [The Big Book of Russian Proverbs and Sayings with Their English Equivalents]. M.-SPb.: Sova Publ., 2008. 252 p.
6. Skvortsov L. I. Tolkovyj Slovar' Russkogo Yazyka S. I. Ozhegova. M.: ONIKS Mir i Obrazovanie Publ., 2013. 736 p.
7. Spisok Vidov Ptits Turkmenistana Available at: <http://www.birdsonline.ru/wiki/index.php/ChecklistTurkmenistan.html>. (accessed 5 September 2018).
8. Suprun A. E. Chislitel'noe. Yazykoznanie. Bol'shoi Entsiklopedicheskii Slovar'. M.: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 1988. Pp. 582-583.
9. Turkmensko-Russkii Slovar'. M.: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1968. 832 p.

10. Thomson, A. J., Martinet, A. V. A Practical English Grammar: 4 edition /
A. J. Thomson, A. V. Martinet. – Oxford University Press, 2000. 181 p.

**SET EXPRESSIONS WITH THE NUMERAL “ONE” IN THE ENGLISH AND
TURKMEN LANGUAGES (COMPARATIVE-LINGUISTIC AND CULTURAL
ASPECT)**

Zaitseva I. P., Dubinkina A. O.

The article analyzes the paroemias of multi-structural languages – English and Turkmen, – having in their composition a similar component – the name of the numeral "one " (Eng. one and Turkm. bir). The body of the studied English paroemias with the component "one" was 55 units; Turkmen (with the component "bir") – 41 units. The complex comparative analysis of the paroemias chosen for the study was carried out in structural, semantic and linguocultural aspects, which allowed establishing both similar and distinctive characteristics. Our observations show that the greatest similarity of paremia data is found in the structure; in semantics and in the paremia of linguocultural information this similarity is presented in a less degree.

The national-cultural specificity of the analyzed paremies consists in the fact that at a certain similarity (internationalism) of perception and worldview among the representatives of individual linguocultures are different, especially – unrelated, languages focus on various aspects of similar facts and processes of human life. Thus, in particular, a similar generalized meaning of paroemias in the compared languages is transmitted using different vocabulary, which often conveys the uniqueness of the living conditions of the carriers of a certain linguoculture (for example, fauna existing in a particular territory). For example, in English proverbs the images of birds are the symbols of different seasons: the swallow as the symbol of arrival of spring, the woodcock – winter; in Turkmen proverb the image of the goose is a symbol of spring.

Keywords: the numeral, paremia, structural-semantic aspect, linguistic and cultural aspects, comparative analysis, national originality.

УДК 81. 374. 3

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ XVIII В.: «АНАТОМИКО-
ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ» 1783 Г.**

Н. М. МАКСИМОВИЧА-АМБОДИКА

Касьяненко Н. Е.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Донецкая народная республика, г. Донецк
E-mail: *Kasyanenko_natusya@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению одного из первых лексикографических трудов XVIII века – «Анатомико-физиологическому словарю» 1783 г. Н. М. Максимовича-Амбодика, врача - ученого, переводчика, основателя научного акушерства, одного из создателей русской медицинской терминологии. В работе приводятся сведения из истории создания названного словаря, рассматриваются его источники, композиция, объем и состав; анализируются тип и построение словарной статьи. Особое внимание уделено лингвистическим особенностям лексикографического труда, его связи с процессами русского литературного языка второй половины XVIII века: освещается отражение в словаре вариантности терминов, определена типология вариантов, рассматриваются способы создания медицинской лексики. Изучение опыта прошлого дает понимание того, каковы пути решения многих проблем современной терминографии.

Ключевые слова: Н. М. Максимович-Амбодик, «Анатомико-физиологический словарь», XVIII век, лексикография, медицинская терминология, переводной словарь

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной истории особое место занимает XVIII век, характеризующийся бурным развитием наук, связанным с петровскими реформами. Это, по словам Ю. К. Якимович, был «век первых научных революций, век открытий в астрономии, математике, механике, химии» [16, с. 55]. Лексический состав русского литературного языка этого периода существенно пополнился, в том числе и новой терминологией, прежде всего из западноевропейских языков, а также за счет терминологического творчества русских ученых. Все сказанное обусловило интенсивное развитие словарного дела в России, имеющего длительную традицию. Оно представлено несколькими направлениями, одно из которых состоит в составлении дву- и многоязычных словарей, и в первую очередь специальных.

Особое место в истории русской терминографии занимает «Анатомико-физиологический словарь» Н.М. Максимовича-Амбодика, изданный в 1783 г. и,

несомненно, представляющий ценность как лексикографический памятник. Автор этого уникального словаря – выдающийся врач-ученый, просветитель, переводчик, первый русский профессор акушерства и его основоположник, известен также как лексикограф. Помимо ботанических словарей, ему принадлежат и медицинские, а сам Н. М. Максимович-Амбодик является одним из основоположников русской медицинской терминологии.

Обращение к словарю Н.М. Максимовича-Амбодика продиктовано тем, что данный лексикографический памятник в научно-исследовательской литературе не был предметом отдельного целостного рассмотрения. Ссылки на него имеют эпизодический характер, как, например у В.А. Козырева и В.Д. Черняк [6, с.18], В.В. Дубичинского [7, с. 27], а материалы словарного труда использовались фрагментарно в качестве иллюстративного материала, в частности в работах А.Е. Симоненко [14, с. 81, 84].

В связи со сказанным выше *целью данной работы* является описание названного памятника русской лексикографии, выявление его лексикографических и лингвистических особенностей.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Полное название словаря Н. М. Максимовича-Амбодика звучит так: «Анатомико-физиологический словарь, в коем все наименования частей человеческого тела, до Анатомии и Физиологии принадлежащая, из разных врачебных сочинений собранная, на Российском, Латинском и Французском языках ясно и кратко предлагаются, с кратким описанием сих наук» [9]. Он является первой частью труда, который был задуман Н. М. Максимовичем-Амбодиком как Врачебный словарь. Второй – «Медико-патологико-хирургический словарь» был издан в 1785 г. Третий «Естественно-химико-исторический словарь», как указывает В.П. Вомперский, в печати не появился [2, с. 69].

Рассматриваемый лексикографический труд был первым русским медицинским словарем, рассчитанным на учащихся русских медицинских школ, о чем ниже названия имеется соответствующий подзаголовок – «для пользы российского

юношества». Титульный лист словаря представлен на латинском языке и параллельно на русском. Издание значится в «Сводном каталоге гражданской печати XVIII в. [11, т.V, 4005]. «Анатомико-физиологический словарь» был издан в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса в 1783 г. Сохранились архивные данные о печатании там «по прошению Главной Кронштатской Госпитали Лекционного доктора Нестора Амбодика» двух книг – «Анатомико-физиологического словаря» и «Врачебного веществословия...» [10, с. 220]. В.Д. Руднев касается этого в диссертации, указывая на то, что это был частный заказ, и, предполагая, что издание книг в типографии Морского кадетского корпуса облегчалось благодаря личным связям автора с руководством корпуса и членами Адмиралтейской коллегии [10, с. 216].

Как представляется, не случайно первой частью задуманного Врачебного словаря стал именно «Анатомико-физиологический словарь». Еще в античный период анатомия и физиология рассматривались как основа научной диагностики, а трудами Галена и А. Везалия, а позднее Л. Гейстера, были заложены основы научной анатомии, терминология которой закономерно вошла в европейские словари, в том числе переводные. Затрагивая вопрос об источниках словаря Н.М. Максимовича-Амбодика, следует обратить внимание на то, они, по свидетельству самого автора, многообразны: это «из различных источников мною почерпнутыя славянския и российския слова, до разныхъ частей врачебныя науки относящиеся» [9, с. II]. Их составитель кропотливо собирал более десяти лет. При этом составитель отмечает, что он использовал различные печатные и рукописные, новые и старые, гражданские и церковные книги. Вообще необходимо напомнить, что формированию русской медицинской терминологии способствовала переводная медицинская литература. В этом смысле обильный материал для словаря давали собственные переводы Амбодика. Например, В. П. Вомперский в аннотированном указателе лексикографических трудов XVIII века упоминает о книге И.–Ф. Шрейбера «Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних с прибавлением главных немощей женского пола и малолетних детей» (1781 г.) и приводит следующее к ней замечание: «На российский язык перевел

врачебной науки доктор Нестор Максимович Амбодик» [2, с. 59]. Указанное сочинение не единственное, переведенное Н. М. Максимовичем-Амбодиком, о чем подробно сообщает С.М. Громбах [3].

Кроме того, комплекс медицинских понятий, включенных в словарь, был определен благодаря собственной медицинской практике Н.М. Максимовича-Амбодика. Тот факт, что медицина должна иметь своей основой опыт, для врача-ученого был неоспорим. Получив в Страсбурге степень доктора медицины, автор словаря работал в Кронштадтском адмиралтейском госпитале. Здесь же в свое время практиковал лекарь-хирург Мартин Ильич Шеин – один из первых русских переводчиков, прежде всего анатомической иностранной медицинской литературы, чей учебник анатомии стал «первым руководством по анатомии на русском языке» [3, с. 56]. Именно трудами М.И. Шеина и А.П. Протасова русская анатомическая терминология была уже достаточно определена. Н. М. Максимович-Амбодик, безусловно, был знаком с трудами М.И. Шеина, с его переводами и составленными собственноручно анатомическими атласами.

Наконец, автор рассматриваемого словаря, определенно был ознакомлен с предшествующими словарными трудами, в том числе тематическими учебными и общими переводными. Среди них необходимо назвать и «Краткое собрание имен...» в «Алфавитаре...» Ф. П. Поликарпова (1701 г.) и его же «Лексикон трехязычный...» (1704 г.), и «Номенклатор» И. Ф. Копиевского (1700 г.), и «Лексикон латинский...» Е. Славинецкого (1746 г.), и «Словарь на шести языках» Г. А. Полетики (1763 г.), и «Дикционер...» К. А. Кондратовича (1780 г.). Во всех названных словарях содержалось определенное количество медицинских терминов, в том числе искусственных, «изобретенных созданных из ресурсов конкретного языка», о чем основательно повествует А.Е. Симоненко [13, с. 244]. Практика же составления словарей того времени, как замечает Ю.К. Якимович, предполагала брать за основу лексические группы слов, составлявших словник того или иного словаря почти без изменения [16].

Композиция словаря достаточно проста. Труд Амбодика открывается предисловием, носящим название «Предуведомление о словаре вообще»,

пронумерованным римскими цифрами отдельной пагинацией. В нем автор обосновывает необходимость создания словаря, указывая, что это «книга, которой еще вовсе нет на российском языке» [9, с. I] и подчеркивая, в первую очередь, учебную направленность своего труда, отмечая, «сколь нужен и полезен есть для всех, а паче новоучащихся врачебной науке таковой Российский Словарь!» [там же]. Далее составитель помещает рассуждения о пользе анатомии и физиологии, о «частях анатомии и человеческого тела вообще», о костях, восполняя тем самым отсутствие определений в названном труде и преследуя цель «дабы учащиеся могли в сем предуведомлении найти то, что в самом сем словаре может быть недовольно ясным или невразумительным им покажется» [9, с. IV].

Затем следует «Заключение», в котором Амбодик выражает намерение продолжать работу и издать последующий «Медико-хирургический словарь». Эта часть заканчивается стихотворением – своеобразным посвящением будущим врачам, а также ученым, которые станут оценивать лексикографический труд автора: «А вы, ученые! обькши все судить, / Потщитесь мудростью погрешность наградить, / И недостаток мой своим трудом исправить, / И лучшими труды в сем деле нас наставить» [9, с. LXVIII]. Необходимо заметить, что подобные посвящения были вполне в традициях грамматических и лексикографических произведений учебной направленности конца XVI – XVIII вв. – вспомним хотя бы «Грамматику словенску» Л. Зизания, содержащую «Послание спудеям» и открывающуюся эпиграммой на грамматику.

Основной текст словаря, следующий за «Предуведомлением», включает две части: первую – русско-латинско-французскую и вторую – латинско-русско-французскую. Он занимает по новой пагинации 160 страниц в первой части и 136 – во второй и насчитывает, по нашим подсчетам, свыше 6000 словарных статей: 3577 в первой части и 2849 – во второй. Как видно, части неравномерны по своему объему. Это словарь без дефиниций, на что есть указание и у И. М. Кауфмана: «Словари Максимовича-Амбодика – словари только терминов: русских, латинских и французских, без определений» [5]. По типу, таким образом, это переводной специальный словарь.

Структурно словарные статьи оформлены следующим образом: реестровая часть словаря представлена русским (или латинским во второй части) словом или словосочетанием, набранным с прописной буквы. В переводной части после точки следует латинский (русский) эквивалент, а затем вновь после точки помещен французский перевод, соответствующий реестру. Правда, необходимо отметить, что французские эквиваленты представлены в словарной статье не всегда. В ряде случаев они у Амбодика отсутствуют. Сам автор объясняет это тем, что он не учитывал «большую часть тех французских слов, кои от латинского языка заимствованы, и токмо единым окончанием своим от латинских различествуют» [9, с. III]. Вот пример одной из словарных статей в первой части: *Кровь. Sanguis, cruor. Sang.* [I, 55] (Здесь и далее ссылки даны по изданию [9], а римская цифра указывает на часть словаря). То же во второй части: *Нѣта, sanguis. Кровь. Sang.* [II, 55].

Тематический диапазон представленных в словаре понятий многообразен. Здесь приводятся названия органов человека: *Желудокъ, стомахъ. Stomachus ventriculus. L'Estomac; Сердце. Cor. Coeur;* именованя костей и мышц: *Брюшныя мышцы. Musculi abdominals; Стѣнныя головныя кости. Ossa parietalia;* номинации сосудов и нервов: *Aorta. Начальственная, первоначальная бьющая жила; Сосуды обратны кровь относящїе. Vasa deserentia; Сплѣтєнїе чувственныхъ жилъ. Nodus, nodulus, ganglion nervorum;* названия желез внутренней секреции: *Вартолиновы предстательныя желъзы. Barthelini glandulae prostatae; Шитообразная желъза. Glandula scutiformis, clypealis, thyroidea.*

Широко представлены в памятнике наименования физиологических процессов: *Стєченїе мокротъ. Colluvies, concursus humorum. Amas deshumeurs; Чиханїе, чихота. Sternutatio. Eternuement;* *Испраженїя дѣйствїе. Excretionis vis, actus. Action de l'excrétion;* дана характеристика внешних признаков больного/здорового человека: *Сїянїе очей. Lux, spendum oculorum. Vue; Сутулосъ, сутулый. Gibbositas, gibbosus; Косматость. Hirsutia, hirsuties; Косноглазый, косноязычный. Tardiloguus, tirubans. Tardis à parler;* термины стоматологии: *Зубы поздныя, премудрыя. Dentis sapientiae; Зубовъ вѣнецъ, корка бѣлая, корни и мѣло. Dentium corona, crusta eburnea, radices, etcorpus.*

В словаре нашли также отражение специальные понятия акушерства и гинекологии: *Ложесна, рукавъ матки. Vatrix, uterus, vagina uters, vulva. Matrice, conduit de la matrice; Роды. Partus. Accouchement, delivranse; Мамка. Зри кормилица; Eutocos. Благополучно во утробѣ носящая и раждающая женщина.* Здесь также наличествуют названия отделов медицинской науки: *Анатомія судебная, судейская. Anatomia sorenges. Anatomia legales; Angiologia. Наука о сосудахъ; Желѣзословіе, наука о желѣзахъ. Adenologia; Sarcologia. Наука о мягкихъ тѣла костяхъ.*

Иногда в словаре присутствуют термины, имеющие косвенное отношение к хирургии: *Fascia lata. Широкая повязка.* Словарь включает и наименования понятий ненаучных сфер, имеющих отношение к медицинской практике: *Знакъ, знаки хиромантическіе, по ручным чертамъ будущее предсказывающіе. Hieroglyphicæ, phiromanticæ notæ.*

Анатомико-физиологический словарь построен по алфавитно-гнездовому принципу. Вместе с тем зафиксированы случаи, отражающие нарушение внутреннего алфавита. Так, в 1-й части, на с. 14 словарная статья *Волокна, волокно* предшествует статье *Волнованіе, волненіе крови*; на с. 23 статья *Дмение* находится после статьи *Доблесть*. Алфавитный сбой наблюдается и в некоторых других местах словаря, что конечно, снижает его достоинства.

Одной из особенностей труда Амбодика является то, что словосочетания, отражающие специализацию медицинского понятия, собраны в одном гнезде при опорном слове, данном по алфавиту. В этом случае пропуск опорного слова при его повторе в ряду восполняется постановкой долгого тире, например:

Кость вихорная. Os turbinatum.

— *вихрецова, вихрець. Cossus, os cossuges.*

— *венѣчная. Os coronale.*

— *голенная, голень. Crus, os tibiæ. [I, с. 49].*

Или: *Раздробленіе, разсчченіе анатомическое. Anatomia, incisio. Anatomie.*

— *бьющихъ жилъ. Arteriotomia.*

— *внутренностей. Splanchnotomia.*

— *животныхъ. Zootomia. Zootomie.*

— *зарода. Embriotomia. Section de setus.* [I, с. 110].

Термины или терминологические сочетания подаются в словаре без ударения в именительном падеже единственного или множественного числа. Автор использует форму единственного числа, как правило, в тех случаях, когда терминируемое медицинское понятие *не предполагает* множественности реалий или называет предметы, не подлежащие исчислению: *Кожа, кожный покров тела* [I, с. 45]; *Мышца синеватая, синяя сизая. Musc. Lividus* [I, 73]; *Треугольная кость. Triangulare, triquetrum.* [I, с. 137]. Термины же, данные во множественном числе, чаще всего называют понятия, предполагающие не менее двух «единиц» или имеющие обобщающее значение: *Реберныя кости и мышцы. Ossa et musculi costarum. Les os et muscles des côtes.* [I, с. 113]; *Ручныя персты, пальцы. Зри персты.* [I, с. 116]. При этом в основной статье присутствуют обе формы числа: *Персть, персты. Digitus, digiti, dactyli. Doigt;* [I, с. 93]; *Ребро, ребры. Costa, costæ. Les côtes.* [I, с. 113]; *Сосудъ, сосуды. Vas, vasa. Vaisseaux.* [I, с. 127]. Однако эта особенность не является абсолютной. Например, отмечены случаи, когда исчисляемые реалии названы термином только в единственном числе, например: *Лакоть. Cubitus, ulna. Coude,* [I, с. 58].

подавляющая часть терминов в словаре Амбодика – существительные или субстантивированные формы, например, *Малоглавый, малоголовый. Microcephalus* [I, с. 61]; *Чермновласый. Flavus, rusus. Roux* [I, с. 149]. Глаголов как таковых в словаре нет, но значительная часть существительных являются отглагольными образованиями: *сдавленіе* [I, с. 120]; *склоненіе* [I, с. 122]; *стремленіе* [I, с. 132]; *ходьба* [I, с. 144]; *изверженіе* [I, с. 41]; *иканіе* [I, с. 41]. Прилагательные и причастия преимущественно зафиксированы как часть термина-словосочетания: *Ножная плюсна* [I, с. 81]; *Тѣла круглыя, шаровидныя* [I, с. 138]; *Протязающія протягивающія*

мышцы [I, с. 107]. Привлекают внимание статьи, в которых подобные формы являются самостоятельными номинациями, иногда выступающими как вариант к существительному: **Лысый**, *лысина*. *Calvarus, calvus, calvities* [I; 60]; **многоглаголаніе**, **многоглаголивый**. *Multiloquium, multiloquus* [I, с. 63]; **Рѣчникъ**, **рѣчистый**. *Disertus, facundus, eloquens homo* [I, с. 116].

Примечательно, что заглавное слово статьи может выступать в уменьшительной форме: **Перстикъ**. *Digitulus. Petit doigt* [I, с. 92]; **Ноготокъ**. *Ungula. Petit ongle, corne du pied* [I, с. 81]; **Капелька**, *капля крови*. *Guttula, gutta sanguinis. Goutte de sang* [I, с. 43]. В ряде случаев это является ориентацией на латинскую реестровую часть словаря, ср.: **Натулус**, *hatus, cuspis*. **Крючокъ**, **крючечекъ**. *Crochet, hamesson* [II, с. 56]. То же в русской части: **Крючокъ**, **крючечикъ**. *Hatus, hamulus* [I, с. 56].

Определенная часть терминов словника образована на базе собственных имен. Так, в первой части словаря из 3577 статей 40 включают отонимные производные (0,01%). В составе медицинской лексики присутствуют подобные образования, созданные на основе:

1. Имен библейских персонажей: **Адамово яблоко**, *кадыкъ*, *выпуклый бугорокъ на передней сторонѣ шеи*. *Rotum Adami. Le rotte d'Adame* [I, с. 1].

2. Фамилий известных представителей медицинской науки: **Азелліева пригожемясная желъза**. *Asselii glandula. Pankréas* [I, с. 1] (по имени итальянского анатома и хирурга XVII в.); **Вартолиновъ протокъ**. *Bartholini ductus* [I, с. 9]; (Каспар Бартолин – датский ученый, профессор медицины и богословия); **Евстахиева**, *винту подобная бляшка*. *Laminâ spiralisEvsstachii* [I, с. 20] (от имени Бартоломео Евстахия – великого анатома XVI в., папского лейб-медика). В основном здесь присутствуют термины, образованные от имен медицинских деятелей средних веков или эпохи Ренессанса, внесших значимый вклад в медицинскую науку.

3. Античных мифологических имен: **Тетива Ахеллесова**. *Chorda Achillis* [I, с. 135] (вспомним миф о неуязвимом герое Троянской войны, мотив «ахиллесовой пяты», попадание в которую привело героя к гибели). Или: **Венерина гора**, *самая нижняя часть брюха*. *Mons Veneris, Eminense ou montagne de Venus* [I, с. 10] (речь

идет о богине любовной страсти, физические ощущения которой [страсти – Н.К.] связаны с указанной частью тела).

Несмотря на то, что труд Амбодика носит переводной характер, в нем присутствуют (особенно в его второй части) элементы толкования, предполагающие трактовку самого понятия медицинской сферы, а не термина, что свойственно объяснительным словарям. Чаще всего такие толкования уточняют значение переведенного термина и отделяются от него запятой, поэтому не всегда их легко отделить от самого перевода термина. При этом можно выделить два типа таких толкований:

1. Толкования, в конкретизирующей части которых есть указания на «географию», местоположение органа (части тела и пр.): *Antilobium. Передь лобусомъ ушнымъ лежащая верхняя часть уха* [II, с. 8]; *Amhyibrachia. Место около миндалинъ во рту* [II, с. 5].

2. Толкования, указывающие на сущность понятия, как правило, в случае, когда основное обозначение представляет собой иноязычное слово или метафорическое выражение: *Galiea, vitta. Рубашка, плъва, въ которой иногда младенецъ изъ матерней утробы на свѣтъ выходитъ* [II, с. 49]; *Malleus. Молоток, маленькая косточка въ слуховой кости* [II, с. 69].

Иногда подобное толкование предшествует употреблению иноязычного слова, вводит его: *Atlas. Первый шейный позвонокъ, анлантъ* [II, с. 15].

Любопытно, что в отдельных случаях однословный (или составной) термин, называющий медицинское понятие, отсутствует, а вместо них использован элемент толкования, представляющий его описательный перевод: *Breve vas. Короткий сосудъ между желудкомъ и селезенкою* [II, с. 18]; *Corporis reticularis color inslethyope niger. Чтистаго тѣла цвѣтъ у Арапа черный* [II, с. 5]. Наконец, следует отметить факты, когда переведенный термин, представляя собой неразложимое метафорическое название, явно требует толкования хотя бы в виде родового слова: *Caput gallinaginis. Пѣтушья головка* [II, с. 20], однако подобная конкретизация в словаре не представлена. Примечательно, что и в русско-латинско-французской

части данное специальное название не снабжено какими-либо пояснениями (см. [I, с. 93]). Не исключено, что этим термином названа патология в анатомическом строении головы. Данный пример, таким образом, подтверждает обоснованность, и даже необходимость присутствия элементов толкования в словаре такого рода.

В АФС нашли широкое отражение процессы, происходящие в русском литературном языке второй половины XVIII в. Это, в частности, выразилось в том, что в переводных лексиконах того времени присутствует стилистическая пестрота. Такому явлению способствовала некоторая размытость нормативных границ языка данного времени, а также тот факт, что, стремясь найти адекватное соответствие к иноязычному термину, составители часто выходили за пределы общепотребительной лексики [1]. На практике это выражалось в попытке представить в русской части весь возможный ассортимент русских соответствий и возможных способов передачи смысла слова» [1, с. 176]. В связи с этим обстоятельством в словаре Н. М. Максимовича-Амбодика активно представлена вариантность терминов, прежде всего лексическая, предполагающая использование одной лексемы (синонима) вместо другой при передаче одного и того же понятия. По нашим подсчетам, лексические варианты составляют 46 % всех случаев варьирования в первой части словаря.

В обеих частях «Анатомико-физиологического словаря» передача смысла научного понятия чаще всего осуществляется цепочкой терминов, обычно двумя-тремя, реже – четырьмя: *Abdomen. Брюхо, живот, чрево* [II, с. 1]. В единичных случаях название термируется более значительным количеством вариантных единиц: *Velum. Завеса, занавеска, застѣнь, закрывало, перепонка, перемычка, перегородка* [II, с. 128]. При этом можно заметить, что такое обилие лексических вариаций иногда отражает наличие синонимии и в латинском языке, ср.: *Coalescentia, partium solidarum unio. Твердых частей связь, соединение, сплочение, союз* [II, с. 26].

Анализ словаря показывает, что в нем представлены и варианты других типов, в том числе:

а) *орфографические*, учитывающие такие письменные модификации, которые, основываясь на различных принципах орфографии или отражая некоторые

орфоэпические различия, не содержат различий в значении термина: *Лохань, лахань. Pelvis, ossa pelvis* [I, с. 59]; *Железа.Зри желѣза* [I, с. 17];

б) *фонетические*, предполагающие видоизменения звуковой стороны специального слова, не связанные с различиями в значении: *Возрасть, возврaсть.Ætas. L'âge* [I, с. 13]. Здесь, прежде всего, следует отметить наличие русских и церковнославянских полногласных и неполногласных вариантов, традиционно причисляемых к этому виду варьирования: *Varba. Борода, брада, la barbe* [I, с. 17]; мена *г/з*: *Musculi extenso redigitorum manus et pedis. Протягающія, протяжающія руку и ногу мышцы* [I, с. 79], а также *ч/щ*: *млечные – молошныe*. К фонетическим, кроме того, следует причислить варианты типа *чиханіе – чханіе*, отражающие варьирование гласного с нулем звука;

в) *синтаксические варианты*, т.е. варианты терминов-словосочетаний, отличающиеся синтаксической моделью образования: *Дѣйствіе душевное – дѣйствіе души* [I, с. 24]; *Бьющая жила селезенки – селезеночная жила* [I, с. 3]. На фоне других вариантных типов данная разновидность варьирования представлена ограниченно;

г) *словообразовательные* модификации базируются на замене аффиксальных морфем и при тождестве корня не заменяют значения термина. Например, могут варьироваться суффиксы в наименованиях признаков понятий: *Зобкая, зобная, грудная желѣза* [I, с. 39]; *Постящая, постная кишка* [I, с. 101]. Часто в качестве вариантов выступают суффиксы со значением уменьшительности: *Capsula. Сумка, сумочка, пузырькъ* [II, с. 20]; *Scarpa. Ладья, ладѣйка между двумя ушными завитками ямка* [II, с. 114];

д) «*квантитативные*» варианты, которые отражают вариантность ступеней компрессии терминов. При этом один из вариантов представляет собой многокомпонентное словосочетание, другой – словосочетание (1-ая ступень компрессии): или: словосочетание сложное слово (2-ая ступень); наконец, сложное слово однокоренное слово (см. об этом подробнее в [14]). Как отмечает А.Е. Симоненко, «не каждый термин может быть представлен во всех трех модификациях одновременно, однако общая картина именно такова» [14, с. 84]. Вот некоторые из примеров:

а) многокомпонентное словосочетание → словосочетание: *Делто образная, греческой буквѣ А подобная мышца* [I, с. 22];

б) словосочетание → сложное слово: *Обращеніе крови, кровообращеніе* [II, с.34]; *имѣющий тонкой голосъ, тонкоголосый* [I, с. 42]; *Грушеобразная, грушѣ подобная мышца* [I;21];

в) однокоренное слово → словосочетание с однокоренным словом: *Пирамидѣ подобныя, пирамидныя тѣла* [II, 108]; *Ладѣйная, ладѣѣ подобная кость въ плюснѣ* [II, с. 34]; *Крестцовая кость, крестецѣ* [II, с. 98]. Именно таких примеров среди количественных вариантов у Амбодика большинство.

А.Е. Симоненко демонстрирует пример, когда в рассматриваемом лексиконе отражены две ступени компрессии терминов [14, с. 85]: *сонное видѣніе – сновидѣніе – соніе* [I, с. 125].

Термины в словаре Амбодика наглядно показывают разнообразие способов их образования, среди которых следует отметить следующие:

Семантический. Данный способ всегда был активным в русском научном (не только медицинском) языке. По утверждению В.П. Даниленко, он «был одним из первых словообразовательных приемов создания терминологических наименований» и использовался еще «в период, предшествующий времени формирования языка науки на русской почве» [4, с. 98]. Важнейшим источником создания научной терминологии всегда была общенародная лексика, которая, употребляясь в необычных контекстах, приобретала специальное значение в результате переосмысления, метафоризации. Примеры образования терминов подобным образом присутствуют и в словаре Амбодика: *Баба. Зри кость таранная* [I, с. 2]; *Барабанѣ, натянутая плѣва въ слуховомѣ дулѣ* [I, с. 3]; *Лоханѣ, лаханѣ* [таз – Н.К.] I, с. 59]; *Норы въ костяхѣ* [I, с. 81]; *Улитка, третья Лавиринѣа часть* [I, с. 141] и многие другие. Терминологическое значение в соответствующих контекстах получали и слова, имеющие сакральный смысл, подвергаясь при этом десакрализации: *Вертепецѣ, вертепѣ Гигморѣв* [I, с.10].

Синтаксический способ, один из наиболее продуктивных в терминологии. Он предполагает создание словосочетаний различных типов, выражающих целостное

единое понятие. В. П. Даниленко выделяет в связи с этим несколько типов подобных сочетаний, которые представлены и в рассматриваемом словаре [4]. Это, во-первых, то, что исследовательница называет собственно терминологическими фразеологизмами, так называемые неразложимые терминологизированные сочетания литературного языка: *Адамово яблоко* [I, с. 1]; *Гора Венерина* [I, с. 39]. Количество такого рода терминологических сочетаний в словаре Амбодика ограничено. Во-вторых, речь идет о терминологических номинациях, которые характеризуются формальной разложимостью компонентов и представляют собой либо свободные сочетания, включающие компоненты терминологического характера, либо несвободные сочетания, в которых один из компонентов – не термин. Именно такого рода термины-словосочетания в наибольшей степени представлены в словаре Амбодика: *Берцовая мышца* [I, с. 4]; *Ворота печени* [I, с. 14]; *Гортани устїе* [I, с. 20]; *Любви шдалище* [I, с. 60] и др.

Терминологические сочетания второго типа представлены несколькими структурными разновидностями, из которых наиболее употребительными являются следующие: а) прилагательное + существительное, например *Гигморова пещера* [I, 16]; *Бороздковатя тїла* [I, с. 5]. Прилагательное может находиться и в постпозиции: *Каналь носовый* [I, с. 43]; *Нора Гигморова* [I, с. 81]; б) причастие + существительное: *Нестарїуюїйся возрастъ* [I, с. 80]; *Цвїтуїущая старость* [I, с. 146]; в) существительное (И.п.) + существительное (Р.п.): *Капелька, капля крови* [I, с. 43]; *Голова мышцы* [I, с. 18]; г) существительное (И.п.) + прилагательное (Р.п.) + существительное (Р.п.): *Уздочка крайней плоти* [I, с. 140]; *Ярусы, ряды перстных составовъ* [I, с. 160]; д) прилагательное+ прилагательное (оба в И.п.) + существительное (И.п.): *Спинныя чувственныя жилы* [I, с. 128]; *Женскїя плодородныя части* [I, с. 33]; *Тонкая прямая мышца* [I, с. 136].

Морфологический способ, который реализуется, прежде всего, в создании аффиксальных образований. Значительная часть терминов словаря образована с помощью суффиксации. Наиболее продуктивными суффиксами в словообразовании существительных являются суффиксы **-ость** – *крїпость, бодрость* [I, с. 57]; **-ниц(а)** – *уксусница* [I, с. 141]; **-ниц (-ц)** – *мышца, мышца* [I, с. 66]; **-енїї(е)** – *хоженїе* [I, с.

144]; **-б** – *ходьба* [I, с. 144]; *гульба* [I, с. 21]; **-к** – *мышка* [I, с. 66]; **-л** – *орало* [I, с. 35]; *бодило* [I, с. 4]; **-ищ** – *вмѣстилище* [I, с. 141]; прилагательных – **ов-** – *бедровая* [I, с. 3]; *мозговые* [I, с. 17]; **-н** – *воздушный* [I, с. 13]; *глазный* [I, с. 17]; **-ист** – *душистыя* [I, с. 29]; *пещеристое* [I, с. 20]; *железистое* [I, с. 28]; **-енн-** *естественное* [I, с. 20]; **-її-** *пахучія* [I, с. 20]. Причастные формы (действительные и страдательные) в составе терминов-словосочетаний оформлены суффиксами **-ащ-** (**-ящ-**), **-ущ-**(**-ющ-**) – *сморщивающая, возстановляющія* [I, с. 66]; **-нн-** *неименованная* [I, с. 79]; **-енн-** *перворожденный* [I, с. 91]; *просверленная* [I, с. 105]. Присутствуют в Анатомико-физиологическом словаре и префиксально-суффиксальные образования, включающие форманты **под- ...н-** *подвздошная* [I, с. 7]; *подглазныя* [I, с. 98]; **о- ...енїї-** *одушевленіе* [I, с. 9].

Морфологический способ образования терминов находит воплощение и в создании слов путем осново- и словосложения. В частности, обращает на себя внимание большая группа сложений-прилагательных с опорными компонентами **видный** и **-образный**: *ребенновидная* [I, с. 20]; *грушеобразная* [I, с. 21]; *ижичеобразная* [I, с. 41]; *щитообразная* [I, с. 158] и др. Примечательно, что заметная часть терминов, которые могли бы быть оформлены синонимичным компонентом **подобный** (ср. в современном языке *звероподобный* = *зверообразный*), содержат его только в составе словосочетания: *Воронову, вранову носу подобный отросток* [I, с. 14]; *Внцу подобный челюсти нижней отросток* [I, с. 16]; *Грушеобразная, груше подобная мышца* [I, с. 21]; *Евстахіева, винту подобная бляшка* [I, с. 20] и т.п. Термины-сложения представлены и среди существительных: *доброглаголаніе* [I, с. 23]; *долговѣчность* [I, с. 23]; *тлороздробленіе* [I, с. 139]. Нередко специальные слова образуются путем сложения в сочетании с суффиксацией: *косоумный* [I, с. 48]; *околоушные* [I, с. 30]; *сероушныя* [I, с. 133].

ВЫВОДЫ

В заключение следует заметить, что многие аспекты данной статьи, конечно, требуют дальнейшего углубления и развития. Однако уже это беглое знакомство со

словарем Н. М. Максимовича-Амбодика дает представление, как о самом авторе, так и о его лексикографическом труде, который отражает один из этапов создания собственной медицинской клинической терминологии (на русском языке). В связи с этим российский ученый медик, один из основоположников научной педиатрии П. И. Погорецкий писал: «На русском языке существенных анатомических слов немного; на славянском, впрочем преизобильном, языке оные забвенны...» [3, с. 61]. Богатый материал «Анатомико-физиологического словаря» демонстрирует стремление его автора создать собственную, русскую медицинскую терминологию, очерчивает пути дальнейшего развития принципов лексикографического описания специальной лексики, является ценным для решения многих проблем современной терминографии, а также свидетельствуют о профессиональной эрудиции составителя, его кропотливой, вдумчивой и, безусловно, творческой работе.

Список литературы

1. Биржакова, Е. Э. Русская лексикография XVIII века [Текст] / Е. Э. Биржакова / Российская академия наук: Институт лингвистических исследований. – СПб: Нестор-История, 2010. – 212 с. 2. Вомперский, В. П. Словари XVIII века [Текст] / Отв. ред. Н.И. Толстой / В. П. Вомперский. – М.: Наука, 1986. – 136 с.
2. Громбах, С. Н. Русская медицинская литература XVIII века [Текст] / С. М. Громбах: М.: АМН СССР, 1953. – 283 с.
3. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания [Текст] / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 245 с.
4. Кауфман И. М. Терминологические словари. Библиография. [Текст] / И. М. Кауфман. – М.: Сов. Россия, 1961. – 419 с.
5. Козырев, В. А., Черняк, В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. – 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. – 631 с.
6. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка: учеб пособие [Текст] / В. В. Дубичинский. – М.: Флинта, 2008. – 432 с.

7. Кутина, Л. Л. Формирование языка русской науки [Текст] / Л. Л. Кутина. – М.–Л. Наука, 1964. – 219 с.
8. [Максимович-Амбодик Н. М.], Анатомико-физиологический словарь, в коем все наименования...– Ч. 1-2 [Текст] / Н.М. Максимович-Амбодик. – СПб, 1783. – 160,136 [= 296] с.
9. Руднев, Д. В. Книгоиздательская деятельность морских корпусов в XVIII веке (на материале типографии морского шляхетного кадетского корпуса): дис. на соиск. степени канд. ист. наук [Текст] / В. Д. Руднев / СПб, 2013. – 306 с.
10. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. – Т.V.
11. [Текст]. – М.: «Книга», 1967. – 301 с.
12. Симоненко А. Е. О состоянии и задачах изучения русской терминологии XVIII – I-й пол. XIX вв. [Текст] / А. Е. Симоненко // Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII– I-й пол. XIX вв. – Донецк, 2009. – С.9–20.
13. Симоненко, А. Е. Из ранней истории описания русской медицинской терминологии [Текст] / Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII– I-й пол. XIX вв. – Донецк, 2009. – С. 216–246.
14. Симоненко, А. Е. Лексикографические проблемы вариантности (на материале русской терминологии XVIII –нач. XIX вв.) [Текст] / А. Е. Симоненко // Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII – I-й пол. XIX вв. – Донецк, 2009. – С.76–109.
15. Якимович, Ю. К. Очерк истории переводной лексикографии в России [Текст] / Ю. К. Якимович // Переводная и учебная лексикография / Сост. В. Д. Уваров. – М., 1979. – с.149–175.
16. Якимович, Ю. К. Деятели русской культуры и словарное дело [Текст] / Ю. К. Якимович. – М.: Наука, 1985. – 160 с.

References

1. Birzhakova Ye. E. *Russkaya Leksikografiya XVIII Veka* [Russian Lexicography 18 cent.]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2010. 212 p.

2. Grombakh S. N. *Russkaya Meditsinskaya Literatura XVIII Veka* [Russian Medical Literature 18 cent.]. Moscow: AMN SSSR Publ., 1953. 283 p.
3. Danilenko V. P. *Russkaya Terminologiya. Opyt Lingvisticheskogo Opisaniya* [Russian Terminology. The Experience of Linguistic Description]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 245 p.
4. Kaufman I. M. *Terminologicheskie Slovari: Bibliografiya* [The Terminology Dictionaries: Bibliography]. Moscow: Sov. Rossiya Publ., 1961. 419 p.
5. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. *Leksikografiya Russkogo Yazyka: Vek Nyneshnii i Vek Minuvshii: Monografiya* [The Present Century and the Past Century: Monography] Saint-Petersburg: RGPU im. A. I. Gercena Publ., 2015. 631 p.
6. Dubichinskii V. V. *Leksikografiya Russkogo Yazyka: Uchebnoe Posobie* [The Russian Language Lexicography] Moscow: Flinta Publ., 2008. 432 p.
7. Kutina L. L. *Formirovanie Yazyka Russkoy Nauki* [The Formation of Russian Science's Language] Moscow–Leningrad: Nauka Publ., 1964. 219 p.
8. Maksimovich-Ambodik N. M. *Anatomiko-Fiziologicheskii Slovar, v Koem Vse Naimenovaniya...* [The Anatomic and Physiological Dictionary Where There Are All Names...]. Saint-Petersburg, 1783. 296 p.
9. Rudnev D. V. *Knigoizdatelskaya Deyatelnost Morskikh Korpusov v XVIII Veke (na Materiale Tipografii Morskogo Shlyakhetnogo Kadetskogo Korpusa): Thesis for the Degree of Candidate of Historical Sciences* [Book Publishing Activities of Marine Corps] Saint-Petersburg, 2013. 306 p.
10. *Svodnyi Katalog Russkoi Knigi Grazhdanskoi Pechati XVIII v* [Russian Book's Summary Catalogue of the Civil Press]. Moscow: Kniga Publ., 1967, 301 p.
11. Simonenko A. E. *O Sostoyanii i Zadachakh Izucheniya Russkoi Terminografii XVIII – XIX V* [On the State and Problems of Studying Russian Terminography XVIII- XIX cen]. Donetsk, 2009, pp. 9-20.
12. Simonenko A. E. *Iz Rannei Istorii Opisaniya Russkoi Meditsinskoi Terminologii*. [From Early Description History of Russian Medical Terminology]. Donetsk, 2009, pp. 216–246.

13. Simonenko A. E. *Leksikograficheskie Problemy Variantnosti (na Materiale Russkoy Terminografii XVIII – nach. XIX vv.)* [Lexicographical Problems of Variability]. Donetsk, 2009, pp. 76–109.
14. Yakimovich Yu. K. *Ocherk Istorii Perevodnoi Leksikografii v Rossii*. [Essay on the History of Translated Lexicography in Russia]. Moscow, 1979, pp. 149-175.
15. Yakimovich Yu. K. *Deyateli Russkoi Kultury i Slovarnoe Delo* [Figures of Russian Culture and Vocabulary]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 160 p.

**FROM THE HISTORY OF RUSSIAN TERMINOGRAPHY OF THE 18TH
CENTURY: ANATOMIC AND PHYSIOLOGICAL DICTIONARY, 1783 N. M.
MAKSIMOVICH-AMBODIK**

Kasyanenko N. E.

Summary. The article is devoted to one of the first lexicographical works of the XVIII century – *Anatomic and physiological dictionary*, 1783 N. M. Maksimovich-Ambodik, physician, scientist, translator, founder of the science of obstetrics, one of the founders of Russian medical terminology. The paper provides information from the history of the dictionary, considers its sources, composition, volume and composition; analyzes the type and construction of the dictionary entry. Particular attention is paid to the linguistic features of lexicographical work, its connection with the processes of the Russian literary language of the second half of the XVIII century: the reflection in the dictionary of the variability of terms, the typology of options, the methods of creating medical vocabulary. Studying the experience of the past gives an understanding of what are the ways to solve many problems of modern terminography.

Key words: N. M. Maksimovich-Ambodik, *Anatomic and physiological dictionary*, XVIII century, lexicography, medical terminology, translated dictionary.

УДК 81-119

ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ РЕПРОДУКТИВНОСТИ В НЕФИКЦИОНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Роговнева Ю. В.

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина»,
Москва, Россия
E-mail: vinnipuh61@yandex.ru

В статье анализируется понятие коммуникативного регистра, который, как и любая естественная категория, имеет полевою структуру. Ядро регистрового поля образуют канонические, наиболее сильные элементы, таким образом, можно говорить о ядре информативного регистра и о ядре репродуктивного регистра. Периферию регистрового поля формируют элементы с ослабленными регистровыми показателями, у которых невозможно однозначно определить регистровую характеристику. Если ядро каждого регистра представляет собой уникальный набор конструкций, которые всегда функционируют в этом регистре, то периферия одного регистра может пересекаться с периферией другого, формируя единую, хотя и неоднородную сферу регистровой периферии. Теоретический материал демонстрируется в статье примерами конструкций, которые регулярно появляются в нефикциональных описательных текстах-описаниях человека, туристических достопримечательностей, станций московского метрополитена. Результаты, представленные в статье, актуальны в первую очередь для оппозиции репродуктивности и информативности, однако такая идея полевой организации регистра может быть применена, во-первых, к генеритивному регистру, во-вторых, к реактивному и волонтивному регистрам диалогической речи, которые пока еще являются самыми неизученными в концепции коммуникативной грамматики.

Ключевые слова: репродуктивность, нефикциональный текст, полевая структура, информативность, коммуникативный регистр.

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XX века в русской лингвистике в работах ученицы и последовательницы В. В. Виноградова Галины Александровны Золотовой зарождается новое научное направление, которое поначалу позиционирует себя как функциональное, затем как коммуникативное, на сегодняшний же день известное как коммуникативно-функциональное. Такое определение этот подход получил, потому что одной из наиболее важных его задач является выявление функции языковых единиц в процессе коммуникации, то есть их коммуникативной функции. Главным объектом изучения коммуникативно-функциональной грамматики является текст, в котором и реализуются языковые средства всех уровней языка. Анализируя тексты различных типов и различной жанровой характеристики, Г. А. Золотова выделила некоторые признаки, которые позволили ей все разнообразие текстов развести по

двум большим группам: «Суммируя выделенные признаки, заметим, что они проявляются не поодиночке, а взаимодействуя друг с другом. Взаимное тяготение группирует их в два комплекса, или в два пучка признаков: там, где подсистема сюжетных времен, там и конкретные, наблюдаемые действия, и свой хронотоп, и перцептивное “присутствие” говорящего субъекта, автора; для подсистемы несюжетных времен характерны неконкретные, множественные, нереферентные имена, ненаблюдаемые действия (хотя возможны и референтные и наблюдаемые), отсутствие хронотопа конкретной длительности действий и непричастность говорящего субъекта к сообщаемому (хотя возможны другие способы его обнаружения – метатекстовые, модальные и пр.)» [3, с. 348]. Разграничение этих двух комплексов, пучков признаков и позволило Г. А. Золотовой ввести понятие коммуникативных регистров (типов речи): репродуктивного (изобразительного) и информативного. Для репродуктивного регистра характерно присутствие говорящего субъекта в хронотопе происходящего и передача средствами языка того, что он видит, слышит или чувствует. Это может быть как описательный, так и сюжетный повествовательный текст. Для информативного регистра характерно неприсутствие говорящего субъекта в хронотопе происходящего (узуальный хронотоп) и восприятие действительности не органами чувств, а ментально. Информативный текст также может быть описательным или сюжетным. В последующих работах Г. А. Золотовой появляются еще три регистра, в результате чего можно говорить о целой регистровой системе. Так, в монологической речи был выделен еще один регистр – генеритивный, который предполагает полное отвлечение говорящего субъекта от настоящего момента и представление в тексте универсального опыта, накопленного человечеством. Вместе с тем вводятся два регистра, обслуживающих сферу диалогической речи: реактивный и волюнтивный. Реактивный регистр предполагает оценку говорящим того, что было произнесено его собеседником, реакцию на это сообщение, а волюнтивный регистр в свою очередь побуждает собеседника к какому-либо действию. Такая полная система коммуникативных регистров представлена в «Коммуникативной грамматике русского языка» [4].

Понятие коммуникативных регистров (типов речи) уже доказало свою универсальность и необходимость за полвека существования теории коммуникативно-функциональной грамматики. Монологические и диалогические типы регистров, признаки каждого регистра были уже изучены и подтверждены большим количеством проанализированного как самой Г. А. Золотовой, так и ее учениками языкового материала. Вместе с тем интерес лингвистов к явлению коммуникативных регистров не ослабевает. В «Коммуникативной грамматике русского языка» регистры определяются как «однородные структурно-композиционные формы речи, объединенные внутри и противопоставленные друг другу по способу восприятия или познания мира (и соответственно по типу ментального процесса), по категориальному характеру воспринимаемых явлений и по коммуникативным интенциям говорящего» [4, с. 28–29]. Активное расширение анализируемого материала за счет выхода за пределы художественных текстов показало, что понятие регистра не так однозначно и не ограничивается только рамками текста. Так получилось, что наиболее востребованным, а следовательно, наиболее изученным объектом исследования у Г. А. Золотовой и ее последователей стали репродуктивный и информативный регистры, а также оппозиция репродуктивности и информативности. Генеритивный регистр и регистры диалогической речи не получили должного внимания исследователей. Однако такой выбор в пользу обозначенной оппозиции оказывается логичным и естественным, поскольку она является основой восприятия окружающего человека мира.

Определение репродуктивного регистра, его признаки и особенности функционирования в нем языковых средств сформулированы по результатам анализа художественной литературы (например, в [7] представлено наиболее полное описание характеристик репродуктивного регистра), а впоследствии они же стали применяться и к текстам нехудожественным и нефикциональным. Несмотря на то что в отечественной лингвистике до сих пор нет четкого разграничения понятий художественности и фикциональности, отметим, что под нефикциональными текстами в широком смысле мы понимаем все тексты, в которых изображена реальная, окружающая человека действительность. В таком понимании

нефикциональные тексты противопоставляются текстам художественным как изображающим мир придуманный. К настоящему моменту мы изучили, во-первых, нефикциональные тексты, в которых говорящие – носители русского языка описывают то, что они действительно видят перед собой, во-вторых, тексты, размещенные в Интернете и представляющие собой описание товара, животного, туристического объекта. При анализе этих нефикциональных текстов были обнаружены некоторые регистровые особенности, заметить которые в художественных текстах не было возможности, поскольку это тексты, создающиеся по иным принципам, а сами эти принципы определяются и задаются фикциональностью – вымыслом действительности. Обращение к текстам иной природы позволило отметить и доказать, что репродуктивность – это не только текстовая категория, как отмечала Г. А. Золотова, но и категория мышления, которая может быть определена как модель видения действительности, существующая в сознании говорящего, и способ текстового моделирования этой действительности [6]. Это означает, что любой говорящий воспринимает действительность, в которой он находится, репродуктивно в актуальном хронотопе «я здесь и сейчас» или информативно в узуальном хронотопе, поднимаясь над тем, что происходит в данный момент времени. Только после того как говорящий увидел действительность в соответствии с выбранной им моделью, он может оформлять это сформированное им в сознании видение действительности в текст, отбирая для этого языковые средства из тех, которые предоставляет ему языковая система. Пока это утверждение мы доказали для репродуктивного и информативного регистров, хотя очевидно, что существует также и генеритивная модель видения действительности, при которой говорящий видит универсальные, общеизвестные законы действительности или многовековой опыт, накопленный поколениями, отрывая свой хронотоп от конкретного момента времени. Например, если говорящий видит на улице кошку, он может воспринимать эту действительность 3 способами: 1) *Я вижу черную пушистую кошку*; 2) *Кошка – хищник*; 3) *В темноте все кошки серы*. Переключение регистров и выбор определенной модели в сознании говорящего происходит в зависимости от коммуникативной цели и условий коммуникативной ситуации.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Регистр как категория неоднороден по своей структуре и формирует поле с ядром и периферией. Впервые идея синтаксического поля предложения появилась у Г. А. Золотовой, которая предлагала все разнообразие модификаций одной модели представить в виде сферической системы с центром – основными моделями и периферией – различными ее модификациями: «Постепенное “обрастание” исходной модели дополнительными грамматико-семантическими и коммуникативно-экспрессивными смыслами, так же как и использование неизосемических номинаций, перемещает предложение по парадигматическим осям от центра синтаксического поля к его периферийным сферам» [4, с. 205]. Основной моделью для предложения является сопряжение субъектной и предикатной синтаксем, создающее типовое значение, то есть модель без привлечения дополнительных смыслов. Среди модификаций исходной модели следует выделить грамматические, фазисные, модалные, экспрессивные, а также монопредикативные синонимы исходной модели и полипредикативные ее осложнения. Несомненным преимуществом теории синтаксического поля является то, что она представляет всю систему русских моделей в соответствии с их востребованностью говорящими, в соответствии с их регулярностью или нерегулярностью при обозначении объектов действительности в разных коммуникативных ситуациях.

В [5] была предпринята первая попытка развить теорию Г. А. Золотовой о синтаксическом поле русского предложения и применить ее к новому языковому материалу, в частности представить все разнообразие моделей предложения для обозначения одного объекта действительности в пределах репродуктивного регистра в виде поля. [Там же] уже говорилось о том, какие конструкции формируют ядро и периферию синтаксического поля типового значения качества в пределах репродуктивного регистра. Так, в ядро поля входят модели, регулярно используемые говорящими для обозначения качества объекта действительности, а в его периферию – модели, используемые говорящими нерегулярно. Кроме того, сама по себе сфера периферии неоднородна и делится на несколько зон, в каждую из которых помещены

конкретные модели предложения. В этой статье мы продолжим развивать теорию синтаксического поля, но обратимся уже к структуре синтаксического поля категории регистра в целом, покажем, что формирует центр, ядро этого поля, а что функционирует на его периферии. Кроме того, мы обратим внимание на некоторые спорные случаи при определении регистровой принадлежности предикативных единиц. Анализ нефикциональных текстов показал, что эти конструкции регулярно встречаются в описательных фрагментах. Представляется, что идея полевой организации категории регистра позволит наконец-то ответить на вопрос о регистровой характеристике так называемых «спорных» предикативных единиц. Рассмотрим ниже 4 группы конструкций, которые регулярно встречаются в нефикциональных текстах-описаниях человека, животного, станции московского метро и достопримечательностей в путеводителях. Группы 1 и 2 составляют конструкции с однозначной регистровой характеристикой, а регистровая принадлежность конструкций в группах 3 и 4 не так очевидна и однозначна.

1. *На ней синие джинсы; Она в черных солнечных очках; На ней белая рубашка; У нее на ногах коричневые ботинки; Стены выложены плиткой; Лавки желтого цвета; Круглые лампы; На шее черное пятнышко; Коричневый носик; Он высокого роста; В белых кроссовках*

Эти конструкции относятся к репродуктивному регистру, поскольку 1) в них изложено то, что их автор видит в данный момент времени в актуальном хронотопе, воспринимая действительность органами чувств; 2) в них нет ни одной нерепродуктивной синтаксемы, которая может вывести всю конструкцию за пределы репродуктивности (ср. *На ней синие джинсы* и *На ней всегда синие джинсы*: при вводе информативной синтаксемы вся конструкция становится информативной). Очевидно, что актуальный хронотоп говорящего имеет место быть только там, где говорящий действительно видит объект действительности и описывает его (например, описание соседа по парте, описание туристической достопримечательности на экскурсии или описание найденного животного). Во всех остальных случаях мы имеем дело с описаниями «по памяти», в которых говорить об актуальном хронотопе говорящего можно лишь условно (например, описание «по

памяти» станции метрополитена, где говорящий вспоминает, как выглядит эта станция, и моделирует эти воспоминания в текст; то же самое представлено и в описаниях пропавших животных: говорящий вспоминает, как выглядит его кошка или собака, какие особые приметы у них есть и т.д.). В нашей статье мы не учитываем эту разницу и во всех отмеченных случаях признаем хронотоп актуальным. Именно эти конструкции формируют канонический репродуктивный регистр.

2. На ней всегда джинсы; Она ходит в джинсах; Она носит очки; Она постоянно ходит в джинсах; На станции по утрам много народу; Как правило, работает один эскалатор; Эта дверь открывается редко; В помещении всегда поддерживается постоянная температура; Барсик никогда раньше не убежал.

Эти конструкции функционируют в информативном регистре, поскольку 1) в них представлен не актуальный, а узуальный хронотоп, 2) в их состав входит информативные синтаксемы, а уже одной информативной синтаксемы достаточно, для того чтобы и вся конструкция была информативной. В целом в этих моделях представлена не наблюдаемая действительность, а обобщение, многократное наблюдение, говорящий воспринимает действительность не сенсорно, а ментально. Такие конструкции формируют канонический информативный регистр.

3) На ней красивые джинсы; Она в модных брюках; На ногах симпатичные туфли; Станция метро обычная; Вестибюль не отличается красотой и чистотой; Кот обаятельный; На шее красивое украшение; Это довольно импозантное строение

Перед нами конструкции, регистровая характеристика которых, с нашей точки зрения, не так очевидна и однозначна, как в конструкциях группы 1 и 2. С одной стороны, в них представлено то, что говорящий воспринимает в актуальном хронотопе органами чувств, с другой – в состав этих моделей входят синтаксемы со значением оценки, которые, как и информативные синтаксемы, превращают всю конструкцию в информативную, поскольку оценка предполагает сопоставление с нормой, со стереотипом [2], со стандартом [1]. А такое сопоставление уже само по себе предполагает выход за пределы актуального хронотопа, то есть за пределы репродуктивной модели видения действительности.

4) *На ней джинсы-бойфренды; На ногах туфли-оксфорды; Она в тимбирлендах; Стиль барокко; На ней мужские ботинки; Он идет с женской сумкой; На ней кожаные штаны; Стены кирпичные; Пол из гранита.*

Это самая большая и неоднородная группа, в которую входят конструкции с разными типовыми значениями: а) модель одежды или обуви (*джинсы-бойфренды*) б) архитектурный стиль (*стиль барокко*); в) гендерная принадлежность одежды, обуви, аксессуара (*женская сумка*); г) материал, из которого сделан объект (*кожаные штаны*). Разумеется, это неполная классификация, мы собрали здесь только те характеристики, которые регулярно встречались в описаниях пространства, человека, животного и туристического объекта. И именно эти конструкции являются самыми, на наш взгляд, неоднозначными и спорными с точки зрения их регистровой характеристики. С одной стороны, в данном случае говорящий находится в одном хронотопе с изображаемым, с другой – в состав этих конструкций входят признаковые синтаксемы, которые можно считать информативными и которые делают информативной всю конструкцию. Информативность этих признаков очевидна, поскольку они обозначают не то, что говорящий действительно видит, а то, что ему известно: он видит перед собой предмет одежды, воспринимает его наблюдаемые характеристики, после чего сопоставляет их с характеристиками, которыми должны обладать *бойфренды*, *оксфорды*, *тимберленды* и т.д., и делает вывод, что то, что он видит, соответствует тому, что он знает. Потому определения *бойфренды* при характеристике джинсов, *оксфорды* при характеристике туфель и т.п. появляются только у того говорящего, который знает, что такое *джинсы-бойфренды* или *ботинки-оксфорды*. Естественно, если говорящий не знает, он не будет вводить эти определения и попытается просто описать предмет одежды, при этом в его описании могут появиться такие характеристики: *мужские, рваные, закрытые, со шнурками, изношенные, похожие на мужские* и т.п., однако все они не позволят говорящему точно передать особенности этих предметов одежды и обуви. С другой стороны, человек, не знающий, что такое *джинсы-бойфренды*, увидев это определение в тексте, не сможет понять, о каких джинсах идет речь. Те же самые закономерности относятся к архитектурным стилям, поэтому тексты путеводителей

или рассказы гидов, как правило, сопровождаются пояснениями, которые помогают читателям или слушателям соотносить описание с тем, что они видят на изображении или перед собой.

Наиболее интересным примером в этой группе следует признать конструкции *На ней мужские ботинки*, которая появляется в описаниях женщины, или *У него женская сумка* – при описании мужчины. Такие конструкции появляются там, где для говорящего очевидно отклонение от нормы, например, при описании фотографии актрисы Марлен Дитрих в костюме, который регулярно определяется как мужской, или при описании мужчины с сумкой, которая, с точки зрения говорящего, не является мужской. Интересно, что при соответствии норме эти определения появляться не будут: *На ней женские туфли; У него мужская сумка*.

Конструкции, входящие в состав 3 и 4 группы, можно считать информативными, однако очевидно, что они отличаются от канонической информативности, представленной в группе 2. Если мы эти конструкции признаем репродуктивными, то будет так же очевидно, что они отличаются от канонической репродуктивности в группе 1. Можно предположить, что информативность в них слабее, чем в конструкциях группы 2, с одной стороны, а с другой – их репродуктивность слабее, чем в конструкциях группы 1. Представляется, что единственно верным решением этого вопроса будет обращение к полевой организации естественных категорий и взгляд на категорию регистра как на поле, состоящее из ядра и периферии. При этом каждый регистр формирует свое поле со своей структурой, соответственно, поле репродуктивного регистра состоит из ядра, в которое входят канонические репродуктивные конструкции (в нашем случае – примеры в группе 1), а поле информативного регистра состоит из ядра, в которое входят канонические информативные конструкции (в нашем случае – примеры в группе 2). Неканонические конструкции, в которых регистровость проявляется в меньшей степени, чем в канонических, будут формировать периферию регистров. Если ядро каждого регистра уникально, то границы периферии внутри каждого регистра не определены, они не формируют закрытое единство, отдельное для каждого регистра. Например, конструкция *На ней синие джинсы* входит в ядро поля репродуктивного

регистра, *На ней всегда джинсы* – в ядро поля информативного регистра, а конструкции *На ней мужские джинсы*, *Она в джинсах-бойфрендах*; *На ногах оксфорды*; *Здание в стиле барокко* и т.п. будут функционировать на информативно-репродуктивной периферии. Логично также предположить, что чем сильнее в конструкции репродуктивность, тем слабее в ней информативность, и наоборот: чем слабее в конструкции репродуктивность, тем сильнее в ней информативность. С этой точки зрения интересно выявить степень репродуктивности и информативности в конструкциях *Она в модных джинсах* и *Она в бойфрендах*. Очевидно, что область периферии неоднородна и может быть поделена на зоны в соответствии с разной степенью тяготения к центру конкретного поля, однако этот вопрос еще требует изучения.

ВЫВОДЫ

Все изложенные выше наблюдения и выводы были сделаны на материале текстов, которые противопоставлены текстам художественной литературы. В русистике эти тексты определяются как нехудожественные или как нефикциональные. С нашей точки зрения, последнее определение более корректно, поскольку охватывает более широкий круг языкового материала. Это тексты, в которых говорящий средствами языка воспроизводит действительно существующую и окружающую его реальность. Они противопоставляются текстам фикциональным, в которых воспроизводится придуманный, вымышленный автором мир. Репродуктивная модель видения действительности предполагает нахождение говорящего в актуальном хронотопе «я здесь и сейчас» и восприятие действительности с помощью органов чувств, которое можно считать объективным, что снижает вероятность введения в текст вымысла, в результате чего репродуктивный текст является и нефикциональным. Если же говорящий поднимается над актуальным репродуктивным хронотопом, он уже не связан непосредственно с окружающей его действительностью, соответственно, он может вводить в свой текст вымысел, при этом сам текст теряет репродуктивность.

Вернемся к нашим примерам: в репродуктивных конструкциях *На ней синие джинсы* представлено то, что говорящий видит в данный момент времени, вымысла здесь нет (учитывать различные оттенки синего цвета мы не будем); в информативных конструкциях *Она ходит в джинсах* представлен неактуальный хронотоп, говорящий делает вывод, основываясь на знании или многократном наблюдении, что предполагает обобщение и вымысел. В текстах же фикциональных, воспроизводящих мир нереальный, придуманный, говорить о репродуктивности можно только условно. Поскольку автор придумывает саму действительность, то вымышленными являются и все составляющие этой действительности, в том числе репродуктивные фрагменты, в которых представлены характеристики мира, объективные только для автора, но не для читателя. Выход за пределы художественных и фикциональных текстов позволяет по-новому взглянуть на категорию коммуникативного регистра, отметить особенности ее полевой организации, что в свою очередь приближает нас к пониманию того, как различные языковые средства функционируют в процессе коммуникации, а это является главной задачей коммуникативно-функциональной грамматики.

Список литературы

1. Аругюнова Н. Д. Язык и мир человека [Текст]. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст]. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст]. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст]. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
5. Роговнева Ю. В. Синтаксическое поле типового значения в концепции коммуникативно-функциональной грамматики [Текст] // Русский язык за рубежом. – 2017. – №3. – с. 57–60.

6. Роговнева, Ю. В. Коммуникативная грамматика и анализ текста [Текст] // Русский язык за рубежом. – 2017. – №6. – С. 92–95.
7. Сидорова, М. Ю. О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивных регистр) [Текст] // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 1997. – Т.6. – С.6–19.

References

1. Arutiunova N. D. *Yazyk i Mir Cheloveka* [The Language and the Human World]. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1999. 896 p.
2. Volf E. M. *Funktsionalnaya Semantika Otsenki* [The Functional Evaluation Semantics]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002. 280 p.
3. Zolotova G. A. *Kommunikativnye Aspekty Russkogo Sintaksisa* [Communicative Issues of the Russian Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 368 p.
4. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya Grammatika Russkogo Yazyka* [The Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow: MGU Publ., 1998. 528 p.
5. Rogovneva Yu. V. *Sintaksicheskoe Pole Tipovogo Znacheniya v Kontseptsii Kommunikativno-Funktsionalnoi Grammatiki* [The Syntax Field of the Typical Meaning in the Concept of the Communicative Functional Grammar] 2017, №3, pp. 57–60.
6. Rogovneva Yu. V. *Kommunikativnaya Grammatika i Analiz Teksta* [The Communicative Grammar and the Analysis] 2017, № 6, pp. 92–95.
7. Sidorova M. Yu. *O Sredstvakh Formirovaniya Kommunikativnykh Tipov Rechi (Reproduktivnyi Registr)* [About the Means of Forming the Communicative Types of Speech (Reproductive Register)] *Filologiya*. 1997, № 9, pp. 6–19.

THE FIELD ORGANIZATION OF THE REPRODUCTIVE CATEGORY IN NON-FICTIONAL TEXTS

Yu. V. Rogovneva

Summary. The article analyzes the concept of the communicative register, which has a field structure as any natural category. The core of the register field is formed by the strongest canon elements, so it is possible to say about the core of the informative register and the core of the reproductive register. The periphery of the register field is formed by elements with weakened register indicators, in which it is impossible to clearly determine the register characteristic. If the core of each register is a unique set of constructions that always function in that register, the periphery of one register may cross with the periphery of the other one, forming a single, though heterogeneous, sphere of the register periphery. The theoretical material is demonstrated by examples of structures that regularly appear in non-fictional descriptive texts of a person, tourist sightseeings and stations of the Moscow metro. The results presented in the article are relevant, first of all, for the opposition of reproduction and informativeness, but this idea of the field register organization can be applied, firstly, to the generative register, and secondly, to the reactive and voluntary registers of Dialogic speech, which are still the most unexplored in the concept of communicative grammar.

Keywords: reproduction, non-fictional text, field structure, informativeness, communicative register.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811:316-053.6

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭТНОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Гусейнова Р. Н.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь,
Россия

В статье рассматривается проблема этнической идентификации индивидуума в условиях мировых глобализационных процессов, обуславливающих изменение структуры населения Земли. Рассмотрены и проанализированы факторы, воздействующие на самоопределение молодых людей, проживающих в поликультурном сообществе. Особое внимание уделено языку, влияющему, а во многом и определяющему формирование национального менталитета. Также предложен небольшой обзор типов этнических образований с акцентом на один из них – нацию, зачастую отождествляемый с другим – национальностью. Используя результаты ассоциативного эксперимента, направленного на изучение особенностей языкового сознания носителей русского языка, автор предпринял попытку сформулировать причины, вызывающие у молодежи крымского региона сложности, с которыми они сталкиваются при определении собственной национальной идентичности. В качестве примеров, подтверждающих ряд тезисов, в статье использованы материалы эксперимента – слова-реакции, то есть ассоциации на слово-стимул «нация». Автор предполагает, что отказ от этнической идентичности невозможен даже в эпоху глобализации, поскольку национально-культурная принадлежность является неотъемлемой частью личностной идентификации, что и было подтверждено промежуточными результатами ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова:

Глобализация, национальная идентичность, ассоциативный эксперимент, Крым, нация.

ВВЕДЕНИЕ

Глобализационный процесс, охватывая все сферы жизни общества, носит системный характер. Требуя всемирной унификации экономики, политики, культуры и религии, он ведет к разрушению вековых устоев многочисленных этносов и, как следствие, к отказу от любых типов этнических образований (*племя, народность, нация, национальность*). Уже сегодня, несмотря на поликультурность мира со свойственным ему разнообразием культурно-ценностных понятий, в государствах, население которых представлено этническим большинством, требуется интеграция

малых национальных групп в общество изначально «чужих», а порой и «чуждых» для них ценностных ориентаций.

В гетерогенных государствах этноцентричная картина мира, рассматривающая все этнические группы сквозь призму своего «лучшего» и «высшего» этноса, вступает в противоречие с этнофилизмом, выражающемся в желании человека развивать свою самобытность, сохраняя собственные язык и культуру. Конфликт явлений заключается в том, что, стремясь сохранить свою этничность, представители так называемого «большинства» выступают с позиций этноцентризма по отношению к другим этносам, по сути требуя от них полного или частичного отказа от идентичности.

Инкультурация нацменьшинств предполагает принятие ими когнитивной базы того национально-культурного сообщества, на языке которого осуществляется общение, то есть на языке этнического большинства. Однако, несмотря на запросы глобализирующегося мирового общества, не происходит полной, а иногда даже и частичной социализации малых этносов, поскольку самосознание индивидуума формируется в возрасте от 6 до 11 лет, с момента получения фрагментарных знаний о своей этнической общности до полного осознания себя ее представителем [8, с.133-138].

Целью статьи является рассмотрение проблемы национальной идентичности в поликультурном сообществе на фоне кризиса этноидентификации, вызванного мировыми глобализационными процессами.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Общеизвестно, что этнос – исторически сложившаяся совокупность людей, обладающая специфическими особенностями культуры: общим языком, самосознанием и автоэтнонимом (самоназванием) [7, с. 254]. В научную терминологию понятие было введено русским ученым С.Э. Широкогоровым как синоним слова «народ». Вслед за автором под этническим образованием мы понимаем группу людей, **говорящих на одном языке, признающих свое единое**

происхождение, обладающих укладом жизни и комплексом обычаев, передаваемых из поколения в поколение [9, с. 51].

Возникнув в период первобытнообщинного строя, этнос видоизменялся с приходом каждой новой общественно-экономической формации. Появление *родов* и *племен* относилось к зарождению родоплеменных отношений, *народность* занимала промежуточное положение между первобытнообщинным обществом и поздним феодализмом. Привычные же для современного социума *нация* и *национальность* появились в Европе во времена формирования народов (XV век) и проведения переписи населения (XIX век).

Ввиду того, что в общественном сознании понятия «нация» и «национальность» взаимозамещаемы, следует определиться с их значением.

«Нация, -и, ж. 1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика. 2. В некоторых сочетаниях: страна, государство. Организация Объединённых Наций. II прил. национальный, -ая, -ое. Национальные интересы. Национальное равноправие» [5, с.978]. **«Национальность** 1. Обозначение таких понятий, как «нация», «народность» и т. п. (напр., «национальности РФ»). 2. Обозначение принадлежности человека (или группы людей) к определенной нации (или этнической группе). В последнее время этот термин все чаще употребляется для обозначения государственной принадлежности людей (подданства или гражданства)» [7, с.147].

Несмотря на то, что в научных лингвистических дефинициях нет четкого разграничения этих понятий, можно утверждать, что **данные типы этноса характеризуются не только единой территорией проживания, но и общим языком.**

Важную роль в самоопределении индивидуума играет язык, выступающий в полилингвокультурном сообществе (Г.Ю.Богданович [1]) объединяющим фактором. Пример подобного объединения наблюдается в многонациональном крымском регионе, находившемся на протяжении всей истории

в составе разных государственных образований³. Желание большинства крымчан придать русскому языку статус государственного стало одной из причин проведения в 2014 году референдумов, по итогам которых Республика Крым и город федерального значения Севастополь стали субъектами Российской Федерации [4, с. 23].

В то же время язык может выполнять и деструктивную функцию. Так, применение языка «большинства» в сфере образования этнических меньшинств стало одной из причин ряда конфликтов в постсоветских государствах (нагорно-карабахский, грузино-абхазский, грузино-южноосетинский, молдавско-приднестровский).

Как известно, языковой менталитет во многом влияет, а зачастую и определяет национальный, характеризующийся неизменностью определенного склада мышления, основанного на собственных культурно-ценностных ориентирах конкретной этнической группы. **«Менталитет, -а, м. (книжн.). Мировосприятие, умонастроение. М. русского народа»** [5, с. 854]. И хотя «ментальное сознание, в отличие от рационального, не имеет четко выраженных границ; способ его формирования, зачастую, погружен в бессознательное ...» [6, с. 125], **в современном мире появилась возможность выбора этноидентичности. Можно предположить, что в семьях, не поддерживающих национальные традиции**

³С 1441 по 1783 годы большая часть территории полуострова находилась в составе Крымском Ханства.

В 1783 году Крымское Ханство включено в состав Российской империи.

В марте 1918 года на территории крымского полуострова создана Советская Республика Таврида, а через год – Крымская Республика.

В ноябре 1921 года образована Автономная Крымская ССР в составе РСФСР, преобразованная в 1945 году в Крымскую область.

В феврале 1954 года Крымская область передана из состава РСФСР в состав УССР, преобразованная в 1991 году в Крымскую АССР.

В мае 1992 года самопровозглашенная президентская Республика Крым, де-факто находившаяся в составе Украины, конституционно включена в нее в декабре 1998 года в статусе автономной республики.

В марте 2014 года Республика Крым и город федерального значения Севастополь вошли в состав Российской Федерации.

и материнский язык собственного этноса, формирование самосознания ребенка обусловлено не этнокультурными факторами, а фактором языка этнического большинства.

В Крыму, как и в любом полилингвокультурном сообществе, существует проблема национального самоопределения, что было выявлено во время проведения в крымских вузах ассоциативного эксперимента по изучению особенностей языкового сознания носителей русского языка, проводимого совместно с институтом языкознания РАН. И хотя опрос, предполагающий выявление ассоциативной связи между словами-стимулами (предлагаемые слова) и словами-реакциями (первые пришедшие в голову ассоциации), проводился в форме анонимного анкетирования, для более полного исследования опрашиваемые предоставляли некоторую информацию о себе, в том числе сведения о национальности.

Возможно, сложность с определением этнической идентификации у части анкетирруемых как раз и связана с влиянием на формирование их самосознания не столько этнокультурных факторов, сколько ставшего родным языком повседневного общения, то есть языка «большинства». Данное наблюдение косвенно подтверждается итогами последней переписи населения, согласно которой из представителей 175 национальностей, проживающих на полуострове, 99,8% владеют русским языком, при этом 84%, независимо от своей этнической принадлежности, считают его родным [10].

На данный момент в рамках ассоциативного эксперимента опрошено 2492 студента, из которых 1845 считают себя русскими и 647 – представителями других национальностей. Затруднения, вызванные определением национальности, при заполнении анкет проявились в следующем:

1) замещение национальности этнохоронимом либо политонимом: *крымчанин/крымчанка, россиянин/россиянка*; 2) фиксация перечня национальной идентичности через запятую либо с помощью математических знаков: *украинка, еврейка, русская; 50% татарка + 50% турчанка*;

3) непонимание сути вопроса либо нежелание на него отвечать: *восточный славянин, православная, славянка, никакая, прочерк* [3, с.60].

Ввиду того, что в словах, предложенных в рамках эксперимента, отсутствует слово-стимул «национальность», были рассмотрены ответные реакции на включенное в анкеты слово-стимул «нация». Под нацией нами понимается исторически сложившаяся в процессе развития общность людей, проживающих на одной территории, имеющих общую культуру, язык, самосознание, менталитет и чувство собственного достоинства [5, с.978; 6, с.146].

На данном этапе эксперимента в 239 анкетах встретилось слово «нация». Отметим, что в трех случаях анкетируемые затруднились с ответной реакцией, пропустив его. Несколько человек выразили сомнение в существовании этнического разделения: «вымерла», «мертвых», «не существует», «слово», «тлен». Для большинства же опрашиваемых этническая идентичность имеет статус нормы, что, на наш взгляд, отразилось в словах-реакциях: «второе я», «определитель», «принадлежность». При этом одни предполагают возможным самоопределение в рамках конкретного этноса: «одна», «полная», другие допускают возможность выбора: «безграничный», «выбор», «любая», «какая разница», «не важно».

Рассмотренные реакции на слово-стимул «нация» подтверждают тезис о закреплении в сознании молодежи оппозиции «свой-чужой» как отличительной черты самоидентификации. Противопоставление своих этнокультурных маркеров (язык, традиции, религия и т.д.) ценностям остальных этносов проявилось, с одной стороны, в отождествлении слова-стимула «нация» с вероисповеданием: «Бог», «вера», «религия», а с другой – в использовании личных и притяжательных местоимений, указывающих на принадлежность определяемого: «мы», «наша», «моя», «своя».

Еще одна функция жизнеобеспечения нации – патриотизм – также нашла отражение в ответных реакциях: «встает с колен», «родина», «отечество», «память», «патриот», «флаг». Интересно, что реакции некоторых опрашиваемых соотнесены с периодом существования Советского Союза, знакомого им опосредованно: «СССР», «социализм».

Некоторые ассоциации использовались анкетируемыми для характеристики собственного отношения к разделению человечества на этносы. **Положительная**

коннотация проявилась в словах-реакциях: «гвардия» (отборная часть войск), «дружба народов», «единая», «единство», «лига», «мира», «объединение», «целое»; **отрицательная**: «война», «вражда», «зло», «ксенофобия», «ложь», «национализм», «нытиков», «огонь», «одиночество», «разделять», «разногласие», «расизм», «ссоры», «так не должно быть», «хаос».

Ряд использованных ассоциаций можно отнести к словам прямого значения, имеющим наибольшую парадигматическую обусловленность:

1) названия стран и граждан государств: «Англия», «Армения», «Россия»; «россиянин», «сирийцев»;

2) наименования национальностей либо косвенный отсыл к ним: «евреев», «немец», «русский», «татары»; «Гитлер» (возможен исторический намек на немцев либо австрийцев);

3) лженаучные термины: «арийская» (несуществующая раса), «афроамериканец»;

4) этнофолизмы: «белых» (очевидно, имеется в виду раса), «хачик» (экзоэтноним с ярко отрицательной коннотацией);

4) социально-политические термины: «нация», «национальность», «раса», «этнос».

Отметим, что слова-реакции во многом подтверждают характеристики самого определения «нация», а именно: **общность людей** («род», «родные», «родственники», «семья»; «группа», «дети», «друзья», «люди», «народ»); **одна территория** («государство», «рамки», «страна», «общество»); **общие признаки** («культура», «традиции», «характер», «язык»); **менталитет, чувство собственного достоинства** («великая», «величие», «вольная», «гордая», «гордость», «грация», «могучая», «мощь», «независимость», «свобода», «сила», «честная»).

Для большинства представителей молодого поколения, принимавших участие в анкетировании, оказалось важным ощущать сопричастность сопредельным этносом, потому как «... вне этноса нет ни одного человека на земле...» [2, с. 4].

ВЫВОДЫ

Каждому конкретному сообществу присуща собственная форма этнической принадлежности, проявляющаяся в совокупности обычаев, культуры, норм морали, отсутствии либо наличии религиозных догм и т.п.

«Стирающиеся» в условиях глобализации государственные границы расширяют первичные территории формирования каждого этноса, однако на «новой земле» его представители чаще всего не ассимилируются с неродной для себя культурой, а развивают собственные этнокультурные ценности.

Исходя из того, что национально-культурная принадлежность является неотъемлемой частью личностной идентификации индивидуума (что подтверждено промежуточными результатами ассоциативного эксперимента), можно предположить, что отказ от этноидентификации невозможен даже в эпоху глобализации, поскольку политика этноцентризма обречена.

Список литературы

1. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии [Текст] / Г.Ю. Богданович. – Симферополь: Доля, 2002. – 392 с.
2. Гумилев Л.Н. О термине этнос [Текст] / Л.Н. Гумилев // Доклады Географического общества СССР. – 1967. – вып.3. – С. 3-17.
3. Гусейнова Р.Н. Национальность и родной язык: проблемы самоидентификации молодежи (по материалам ассоциативного эксперимента в Крыму) [Текст] / Р.Н. Гусейнова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 2. – С. 57–66.
4. Гусейнова Р.Н. Язык как объединяющий фактор (на примере крымского региона) [Текст] / Р.Н. Гусейнова // Русский язык в поликультурном мире : II Международный симпозиум : сб. науч. статей. В 2-х т. Том 1. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 23-27

5. Ожегов С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов – 25-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 976 с.
6. Словарь по политологии [Текст] / под ред. проф. В. Н. Коновалова. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 2001. – 292 с.
7. Словарь социолингвистических терминов [Текст] / отв. редактор В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов [Текст] / Т. Г. Стефаненко. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.
9. Тавадов Г. Т. Этнология. Учебник для вузов [Текст] / Г. Т. Тавадов. – М.: Проект, 2002. – 352 с.
10. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (дата обращения: 13.09.2018).

References

1. Bogdanovich G. Yu. Russkii Yazyk v Aspekte Problem Lingvokulturologii [Russian Language in the Aspect of Linguoculturology Problems]. Simferopol: Dolya Publ., 2002. 392 p.
2. Gumilyov L. N. O Termine Etnos [The Term Ethnos]. Doklady Geograficheskogo Obshchestva SSSR, 1967, № 3.
3. Guseinova R. N. Natsionalnost i Rodnoi Yazyk: Problemy Samoidentifikatsii Molodezhi (po Materialam Assotsiativnogo Eksperimenta v Krymu) [Nationality and Native Language: Problems of Youth Self-Identification (Based on the Associative Experiment in Crimea)]. Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Simferopol: Filologicheskie Nauki Publ., 2017, Vol. 3 (69), № 2, pp. 57–66.
4. Guseinova R. N. Yazyk Kak Obyedinyayushchii Faktor (na Primere Krymskogo Regiona) [Language as a Unifying Factor (on the Example of the Crimean Region)].

- Russkii Yazyk v Polikulturnom Mire: II Mezhdunarodnyi Simpozium. Simferopol: ARIAL Publ., 2018, Vol. 1, pp. 23-27
5. Ozhegov S. I. Slovar Russkogo Yazyka [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Oniks Publ., 2006. 976 p.
 6. Konovalov V. N. Slovar po Politologii [The Dictionary on Political Sciences]. Rostov-na-Donu: RGU Publ, 2001. 285 p.
 7. Mikhalchenko V. Yu. Slovar Sotsiolingvisticheskikh Terminov [The Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow: Institut Yazykoznaniiya RAN Publ., 2006. 312 p.
 8. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya: Uchebnik dlya Vuzov [Ethnopsychology: a Tutorial for Higher Schools]. Moscow: Aspekt Press Publ, 2009. 368 p.
 9. Tavadov G.T. Etnologiya. Uchebnik dlya Vuzov [Ethnology. A Tutorial for Higher Schools]. Moscow: Proekt Publ, 2002. 352 p.
 10. Federalnaya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (accessed 13.09.2018).

ABOUT THE FEATURES OF ETHNOIDENTIFICATION PERSONALITY IN THE PERIOD OF GLOBALIZATION OF THE WORLD COMMUNITY

R. N. Guseinova

Summary. The article is dedicated to the problem of ethnic identification of an individual in the world globalization processes' conditions that cause changes in the structure of the earth's population. The factors affecting the self-determination of young people living in a multicultural community are considered and analyzed. Particular attention is paid to the language that influences and in many ways determines the formation of the national mentality. Also a small review of the types of ethnic formations with an emphasis on one of them – the nation, often identified with the other-nationality. Using the results of an associative experiment aimed at studying the peculiarities of the language consciousness of Russian speakers, the author has made an attempt to formulate the reasons that cause the youth of the Crimean region the difficulties they face in determining their own national identity. As examples, confirming a number of theses, the article uses the materials of the experiment-the word-reaction, that is, the association to the word-stimulus "nation." The author suggests that the rejection of ethnic identity is impossible even in the era of globalization, since national and cultural identity is an integral part of personal identification, which was confirmed by the intermediate results of the associative experiment.

Key words: globalization, national identity, associative experiment, Crimea, nation.

УДК 81.161.1

**СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО
СМЫСЛА «ВРЕМЯ» В ПУБЛИЦИСТИКЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИНФОРМАГЕНТСТВА «НЬЮС-ФРОНТ»)**

Калугина Т. В.

**РБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»,
Симферополь, Россия
E-mail: tvkalug@mail.ru**

Статья посвящена особенностям нерасчлененных и расчлененных средств выражения языкового смысла «время». Во главу угла ставится значение, передаваемое языковой единицей. К нерасчлененным средствам выражения относятся наречия времени, местоимения. К расчлененным средствам выражения – предложно-падежные формы; лексии; словосочетания, эквивалентные слову; фразовые номинанты. Категориальным значением языкового смысла «время» является соотношение момента речи с моментом или периодом действия. Языковыми категоризаторами выступают вопросительное местоимение *когда?*, вопросительные лексии *с каких пор?*, *до каких пор?*, *как долго?*. Ономаσιологические единицы, выражающие языковой смысл «время», могут использоваться в прецедентных высказываниях, подвергаться авторской рефлексии и трансформации, вступать в антонимические отношения. Для публицистического стиля характерны оппозиции «прошлое – настоящее», «прошлое – будущее», «настоящее – будущее». Для публицистики наиболее характерным является деление времени на отрезки по периодам правления руководителей государства или десятилетиям, обозначенным порядковыми именами прилагательными с эллипсисом компонента *годы*. Прагматическая значимость выражаемого языкового смысла подчеркивается вводными и вставными конструкциями, графическим выделением (жирным шрифтом или заглавными буквами).

Ключевые слова: ономаσιология, языковой смысл, время, категориальное значение языкового смысла, публицистика.

ВВЕДЕНИЕ

К перспективным направлениям языкознания относится ономаσιологическое, позволяющее приоткрыть завесу над тайной восприятия и отражения окружающей действительности в человеческом сознании. Концепция языкового дейксиса изложена в работах Н. Ю. Шведовой и А. С. Белоусовой, в которых изложена теория языковых смыслов [9; 10]. По мнению Евдокии Николаевны Сидоренко, «именно эта теория ... при ее дальнейшем развитии и углублении поможет объединить традиции и инновации, позволит в большей степени выявить антропоцентрический характер самого языка, определит стратегическое направление лингвистики на ближайшее время» [7, с. 7–8].

Проф. Е. Н. Сидоренко в монографии «Языковые смыслы и ономаσιологические средства их выражения» (2008) предложила теорию языковых смыслов, описывающую расчлененные и нерасчлененные единицы наименования, ввела термины «ономаσιологический ряд», «категориальное значение языкового смысла» и другие [7].

В теории Н. Ю. Шведовой под языковым смыслом понимается самое общее понятие, означенное местоименным исходом и его сегментами и в границах создаваемого им пространства материализующееся посредством семантических языковых множеств, по самой своей природе обращенных к этому пространству [9, с. 49].

З. Д. Попова пишет: «Если уже стало общепринятым признание первичности мыслительных процессов, постепенно находящих свою вербализацию в языке, то факт работы человеческого мышления с уже имеющимися в его языковом сознании акустическими образами еще специально не постулировался и не изучался. Существование когнитивных процессов, выполняемых с языковыми знаками и приводящих к появлению новых концептов, на наш взгляд, важнейший вывод из теории языковых смыслов» [6, с. 52].

Л. В. Бортэ определяет категорию времени следующим образом: «Отсчет события, связанный с характером его протекания, выражающийся в порядке следования событий (смене фаз) или в продолжительности существования, – это время» [1, с. 316].

В нашей статье поставлена *цель* – рассмотреть семантические и прагматические особенности ономаσιологических средств выражения языкового смысла «время» в публицистике.

Роль языковых смыслов в организации текста Н. Ю. Шведова характеризует так: «Смысловые категории языка (языковые смыслы) существуют вне текста – как некий круг абстракций – и в тексте – как данности, организующие его содержание и, в то же время, подчиняющиеся законам его строения» [9, с. 35]. Рассматривая роль языковых смыслов в организации высказывания, она приходит к выводу о том, что в любом высказывании (в широком понимании этого термина), мы всегда находим

обязательное присутствие тех или иных языковых смыслов, их соположений и комбинаций, на которые опирается содержание сообщения [9, с. 37].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

При выражении языкового смысла «время» используются как нерасчлененные, так и расчлененные средства выражения. К нерасчлененным относятся наречия времени, местоимения. К расчлененным – предложно-падежные формы; лексии; словосочетания, эквивалентные слову; фразовые номинанты.

Категориальным значением языкового смысла «время» является соотношение момента речи с моментом или периодом действия. Языковыми категоризаторами выступают вопросительное местоимение *когда?*, вопросительные лексии *с каких пор?*, *до каких пор?*, *как долго?*

Для публицистики характерна рефлексия над временем как философской категорией. В этом случае присутствуют оппозиции «прошлое – настоящее», «прошлое – будущее», «настоящее – будущее», которые зачастую входят в антонимические отношения. Триада «прошлое – настоящее – будущее» встречается гораздо реже.

Оппозиция «прошлое – будущее» может выражаться наречиями, образованными на базе имен существительных с префиксом *в*: *впредь*, *встарь*. Наречие *впредь* является исконным сращением предлога *въ* и формы винительного падежа единственного числа имени существительного «прѣдь» в значении «передняя часть», заимствованного из старославянского языка. Наречие *встарь* является сращением предлога *въ* и формы винительного падежа единственного числа имени существительного «старь» в значении «старина». Они обозначают отнесенность к прошедшему или будущему времени, которые противопоставлены. Например, сравнивая между собой прошедший и будущий исторический периоды, журналист делает опору не только на временную соотнесенность предикатов, но и на семантику наречий времени, связанных с этими предикатами. При этом он проводит параллель между этими периодами, отождествляя их по признаку «мифологичности»: *Именно из этой среды выходили ранее и будут выходить **впредь** легенды о великой*

украинской нации, которая миллион лет назад построила блестящую цивилизацию, но пала жертвой агрессивных угро-финских москалей, которые само русское имя у украинцев украли (<http://news-front.info/2016/04/26/oni-nikogda-ne-budut-russkimi-rostislav-ishhenko/>).

Оппозиция «настоящее – будущее» выражается при помощи предложно-падежной формы в будущем и наречия *сегодня*: *С учетом того, что экономические и военно-стратегические возможности США имеют объективную и явно необратимую тенденцию к сокращению, Вашингтон в обозримом будущем будет нуждаться не столько в мировом хаосе, который он насаждает сегодня, сколько в сильных, энергичных и достаточно благонадежных партнерах для поддержания мировой стабильности* (<http://news-front.info/2016/06/20/putin-i-tramp-roxozhe-nashli-konsensus-yurij-selivanov/>).

Антонимичные пары наречий в сравнительной степени *ранее, раньше – позднее, позже* становятся ономаσιологическим признаком для наречий *пораньше – попозже*. Если вернется **пораньше** — то по образцу Финляндии (внеблоковая, с приемлемым уровнем жизни населения и без военной угрозы для РФ). Если **попозже** — то по типу Мексики (нищая, но безопасная) (<http://news-front.info/2016/04/24/proyasnyаем-strategiyu-rossii-v-otnoshenii-ukrainy-4-shaga-evgenij-yushhuk/>).

Кроме того, выделяется оппозиция «наше / свое – не наше / чужое» время. Говорящий оценивает время по своей личной соотнесенности с ним, по включенности / невключенности во время. Под «нашим» в этом случае говорящий понимает время своей молодости, которое несет позитивную семантику.

Выделим также оппозицию «неопределенное / определенное, абстрактное / конкретное время»: *Эта правда народного подвига была нужна не когда-нибудь, а конкретно — зимой сорок первого, «здесь и сейчас», просто потому что она воодушевила на победу миллионы бойцов* (<http://news-front.info/2016/03/24/pravda-istorii-ne-stoyashhaya-vyedenogo-yajca-yurij-selivanov/>). На примере фразеологического сочетания *здесь и сейчас* мы видим вербализацию тесной взаимосвязи категорий времени и пространства.

Историческое время (период) обозначается конструкциями *в какие годы, в девяностые, в нулевые, во времена кого-либо*. Ономасиологическим эквивалентом *во времена* является словосочетание *во времена правления кого-либо* или *при ком-то*. Для публицистики значимыми являются периоды правления Генеральных секретарей Коммунистической партии Советского Союза: Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева, а также период президентства Ельцина. В таких случаях ономасиологическим признаком, положенным в основу расчлененной языковой единицы. Периоды времени могут быть привязаны к ключевым событиям: до/после выборов, до/после перехода Республики Крым в состав РФ, до/после Великой Отечественной войны и т.д.

Языковой смысл «время» в публицистике могут обслуживать местоимения разных разрядов: вопросительные, отрицательные, обобщающе-выделительные, неопределенные, указательные. При этом они дополнительно могут подвергаться языковой рефлексии. Например, вопросительное местоимение *когда* автор дополнительно графически выделяет прописными буквами. Кроме того, противопоставление условия и времени вносит дополнительно смысл неизбежного в будущем события. Задавая вопрос читателям, когда украинцы поддержат новый майдан, автор дополнительно при помощи усилительной частицы *именно* делает акцент на обозначении времени как неизбежного будущего: *Именно не «если», а КОГДА* (<http://news-front.info/2016/02/22/vstavaj-ukrop-majdan-prishyol-dmitrij-molchanov/>). Кроме частиц, с такой же целью автор может прибегнуть к усилению при помощи вставного предложения. Например, комментируя агитационное заявление премьера Украины, журналист использовал вставную конструкцию с глаголом *подчеркиваю*: *Премьер, агитируя своих сограждан проголосовать 6 апреля «за», тем не менее, заявил, что Украина **никогда (подчеркиваю, никогда!) не будет в Евросоюзе*** (<http://news-front.info/2016/04/01/shest-dnej-do-referenduma-v-niderlandax-faktor-straha-i-nikогда-ot-ryutte-vladimir-kornilov/>).

К традиционным средствам выражения языкового смысла «время» относятся наречия времени разных способов образования. Рассмотрим группу наречий, функционально омонимичных именам существительным *утром, днем, вечером,*

осенью, зимой, весной, летом. Как отмечает И. Н. Литвин, наречия *весной, зимой, утром, вечером, вверху, внизу* используют для обозначения времени или пространства ситуации знаки той же семантики, но другого грамматического статуса. «Сохранение исходной позиции у мотивированных наречий происходит на основе семантики падежной или предложно-падежной формы имени существительного, транспонированной в ономаσιологический базис деривата» [5, с. 8].

Определение частеречного статуса данных лексем представляет собой научно-методическую проблему. Одним из критериев разграничения имен существительных *зимой, весной, летом, осенью, утром, днем, вечером* и наречий является наличие зависимых слов. Данные лексемы квалифицируются как имена существительные, если у них есть зависимые слова, например: *Крым весной 2014 года: так Украина «опоздала» или проиграла?* (<https://news-front.info/2018/01/28/krym-vesnoj-2014-goda-tak-ukraina-opozdala-ili-proigrala/>). К имени существительному *весной* относится несогласованное определение *2014 года*. Данная словоформа является Творительным падежом имени существительного и сохраняет падежную парадигму. Сравним: *весна 2014 года, весны 2014 года*. Наречия данной группы утрачивают падежную парадигму и способность управлять именем существительным или количественно-именным сочетанием.

В публицистике мы можем найти эти наречия в трансформированном прецедентном высказывании. Проанализируем прецедентное высказывание *Утром деньги – вечером стулья*, так как прецедентность данного высказывания очень высокая. В романе «Двенадцать стульев» она звучит следующим образом: – *Деньги вперед, – заявил монтер, – утром – деньги, вечером – стулья или вечером – деньги, а на другой день утром – стулья* (3, с. 255). В фильме «Двенадцать стульев» она приводится в измененном виде: *Утром деньги – днем стулья, днем деньги – вечером стулья, вечером деньги – ночью стулья, ночью деньги – утром стулья*. Фраза используется как требование предоплаты за оказание услуг. Применялась в рекламном дискурсе, например, в рекламе слабительного *Утром гутасил – вечером стул*.

В публицистике данная фраза переосмысливается под конкретную политико-экономическую ситуацию. Например, она является заголовком статьи А. Гуркова «Утром – реформы, вечером – деньги», посвященной немецким инвесторам. В последнем абзаце данное высказывание раскрывается автором: *«Так что просто легковерно давать деньги немецкие инвесторы не станут. А вот в подлинной приватизации и настоящей модернизации участвовать будут с удовольствием. Так что утром – реформы, вечером – деньги. Наоборот уже не получится. Если реформы будут вечером, значит, деньги дадут лишь на следующее утро»* (<https://inosmi.ru/russia/20091022/156396766.html>). В исследуемом материале проводится параллель между требованиями Нуланд к Украине и требованиями персонажа романа к главному герою: *Виктория Нуланд практически дословно процитировала диалог Остапа Бендера с монтером Мечниковым: «Утром реформы – вечером деньги, вечером реформы – утром деньги»* (<http://news-front.info/2016/04/27/otravlennye-pechenki-nuland-aleksandr-yablokov/>).

Широко представлена в публицистическом тексте также функциональная омонимия, которая устанавливается при утрате функциональной нагрузки наречий. Например, наречие – предлог *после*; наречие – предлог *следом*; наречие – союз *пока*: *А не заслуга ли Церкви в том, что в Украине не пролилось – пока – большей крови?* (<http://news-front.info/2016/06/02/u-poroshenko-gotovyat-dokumeny-po-priznaniyu-upc-ugrozoj-nacionalnoj-bezopasnosti-ukrainy-vyacheslav-pixovshek/>). Наречие выделено при помощи тире, что дает возможность читателю прогнозировать возможность события.

Ономасиологическим признаком наречия *только-только* является повтор основы, который усиливает значение недавно прошедшего времени.

Наречия *сегодня* и *вчера* употребляются в публицистике в значении «настоящее время – прошедшее время». *Проблемы там возникли не сегодня и не вчера* (<http://news-front.info/2016/03/30/sergej-glazev-ssha-idut-po-puti-razvyazyvaniya-mirovoj-vojny/>).

Наряду с нерасчлененными средствами выражения используются расчлененные. Одним из основных является предложно-падежная форма. При этом важную роль

играет вопрос об объеме и критериях объективации предлогов, который является спорным в связи с тем, что препозиционализация является живым, незавершенным процессом. Мы вслед за Майей Владимировной Всеволодовой используем широкое понимание предлогов с опорой на их функциональную нагрузку. Ономасиологическим эквивалентом наречий *осенью, зимой, весной* выступают сочетания предлога *по* с дательным падежом имен существительных: *по осени, по зиме, по весне*. Помимо широко представленных традиционных предлогов *в, к, под, до*, активно используются новейшие производные предлоги, например, *в перспективе*: *Таким образом, в перспективе этот путь означает системный тупик и угасание для России* (<http://news-front.info/2016/04/26/otkuda-berutsya-nebratya-yurij-selivanov/>).

В публицистической речи высокую активность демонстрируют новейшие производные предлоги *в преддверье / в преддверии* в значении *накануне*: *В преддверье выборов страсти накаляются, зачастую полностью игнорируя национальные интересы* (<http://news-front.info/2016/04/16/saudity-protiv-ssha-nozh-v-spinu-za-750-milliardov-dollarov-aleksandr-rodzhers/>).

Широко представлен предлог *в ходе*, заимствованный из официально-делового стиля: *При этом надо учитывать, что уже сейчас в ходе «политических дискуссий» основным аргументом противостоящих политиков (не озвучиваемым публично, но от этого не менее действенным) является количество реальных стволов, которые конкретный политик может бросить на чашу весов* (<http://news-front.info/2016/05/26/ukraina-nadezhdy-i-realnost-rostislav-ishhenko/>). По отношению к официальным мероприятиям в публицистическом стиле этот предлог является маркированным языковым средством.

Предложно-падежные сочетания могут фразеологизироваться, например, *на носу, на заре*. При этом *на носу* имеет значение ближайшего события с негативным оттенком, поэтому журналисты его используют, когда необходимо рассказать о негативном прогнозе, например, после выхода Великобритании из Евросоюза — Брекзите: *в Британии на носу свой референдум о выходе из Евросоюза* (<http://news-front.info/2016/04/05/ukraina-sozdayot-v-evrope-kontinentalnyj-krizis/>).

Публицистика, как близкий к разговорному языку стиль, отражает некоторые его черты при обозначении времени, например, в сочетаниях предлога *на* с наречиями *потом*, *после*, *сегодня* или даже с предложно-падежным сочетанием: *Мечты о новом премьере и правительстве отложены на потом* (<http://news-front.info/2016/02/23/zvuk-iz-pod-kievskogo-kovra-pat-yakov-rud/>). Такой же разговорной чертой является использование конструкции *где-то в районе* по отношению к неопределенному периоду времени: *Поэтому наиболее опасный, с точки зрения возобновления полномасштабных боевых действий, период должен наступить где-то в районе третьего-четвёртого месяца после назначения нового правительства* (<http://news-front.info/2016/04/14/donbass-i-vinnickaya-mafiya-rostislav-ishhenko/>).

Еще одним расчлененным средством наименования времени являются лексии – словарные единицы во всей совокупности своих форм и значений, состоящие из двух и более компонентов, составляющих семантическое и грамматическое целое; «составные» слова как структурный элемент языка [8, с. 98]: *когда угодно*, *неизвестно когда*, *невесть когда*, *только что*. Наречие *с минуты на минуту*, образованное на базе предложно-падежных сочетаний, мы также относим к расчлененным средствам выражения языкового смысла – лексиям. *«Я ожидаю, что в течение нескольких часов (а почему не с минуты на минуту? — авт.) новая коалиция в украинском парламенте появится и предложит новую кандидатуру на должность премьер-министра»* (<http://news-front.info/2016/04/03/zachem-poroshenko-ustroil-klounadu-na-sammite-dmitrij-pskezin/>).

Вопрос об эквивалентности языковых единиц не является решенным в настоящее время. Время может быть обозначено словосочетаниями с базовыми лексемами *время*, *пора*, *момент*, *час*. На базе лексемы *время* формируются словосочетания *в нужное время*, *в данное время*, *в последнее время*, *в настоящее время*, *в свое время*, *в скором времени*. На базе лексемы *момент* формируются словосочетания *в какой-то момент*, *в критический момент*, *в некий момент*, *в нужный момент*, *в решающий момент*, *в любой момент*, *на данный момент*.

К этой же группе словосочетаний с опорным компонентом *час* относится фразеологизированное сочетание *в час икс* со значением «неизвестное время». Чтобы обозначить прагматическую нетипичность данной языковой единицы, в этом же сочетании журналист использует кавычки как средство дополнительного выделения смысла: ***В час «икс» бандеровцев, вооруженных гражданским оружием (двустволки, карабин «Сайга»), планировалось задействовать против «российских оккупантов»*** (<http://news-front.info/2016/04/03/yarosh-chochet-prevratit-ukrainu-v-zonu-ato-yurij-sergeev/>).

В отдельных случаях можно говорить о синкретизме языковых смыслов «время» и «место». Например, сочетание *на отрезке исторического времени* сформировано на базе предложно-падежной формы *на отрезке*, обозначающей языковой смысл «место», но имеет значение протяженного времени, а не места: ***Но они его взяли и на том отрезке исторического времени со своей задачей справились*** (<http://news-front.info/2016/05/05/oni-xotyat-vojnny-oni-eyo-poluchat-yurij-selivanov/>).

К расчлененным средствам выражения языкового смысла «время» относятся фразовые номинанты (по терминологии Е. Н. Сидоренко и других). Фразовые номинанты дают субъективную модель наименования действительности и строятся в виде придаточных предикативных единиц. Могут выступать как в сочетании с соотносительными словами, так и самостоятельно. Они представляют собой окказиональное название, развернутое в предикативную единицу по отношению к главной части [4, с. 253]. По мнению А. А. Бурова, фразовая номинация представляет собой особую форму номинации, которая возникает на базе придаточных. Специфика такого типа номинации заключается в динамическом равновесии с предикативным планом в составе полипредикативной единицы [2, с. 58]. В публицистике, как и в разговорной речи, фразовые номинанты используются активно и могут вступать в отношения однородности с другими средствами номинации – словосочетаниями, предложно-падежными формами, что определяется общностью их номинативной базы. Например, рассуждая о присоединении Крыма к России, автор в одном синтаксическом ряду использует разнородные языковые единицы – предложно-падежные формы и фразовые номинанты, опираясь на общность выражаемого ими

языкового смысла «время»: ... *в любой момент* *постсоветской истории, включая самые темные дни поражений в Чечне, или во время бомбардировок Югославии, или когда Виктор Ющенко возмущался из-за участия кораблей Черноморского флота в умиротворении Грузии в 2008 году* (<http://news-front.info/2016/02/06/stalina-bez-gitlera-ne-byvaet-anton-krylov/>).

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно сделать вывод о том, что средства выражения языкового смысла «время» в публицистике наиболее близки к средствам выражения языкового смысла «время» в разговорном стиле языка и отражают ряд его черт: могут использоваться в прецедентных высказываниях; подвергаются авторской рефлексии, вступают в антонимические отношения. Время может члениться на отрезки по периодам правления или десятилетиям, обозначенным порядковыми именами прилагательными с эллипсисом компонента *годы*, а также на периоды правления руководителей государства. Местоименные категоризаторы – вопросительное местоимение *когда* и вопросительные местоименные лексии *с каких пор до каких пор? как долго?* – выступают смысловым исходом языкового смысла «время». Нерасчлененными средствами выражения являются наречия времени (*впредь, встарь, ранее, раньше, позднее, позже* и др.) и местоимения (*когда?, когда-то, тогда* и др.), а расчлененными – предложно-падежные формы (с предлогами *в, до, под, при, в преддверии, в преддверье, спустя, накануне, в ходе, на заре, во времена*); лексии (*с минуты на минуту, неизвестно когда, невесть когда, когда угодно*); словосочетания, эквивалентные слову (*на следующий день, на данный момент, в час икс*); фразовые номинанты (*тогда, когда...*). К перспективам исследования относится выяснение прагматической нагрузки онимов, формирующих исторические отрезки времени, и их роль в языковой картине мира русского народа.

Список литературы

1. Бортэ, Л. В. Концепты «время» и «пространство» в общенаучной интерпретации. Особенности их проявления в языке [Текст]/ Л. В. Бортэ // XII конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и литература во времени и пространстве». – Под ред. Вербицкой Л. А., ЛюЛиминя, Юркова Е. Е. Том 1. – Шанхай, 2011. – С. 313–317.
2. Буров, А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке [Текст]/ А. А. Буров. Под ред. д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь – Пятигорск : Изд-во Ставропольского государственного университета, 2012. – 400 с.
3. Ильф, И. А. Двенадцать стульев. Золотой теленок [Текст] / И. А. Ильф, Е. П. Петров. – Николаев : Академия, 1994. – 599 с.
4. Калугина, Т. В. Реализация языкового смысла «образ, способ и качественная характеристика процесса» в произведениях К. Г. Паустовского [Текст]/ Т. В. Калугина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Том 24(63) №1. Часть 1. – С. 249–254.
5. Литвин, И. Н. Мотивация русских отсубстантивных наречий в когнитивно-ономасиологическом аспекте :автореф. дисс. ... к.ф.н. по спец. 10.02.02 – русский язык [Текст]/ И. Н. Литвин. – К., 2002. – 17 с.
6. Попова, З. Д. Формирование языковых смыслов как когнитивный процесс [Текст]/ З. Д. Попова // Значение. Смысл. Концептосфера. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 50–52.
7. Сидоренко, Е. Н. Языковые смыслы и ономасиологические средства их выражения [Текст]: [монография] / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь :Крымчупедгиз, 2008. – 128 с.
8. Сидоренко, Е. Н. Введение в теорию языковых смыслов [Текст]: учебное пособие / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымчупедгиз». – 2014. – 162 с.

9. Шведова, Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства [Текст]/ Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.
10. Шведова, Н. Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий [Текст]/ Н. Ю. Шведова, А. С. Белоусова; Российская академия наук. Отделение литературы и языка. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – 120 с.

References

1. Borte L. V. *Kontsepty «Vremya» i «Prostranstvo» v Obshchenauchnoi Interpretatsii. Osobennosti Ikh Proyavleniya v Yazyke* [The Concepts of Time and Space in the General Scientific Interpretation. Features of Their Manifestation in Language]. *XII Congress Mezhdunarodnoi Assotsiatsii Prepodavatelei Russkogo Yazyka i Literatury «Russkii Yazyk i Literatura vo Vremeni i Prostranstve»*. Shankhai, 2011, pp. 313–317.
2. Burov A. A. *Substantivnaya Sintaksicheskaya Nominatsiya v Russkom Yazyke* [Substantive Syntactic Nomination in the Russian Language]. Stavropol–Pyatigorsk: Stavropolskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 2012. 400 p.
3. Ilph I. A., Petrov Ye. P. *Dvenadtsat Stulyev. Zolotoi Telenok* [Twelve Chairs. Golden Calf]. Nikolaev: Akademiya Publ., 1994. 599 p.
4. Kalugina T. V., *Realizatsiya Yazykovogo Smysla «Obraz, Sposob i Kachestvennaya Kharakteristika Protsessa» v Proizvedeniyakh K. G. Paustovskogo* [Realization of Language Sense Manner, Mode and Qualitative Characteristic of Process in Works by K. G. Paustovskiy]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsialnye Kommunikatsii»*. 2011, Vol. 24 (63), no. 1, Part 1, pp. 249–254.
5. Litvin I. N. *Motivatsiya Russkikh Otsubstantivnykh Narechii v Kognitivno-Onomasiologicheskom Aspekte : Avtoref. Diss. ... Kand. Filol. Nauk. 10.02.02 – Russkii Yazyk* [Motivation of Russian Substantive Adverbs in Cognitive-Onomasiological Aspect]. K., 2002. 17 p.

6. Popova Z. D. *Formirovanie Yazykovykh Smyslov kak Kognitivnyi Protsess* [Formation of Language Meanings as a Cognitive Process]. Voronezh: Istoki Publ., 2009, pp. 50–52.

7. Sidorenko E. N. *Yazykovye Smysly i Onomasiologicheskie Sredstva ikh Vyrazheniya* [Language Meanings and Onomasiological Means of Their Expression]. Simferopol: Krymuchpedgiz Publ., 2008. 128 p.

8. Sidorenko E. N. *Vvedenie v Teoriyu Yazykovykh Smyslov* [Introduction to the Theory of Language Meanings]. Simferopol: Krymuchpedgiz Publ., 2014. 162 p.

9. Shvedova N. Yu. *Mestoimenie i Smysl. Klass Russkikh Mestoimanii i Otkryvaemye Imi Smyslovye Prostranstva* [Pronoun and Meaning. The Class of Russian Pronouns and the Semantic Spaces They Open]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1998. 176 p.

10. Shvedova N. Yu., Belousova A. S., *Sistema Mestoimanii kak Iskhod Smyslovogo Stroeniya Yazyka i Ego Smyslovyykh Kategorii* [System of Pronouns as an Outcome of Semantic Structure of Language and Its Semantic Categories]. Moscow: Institut Russkogo Yazyka Publ., 1995. 120 p.

**SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE IMPLEMENTATION
OF THE LANGUAGE MEANING *TIME* IN PUBLICISM
(ON MATERIALS OF NEWS AGENCIES *NEWS-FRONT*)**

T. V. Kalugina

Summary. The article is devoted to the peculiarities of undifferentiated and dismembered means of expressing the linguistic meaning *time*. The focus is on the value transmitted by the language unit. The undifferentiated means of expression are adverbs of time, pronouns. The dissected means of expression are prepositional-case forms, lectures, phrases, equivalent words, phrasal nominees. The categorical meaning of the language meaning *time* is the ratio of the moment of speech with the moment or period of action. Language categorizers are the interrogative pronoun *when?*, question lectures *since when? until when? how long?*. Onomasiological units expressing the language meaning of "time" can be used in precedent statements, subjected to the author's reflection and transformation and enter into antonymic relations. The opposition "past – present", "past – future", "present – future" are typical for the journalistic style. Time can be divided into segments by periods of government or decades, marked by ordinal adjectives with the ellipsis of the years component, as well as for the periods of government of the heads of state. The pragmatic significance of expressing linguistic meaning emphasizes the introductory and plug-in designs, graphical highlighting (in bold or capital letters).

Keywords: onomasiology, language sense, time, categorical meaning of language sense, publicism.

УДК 81-139

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТОВ ВО ФРАНЦИИ (ЭЛЕКТРО-АКУСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Лагутина А. В.

Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия
lagutinaav@mail.ru

Настоящая статья посвящена описанию результатов электроакустического анализа текстов – отрывков из выступлений кандидатов в президенты Франции в ходе предвыборных кампаний 2012 и 2017 годов с целью выявления их фоностилистических особенностей на супraseгментном уровне. Задачей указанного эксперимента является проверка нашего предположения об особом интонационном выделении с помощью основных просодических характеристик (частоты основного тона, интенсивности, длительности и паузации) семантики изучаемого материала, выраженной лексическими единицами и стилистическими приемами, которые образуют два противопоставленных друг другу семантических комплекса, составляющих основу реплик предвыборных теледебатов. В работе представлена таблица, включающая результаты обработки акустических данных, полученных с помощью программного обеспечения Praat. На примере одного отдельно взятого отрывка продемонстрирован ход нашего электро-акустического анализа, включающего в себя вычисление отклонений от средних величин основных акустических параметров, которыми характеризуются слова, входящие в состав изучаемых нами лексико-семантических комплексов. Результаты, полученные в ходе инструментального анализа подтверждают наше предположение об особом интонационном маркировании текстов исследовательского материала, что может служить основанием для отнесения указанного пласта лексики к определенному фонетическому стилю.

Ключевые слова: инструментальный анализ, просодическое оформление, интонационное выделение, фоностилистические особенности, супraseгментный уровень, теледебаты.

ВВЕДЕНИЕ

Предвыборные теледебаты являются эффективным инструментом выявления позиции, программы, взглядов кандидатов на пост главы государства. Данный способ дискуссии считается одним из самых объективных, т.к. позволяет аудитории сделать осознанный выбор, основываясь на мнении, сложившемся в ходе прений политиков.

С целью воздействия на электорат ораторы во время теледебатов прибегают к лингвистическим и экстралингвистическим средствам. Этим объясняется необходимость всестороннего анализа предвыборных теледебатов. Поэтому в процессе осуществленного нами исследования выборка текстов, состоящая из 30 отрывков выступлений кандидатов в президенты Франции в ходе кампаний 2012 и 2017 годов, была подвергнута комплексному изучению.

Целью указанной статьи является описание одного из этапов комплексного исследования – электроакустического анализа, в ходе проведения которого была проверена правильность выводов и заключений, сделанных по итогам сопоставления результатов следующих видов анализа: стилистического, лексико-семантического с элементами психолингвистического и акустического.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Данный эксперимент проводился с помощью программного обеспечения Praat, которое позволяет рассчитать абсолютные величины основных акустических характеристик речи.

После расшифровки отобранных нами звуковых файлов были подсчитаны значения по четырем просодическим характеристикам речи: частоте основного тона (ЧОТ), длительности, интенсивности (амплитуде звукового давления) и паузации.

Частота основного тона (ЧОТ) является одной из базовых акустических характеристик. По мнению Л.П. Блохиной и Р.К. Потаповой, частотные показатели «выступают в качестве ведущих в общем комплексе акустических параметров»

[1, с. 4].

Средний уровень ЧОТ был определен по каждому тексту в отдельности (в гц) с использованием формулы [1, с. 15]:

$$\text{ЧОТ ср} = \frac{\sum \text{ЧОТ без.сл.}}{n}$$

где ЧОТ без. сл. – сумма значений ЧОТ всех безударных слогов,

n – количество безударных слогов,

ЧОТ ср. – средний частотный уровень. Данный показатель является нормирующей единицей, используемой для перевода абсолютных величин (гц) в относительные.

Нормирование заключалось в соотношении показателя наибольшего частотного уровня на том или ином исследуемом слове или объединенной одним смыслом группе слов со средним.

Одной из важных просодических характеристик звучащей речи является длительность. С целью получения наиболее стабильных данных нами было также проведено нормирование полученных абсолютных значений. Единицей нормирования в нашей работе является средnezвуковая длительность, вычисляемая по формуле [4, с. 97]:

$$t_{\text{ср.}} = \frac{\sum t_{ph}}{n},$$

где $t_{\text{ср.}}$ – средnezвуковая длительность,

$\sum t_{ph}$ – суммарная длительность реально артикулируемых звуков,

n – количество артикулируемых гласных звуков.

Процедура нормирования заключалась в соотнесении анализируемых значений длительности (в мсек) со средnezвуковой длительностью по каждому тексту в отдельности.

Интенсивность (звуковое давление) представляет собой выделительную характеристику речи. Процесс измерения нормирования данного показателя происходил по формуле [4, с. 99]:

$$W_{\text{ср.}} = \frac{\sum W_{ph}}{n},$$

где $W_{\text{ср.}}$ – средний уровень звукового давления,

$\sum W_{ph}$ – суммарная интенсивность гласных и сонантов,

n – количество произносимых гласных и сонантов.

Средний уровень интенсивности принимается за нормирующую единицу, отношение к которой было высчитано для всех анализируемых показателей звукового давления по каждому отдельно взятому тексту.

В ходе указанного исследования мы обращаемся к анализу дополнительного способа выделения лексики – паузации и выделяем внутрифразовые паузы, расположенные внутри синтагмы, и межфразовые паузы, которые встречаются на конце законченных смысловых единиц. Данные, полученные в абсолютных величинах (мсек), подвергались соотнесению длительности отдельно взятой паузы с нормирующей единицей. Вычисления выполнялись по формуле [4, с. 101]:

$$P_{\text{ср.}} = \frac{\sum P}{n},$$

где ΣP – суммарная длительность межфразовых (внутрифразовых) пауз,

n – количество межфразовых (внутрифразовых) пауз,

$P_{\text{ср}}$ – среднепаузальная длительность, принятая за единицу нормирования.

Подсчеты проводились по каждому тексту в отдельности.

Необходимо отметить, что большинство исследователей выделяют две или три градации в длительности паузы: короткая и длинная или короткая, длинная и средняя пауза. Чаще всего короткая и длинная паузы встречаются в стилистически окрашенной речи [2].

Далее нами было осуществлено вычисление отклонений от средних величин основных акустических параметров, которыми характеризуются слова, входящие в состав рассматриваемых нами лексико-семантических комплексов.

На примере одного из исследуемых текстов изложим ход осуществленного инструментального анализа.

Moi, président de la République, je ferais en sorte que les partenaires sociaux puissent être considérés aussi bien les organisations professionnelles que les syndicats et que nous puissions avoir régulièrement une discussion pour savoir ce qui relève de la loi, ce qui relève de la négociation. Moi, président de la République, j'engagerais de grands débats, on évoquerait celui de l'énergie. Et il est légitime qu'il puisse y avoir sur ces questions-là, de grands débats citoyens. Moi, président de la République, j'introduirais la représentation proportionnelle pour les élections législatives, pour les élections non pas celle de 2012, mais celle de 2017, parce que je pense qu'il est bon que l'ensemble des sensibilités politiques soient représentées. Moi, président de la République, j'essaierais d'avoir de la hauteur de vue pour fixer les grandes orientations, les grandes impulsions. Mais en même temps je ne m'occuperais pas de tout et j'aurais toujours le souci de la proximité avec les Français. J'avais évoqué une présidence normale, rien d'anormal, quand on est président de la République, puisque les conditions sont exceptionnelles. Le monde traverse une crise majeure en tout cas l'Europe. Il y a des conflits dans le monde sur la planète d'où l'enjeu de l'environnement, du réchauffement climatique bien sûr que le président doit être à la hauteur de ces sujets-là, mais il doit aussi être proche du peuple, être capable de le comprendre.

Представим в виде таблицы результаты обработки акустических данных (Таблица 1). В первом столбце перечислены рассматриваемые лексические единицы семантических комплексов. Жирным шрифтом были выделены ядерные лексемы указанных комплексов. Во втором столбце представлено изменение частоты основного тона (повышение или понижение) на определенном слове по отношению к средней величине. В третьем столбце отмечены колебания звукового давления. В четвертом столбце приведены данные отношения звуковой длительности к нормирующей величине. В пятом – результаты соотношения длительности каждой паузы с нормирующей единицей. Все полученные данные демонстрируются в относительных единицах.

Таблица 1

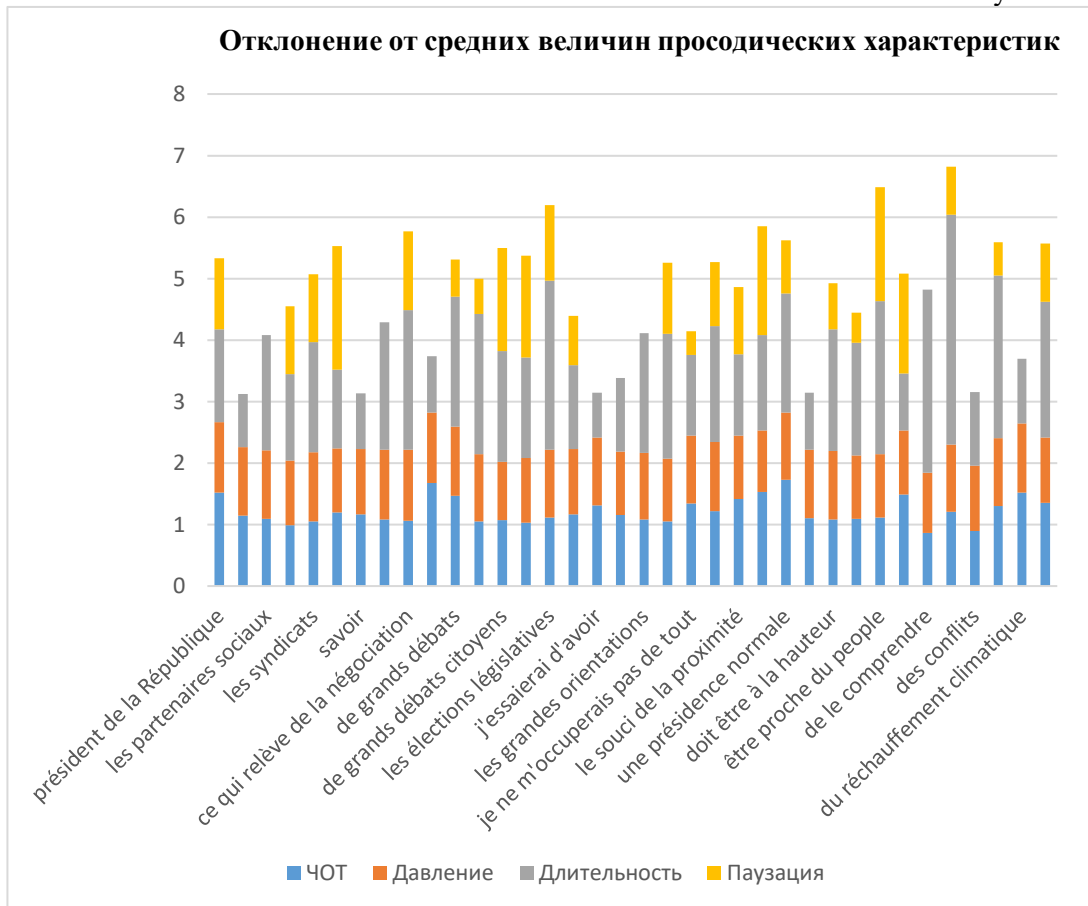
Отклонение от средних величин просодических характеристик

Лексические единицы	ЧОТ	Давление	Длительность	Паузация
président de la République	1,51982019	1,140426256	1,517731943	1,148739098
moi	1,141011731	1,117157437	0,862597072	0
les partenaires sociaux	1,094144184	1,110967741	1,878053299	0
les organisations professionnelles	0,988552875	1,054905873	1,397626707	1,10682704
les syndicats	1,056615685	1,118353988	1,790701983	1,10682704
une discussion	1,196035235	1,042528004	1,277515824	2,01109784
savoir	1,164173693	1,065959629	0,90627273	0
ce qui relève de la loi	1,081147016	1,134459749	2,072346164	0
ce qui relève de la négociation	1,059885105	1,153696408	2,27113987	1,280446675
président de la République	1,673951704	1,150312518	0,917188821	0
de grands débats	1,464181032	1,124979867	2,118275066	0,60617587
il est légitime	1,056597615	1,09025243	2,282061608	0,562770961
de grands débats citoyens	1,072599463	0,949861285	1,801629369	1,676830282

la représentation proportionnelle	1,031782688	1,046921872	1,638096952	1,656454183
les élections législatives	1,110002119	1,11047722	2,740656018	1,228312893
l'ensemble des sensibilités politiques	1,170285486	1,059636399	1,36486714	0,80299268
j'essaierai d'avoir	1,315740365	1,098822472	0,73156445	0
fixer	1,160324822	1,028262889	1,190164508	0
les grandes orientations	1,086649999	1,078238015	1,943566787	0
les grandes impulsions	1,048180047	1,02568108	2,028670506	1,150231949
je ne m'occuperais pas de tout	1,343170287	1,106712439	1,310269744	0,383411897
j'aurai toujours	1,220281929	1,1243836	1,878053299	1,041721548
le souci de la proximité	1,416291918	1,031919985	1,321191482	1,092358737
avec les Français	1,526406788	1,002561642	1,54823262	1,772372714
une présidence normale	1,732762911	1,084637863	1,943572434	0,860865891
le président	1,105017177	1,113746905	0,928110559	0
doit être à la hauteur	1,079111126	1,122309348	1,969741686	0,74873748
de ces sujets-là	1,09255147	1,027735857	1,833253843	0,495540309
être proche du peuple	1,111946168	1,032180136	2,48951816	1,851201954
être capable	1,491653392	1,039071283	0,92264969	1,624071674
de le comprendre	0,862141643	0,978307613	2,980872138	0
une crise majeure	1,208637402	1,091552854	3,734280064	0,781288355
des conflits	0,900273601	1,052036247	1,201080598	0
l'enjeu de l'environnement	1,299015018	1,100746647	2,653304702	0,535327206
du réchauffement climatique	1,517740562	1,131371239	1,041631128	0
les conditions sont exceptionnelles	1,348691904	1,069728563	2,203367492	0,947675709

Полученные в ходе осуществления инструментального анализа результаты демонстрируются в приведенной ниже диаграмме (Рисунок 1). Горизонтальная ось представляет собой слова лексико-семантического комплекса исследуемого отрывка. Вертикальная ось содержит числовой эквивалент, отражающий указанные просодические характеристики. Отклонения от средних величин частоты основного тона, интенсивности, длительности и паузации представлены в одном столбце по каждой отдельно взятой лексической единице.

Рисунок 1

В рассматриваемой реплике содержится 36 лексических единиц, входящих в два лексико-семантических комплекса. Как видно из приведенной таблицы, частотой

основного тона отмечено 33 лексических единицы, интенсивностью – 34, паузой – 14, длительностью – 30.

Полученные данные свидетельствуют о том, что лексическими единицами, на которых происходит наибольшее отклонение по частоте основного тона от среднего показателя, являются: *président de la République* (в 1, 51 и 1, 67 раз), *de grands débats* (в 1,46 раза), *avec les Français* (в 1,52 раза), *une présidence normale* (в 1,73 раза).

Наибольшие отклонения от среднего показателя интенсивности наблюдаются в словах: *ce qui relève de la négociation* (в 1,15 раза), *président de la République* (в 1,15 раза).

Длительность паузы, наиболее превосходящая среднюю величину, присутствует перед лексемами: *une discussion* (в 2, 01 раза), *de grands débats* (в 1, 67 раза), *la representation proportionnelle* (в 1, 65 раза), *être proche du peuple* (в 1, 85 раза).

Наибольшее возрастание длительности относительно среднего показателя отмечено в следующих лексических единицах: *ce qui relève de la négociation* (в 2,27 раза), *il est légitime* (в 2,28 раза), *les élections législatives* (в 2,74 раза), *de le comprendre* (в 2,98), *une crise majeure* (в 3,73 раза).

Исходя из полученных нами в ходе инструментального анализа приведенного текста данных, можно сделать вывод о том, что выделение лексики предвыборных теледебатов, составляющих два противопоставленных друг другу семантических комплекса, отмечаются в большинстве случаев при помощи частоты основного тона и интенсивности. Пауза зачастую является дополнительным выделительным средством, сопровождая при этом другие просодические характеристики речи.

Отклонение от среднего показателя длительности неоднократно встречалось в анализируемой реплике. Тем не менее, роль длительности в качестве дополнительного средства интонационного выделения представляется наименее информативной, т.к. связана с присутствием в исследуемом пласте лексики выделительного ударения.

Несмотря на то, что подсчеты по показателям отклонений от средних величин по каждой из просодических характеристик речи производились по каждому тексту в

отдельности, наиболее частыми просодическими характеристиками всех текстов теледебатов служит отклонение частоты основного тона и изменение интенсивности.

По результатам проведенного нами инструментального анализа была составлена сводная таблица (Таблица 2), которая демонстрирует участие основных просодических характеристик речи в актуализации семантики исследуемого материала. Указанная таблица состоит из 6 столбцов. В первом столбце указан номер текста. Во втором столбце приведено количество слов в лексико-семантических комплексах. Третий столбец демонстрирует количество слов анализируемого текста, выделенных частотой основного тона. Четвертый столбец приводит те же данные относительно интенсивности. В пятом столбце указано число лексических единиц, где наблюдается отклонение от среднего значения длительности. В шестом столбце приведены результаты по измерению паузации. При подсчетах ЧОТ, интенсивности, длительности и паузы во внимание принимались величины, превышающие 1.

Таблица 2

Результаты статистической обработки инструментального анализа

Номер текста	Слов в комплексе	ЧОТ	Интенсивность	Длительность	Паузация
1	31	24	26	30	1
2	23	15	20	21	12
3	26	17	22	26	12
4	15	13	13	14	8
5	30	27	29	27	15
6	29	23	28	27	17
7	18	16	17	17	7
8	41	35	40	39	18
9	19	17	17	19	10
10	36	33	34	30	14
11	29	22	27	25	8
12	30	24	26	28	14
13	24	20	21	22	8
14	24	23	23	23	14
15	33	32	29	30	14
16	40	36	38	34	12
17	77	65	64	70	24

Лагутина А. В.

18	42	39	39	37	14
19	29	23	26	27	4
20	39	26	34	36	11
21	26	21	22	24	8
22	12	8	10	12	0
23	18	17	17	17	6
24	21	17	17	18	10
25	56	45	50	52	14
26	31	27	29	26	6
27	30	22	28	26	7
28	68	52	59	62	32
29	26	22	23	25	10
30	42	31	37	35	13
суммарны е показател и	965	792	865	879	343

Как видно из приведенной таблицы, в ходе нашего анализа было выявлено 792 случая выделения лексических единиц при помощи частоты основного тона, 865 – интенсивностью, 343 – паузой.

ВЫВОДЫ

Полученные в ходе осуществленного нами инструментального анализа данные свидетельствуют о том, что чаще всего выделение слов в двух противопоставленных друг другу семантических комплексах исследуемого материала происходит с помощью изменения мелодики и интенсивности. Величина отклонения от средних показателей указанных просодических характеристик превышает показатель в единицу на центральных моментах высказывания. Необходимо отметить, что наибольшее возрастание величины отклонения от среднего показателя наблюдается при выделении лексических единиц паузой, что свидетельствует об особом фонетическом оформлении данного стилистического пласта лексики. Его отличительной чертой является использование ораторами долгих пауз с целью акцентировать внимание электората на своей политической программе, а также

существенное изменение тона в ходе выступления с целью привлечения внимания аудитории. Несмотря на частотность, величина отклонения показателя интенсивности в большинстве текстов не превышает показатель 1,3, что свидетельствует об особом просодическом оформлении речи политических деятелей.

Список литературы

1. Блохина Л.П., Потапова Р.К. Методика анализа просодических характеристик речи. Методические рекомендации. М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1982. – 75 с.
2. Краилина Н.А. Роль темпа и пауз в рекламном тексте (на материале французской телерекламы) [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук.: 10.02.05 / Н.А. Краилина. – Москва, 2005. – 159 с.
3. Лалова Т.И. Интонация как сигнал потенциальной семантики текста (экспериментально-фонетическое исследование на материале французского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Т.И. Лалова. –Москва, 1986.–24 с.
4. Лалова Т.И. Интонация как сигнал потенциальной семантики текста [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Т.И. Лалова. Москва, 1986. – 323 с.

References

1. Blokhina L.P., Potapova R.K. *Metodika Analiza Prozodicheskikh Kharakteristik Rechi* [The Method of Analysis of Prosodic Characteristics of Speech]. Moscow: MGPIIYA imeni M.Toreza Publ., 1982. 75p.
2. Krailina N.A. *Rol Tempa i Pauz v Reklamnom Tekste (na Materiale Francuzskoi Telereklamy)* [The Role of Tempo and Pauses in the Advertising Text (Bsed on the French TV advertising)]. Diss. ... Kand. Filol. Nauk.: 10.02.05. 159 p.
3. Lalova T.I. *Intonatsiya kak Signal Potentsialnoi Semantiki Teksta (Eksperimentalno-Foneticheskoe Issledovanie na Materiale Frantsuzskogo Yazyka)* [Intonation as a Signal of Potential Text Semantics]. Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk: 10.02.05, 1986. 24 p.

4. Lalova T.I. *Intonatsiya kak Signal Potentsialnoi Semantiki Teksta* [Intonation as a signal of potential text semantics]. [Tekst]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05, 1986. – 323 p.

**PROSODIC FEATURES OF THE TEXTS OF ELECTION DEBATES IN FRANCE
(ELECTRO-ACOUSTIC ANALYSIS)**

A.V. Lagutina

Summary. This article is devoted to the description of the electroacoustic analysis texts' results excerpted from the candidates' speeches for the presidency of France during the election campaigns of 2012 and 2017 in order to identify their phono-stylistic features at the supersegment level. The objective of this experiment is to test our assumption about a special intonational allocation using the main prosodic characteristics (pitch frequency, intensity, duration and pause) of the material under study semantics. They are expressed by lexical units and stylistic techniques forming two semantic complexes opposed to each other and the basis of the replica electoral debates. The paper presents a chart that includes the results of processing acoustic data obtained using the Praat software. The course of our electro-acoustic analysis demonstrates the calculation of deviations from the average values of the main acoustic parameters that characterize the words in lexical and semantic complexes. The results obtained during the instrumental analysis confirm our assumption about the special intonational marking of the research material texts, which can serve as the basis for attributing the specified layer of vocabulary to a specific phonetic style.

Keywords: the instrumental analysis, the prosodic design, the intonational selection, the phono-stylistic features, the supra-segment level, the television debates.

УДК 81'342

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОГОВ И МОРФЕМ

(на материале немецкого и английского языков)

Петренко Д. А., Абрютина А. Ю

**Институт иностранной филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: acoolann@gmail.com**

В статье проводится контрастивный анализ структурных характеристик слогов и морфем немецкого и английского языков, рассматриваются их особенности, а также феномены, присущие каждому из них. На основе выявленных в процессе наблюдения за языками буквенных сочетаний и уже существующих исследований рассматриваются схожие черты и наиболее значимые расхождения. Объектом исследования выступают используемые комбинации согласных и гласных с учетом выдвигаемой формулы строения слога, применимой к обоим языкам. Цель работы заключается в выделении аспектов фонетических норм подверженных интерференции в области строения слога и морфемы. Поставленная цель обусловлена параметрами структуры языка, исторически сложившимися в ходе фонетического развития языковых систем. В ходе исследования было выявлено, что наиболее частыми и проблемными отличиями в рассматриваемых языках являются чередование гласных в слове, допустимость использования комбинаций [ŋ] и [g], звонкость артикуляции звуков в схожих ситуациях. Кроме того, в статье приводятся сравнительные таблицы буквенных сочетаний, используемых в современных нормах (в том числе диалектах и социолектах) как немецкого, так и английского языка.

Ключевые слова: Hochdeutsch, Received Pronunciation, фонетика, контрастивная фонология, слог, морфема, фонема

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе исследования процессов интерференции сравнения примеров становится недостаточно. Ведущие лингвисты выделяют в ходе научного познания не столько проявления самого процесса, сколько причины его возникновения. Изменение языковых норм среди социальных групп приводит к возникновению характерных особенностей. Интерференция как средство изменения языковой системы затрагивает все уровни языка, в том числе фонетический. Однако при всей изученности данной области, некоторые аспекты требуют доработки. Сюда необходимо отнести особенности структурных характеристик слога и морфемы, что является целью данной статьи. Ранее данный вопрос поднимался зарубежными исследователями [6, 7, 9, 10], которые проводили попытку вывести формулу формирования слога (например, Соня Бирзак). При этом, как говорит сам автор,

предложенная формула требовала доработки и сторонней оценки. Приводимые в схожих работах примеры также нередко оспаривались в кругах зарубежных исследователей (Чарльз Крэйдер, Альфред Чарльз Джимсон, Клаус Кохлер).

Реализация цели обусловлена решением ряда задач:

- Предложение формулы строения слога;
- Сравнение комбинаций согласных и гласных, используемых в немецком и английском языках;
- Рассмотрение фонетических и морфологических феноменов, присущих каждому языку, и причин их возникновения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Под структурными характеристиками слога понимают присущие ему фонотактические ограничения. Статус данной фонологической единицы как основы фонологического анализа неоспорим и весьма оправдан, учитывая опыт предыдущих работ в области фонетики, фонологии и языкознания в целом. В рамках данного исследования предлагается анализ структуры слога, поскольку количество допустимых комбинаций в языках значительно превышает совпадения артикуляции гласных и согласных. Возможности контрастивной фонологии, при корректном выделении проблемных для мультязычных изучающих областей, позволяют свести погрешности артикуляции звуков к минимуму и частично решить проблему интерференции.

Оба языка имеют одинаковую структуру слога, которую можно включить в своего рода формулу: центральным элементом слога следует рассматривать как минимум один гласный, перед которым может находиться до трех согласных, а количество согласных после гласного (в т.ч. трифтонга) достигает четырех. Примером минимальной структуры слога английского языка является слабая форма артикля *a*, максимальной, по мнению С. Бирзак, – *strengths* [7]. Тем не менее, это частично противоречит ранее выведенной формуле, поскольку гласным в данном случае выступает монофтонг. В качестве центрального элемента может использоваться дифтонг либо трифтонг. Несмотря на это, пример *strength* является

допустимым, поскольку лексические единицы включающие максимальное количество звуков в RP (*Received Pronunciation* – Британское нормативное произношение) отсутствуют. Учитывая возможное отсутствие примеров, в данной работе перенимается опыт использования близких по слоговой структуре слов. Главным признаком остается комбинаторность согласных. При этом дополнительно рассматривается аспект гласных.

По мнению Ч. Крейдера, английские краткие гласные в ударной позиции встречаются только в закрытом слоге [10]. Долгие гласные и дифтонги могут встречаться как перед другим согласным, так и в открытом слоге. Эту характеристику можно изобразить следующим образом:

- Допустимо: краткие монофтонги [ɪ, e, æ, ʌ, ɒ, ʊ] перед согласным;
- Допустимо: долгие монофтонги [i:, a:, ɔ:, u:, ɜ:] и дифтонги [eɪ, aɪ, ɔɪ, əʊ, aʊ, ɪə, eə, ʊə] перед согласным и на границе слога;
- Недопустимо: краткие монофтонги [ɪ, e, æ, ʌ, ɒ, ʊ] на границе слога.
- Подобное описание можно представить для немецкой фонетической системы:
- Допустимо: краткие монофтонги [ɪ, ε, a, ɔ, ʊ, œ, ʏ] перед согласным;
- Допустимо: долгие монофтонги [i:, e:, ε:, a:, o:, u:, ø:, y:] и дифтонги [aɪ, ɔɪ, aʊ] перед согласным и на границе слога;
- Недопустимо: краткие монофтонги [ɪ, ε, a, ɔ, ʊ, œ, ʏ] на границе слога.

Ч. Крейдер отталкивался от фонетической системы определенного языка (английского) и наблюдал за позиционными ограничениями ударных гласных. Такие ограничения, как показано выше, будут применяться также в ряду немецких гласных в ударном слоге. Классифицировать другие, «обычные» центральные аллофоны невозможно: ни английские [i] и [ə], ни немецкие [i], [ə], [e], [o], [u], [ø] и [y]. Кроме того, этой классификации не поддается нейтральный звук [ə].

- Недопустимо: краткие монофтонги [i, ə, e, o, u, ø, y] в открытом слоге.

Переходя к комбинаторным возможностям согласных, необходимо подчеркнуть, что контрастные анализы совместимости производятся исключительно с целью сформировать общее представление, в первую очередь для самого исследователя. Их интерпретация зависит от личного мнения автора и не является окончательно верной.

Центральным является вопрос, какие звуковые сочетания рассматривать как часть того или иного языка. Практически всегда исследователи находят комбинации, примеры употребления которых встречаются редко и не являются фонетически интегрированными (зачастую в словах иностранного происхождения и в устаревшей лексике). Проводимые в настоящее время сравнения не могут избежать несоответствия примеров широко используемой в обществе лексики, как результат могут подвергаться дискуссии. Это объяснимо с точки зрения словарного многообразия языка, но подтверждает необходимость индивидуального осмысления представленного материала. Тем не менее, любой анализ предполагает наличие фундаментальных положений, на которые можно опираться в рамках сравнения языков.

При формировании таблиц данного исследования внимание акцентировалось на следующие принципы:

- Необходимость охватить все потенциальные комбинации английского и немецкого языков;
- Наиболее употребляемая позиция сочетания в слове (начальная, центральная, конечная) не имеет первостепенного значения, как и количество морфем;
- Опираясь на опыт предыдущих исследователей, аффрикаты немецкого языка [pf], [ts], [tʃ] и [dʒ] в пределах одной морфемы рассматриваются как единый элемент.
- Редкие комбинации необходимо по-прежнему упоминать, поскольку в сравнении между языками они могут дать представление о существующих фонетических лакунах, т.е. какие фонетические комбинации недопустимы в языке;

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОГОВ И МОРФЕМ

- Комбинации, имеющие иностранное происхождение, но используемые в языке повсеместно, выделяются в отдельную категорию. В качестве примера следует назвать начальные [ʃn], [ʃm], [ʃl] и [ʃw] в англоязычных лексических единицах, заимствованных из немецкого языка, а также названиях (*schnaps*[ʃnæːps]);
- Приоритетными являются центральные аллофоны. Если это приводит к созданию фонетически нереалистичных форм, допускается отклонение в сторону периферийных аллофонов. Это особенно актуально для немецких плизивов внутри кластера.

Как результат структурная модель комбинационных соответствий немецкого и английского языков может быть выражена в таблицах:

Таблица 1. Ограничения в структуре начальных согласных

Число начальных согласных	Немецкий язык	Английский язык
0	При отсутствии согласных начальным может выступать любой гласный: напр., <i>Apfel</i>	Начальным может выступать любой гласный, однако /ʊ/ и /ʊ·ə/ встречаются по большей части в заимствованной лексике: напр., <i>unexpected</i>
1	Все согласные, с учетом возможности использования [s] и [ʃ] в центральной позиции слога: напр., <i>Tafel</i>	Использование всех согласных, кроме [ŋ], является допустимым: напр., <i>city</i>
2	<p>[p^h, b, f] + [l, ʋ] – <i>bleiben</i></p> <p>[t^h, d] + [ʋ] – <i>draußen</i></p> <p>[k^h] + [n, v, l, ʋ] – <i>Knie</i></p> <p>[g] + [n, l, ʋ] – <i>gleich</i></p> <p>[ʃ] + [p, t, m, n, v, l, ʋ] – <i>Stern</i></p> <p>[pf] + [l] – <i>Pflicht</i></p>	<p>[p, b, f] + [l, ɪ] – <i>place</i></p> <p>[t, d, θ] + [ɪ, w] – <i>twitter</i></p> <p>[k, g] + [l, ɪ, w] – <i>clear</i></p> <p>[s] + [p, t, k, f, m, n, l, w] – <i>spend</i></p> <p>[ʃ] + [l, w, m, n] – <i>slocky</i></p> <p>[p, t, k, b, d, f, v, s, m, n] + [j] / _[u:, ʊə, ɔ:, ə]* – <i>major</i></p>

	[ts] + [v] – <i>Zweifel</i>	
3	[ʃ] + [p] + [l, ʁ] – <i>Sprache</i>	[s] + [p] + [l, ɪ] – <i>splendid</i>
	[ʃ] + [t] + [ʁ] – <i>streiten</i>	[s] + [t] + [j, ɪ] – <i>strike</i>
		[s] + [k] + [j, ɪ, w] – <i>square</i>

*Возможность использования такого ряда сочетаний представлена в работе С. Бирзак [7], однако вероятность их систематического употребления в RP достаточно незначительна, что ставит под сомнение важность внесения предложенного ряда в таблицу и вызывает необходимость дальнейшего рассмотрения этого вопроса.

Таблица 2. Ограничения в структуре конечных согласных

Число конечных согласных	Немецкий язык	Английский язык
0	При отсутствии конечных согласных в ударном слоге могут использоваться исключительно долгие гласные или дифтонги	
1	Все согласные, кроме [h] и звонких шумных	Все согласные, кроме [ɹ, h, j, w] (с учетом заимствований)
2	<p>[p] + [t^h, s, ʃ]</p> <p>[t] + [s]</p> <p>[tʃ] + [t^h]</p> <p>[k, f] + [t^h, s]</p> <p>[s] + [p^h, t^h, k^h]</p> <p>[ʃ, ç, x, ç] + [t^h, s]</p> <p>[ts] + [t]</p> <p>[m] + [p^h, t^h, f, s, ʃ]</p> <p>[n] + [t^h, f, s, ʃ, ç]</p> <p>[ŋ] + [t^h, k^h, s]</p>	<p>[p, f] + [t, s, θ]</p> <p>[b, g, v, ð] + [d, z]</p> <p>[t] + [s, θ]</p> <p>[d] + [z]</p> <p>[k, θ] + [t, s]</p> <p>[s] + [p, t, k]</p> <p>[tʃ, ʃ] + [t]</p> <p>[dʒ, ʒ, z] + [d]</p> <p>[m] + [p, d, f, θ, z]</p> <p>[n] + [t, d, tʃ, dʒ, θ, s, z]</p>

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОГОВ И МОРФЕМ

	[l] + [p ^h , t ^h , k ^h , m, n, f, s, ʃ, ç] [ɸ] + [p ^h , t ^h , k ^h , m, n, f, s, ʃ, ç, l]	[ŋ] + [k, d, z] [ʰ] + [p, b, t, d, k, tʃ, dʒ, m, n, f, v, θ, s, z]
3	[-mpt], [-mpf], [-mps] [-nts], [-nft], [-nst], [-ŋkt], [-ŋks], [-ŋst] [-lps], [-lts], [-lst ^h] [-ɸps], [-ɸts], [-ɸkt ^h], [-ɸks], [-ɸft ^h], [-ɸst ^h], [-ɸçt ^h] [-pst], [-kst], [-nst], [-fts], [-çts] [-tsts]	Все глухие согласные второго уровня + [t, θ, s] Все звонкие согласные второго уровня + [d, θ, z]
4	[-ɸpst ^h], [-ksts], [-psts], [-nsts], [-ftst], [-xtst]	Все глухие согласные третьего уровня + [t, s] Все звонкие согласные третьего уровня + [d, z]

Источник: *Forschungsberichte des Instituts für Phonetik und Sprachliche Kommunikation der Universität München (FIPKM): München, № 39. – 2002. — S. 37; Biersack, S. Systematische Aussprachefehler deutscher Muttersprachler im Englischen – Eine phonetisch-phonologische Bestandsaufnahme*

Таблицы позволяют понять, что ни немецкий, ни английский языки не направлены на приоритетное использование схемы СГ (один согласный перед гласным). Оба языка имеют сложные сочетания согласных, тем самым в этой области уменьшается возможность возникновения трудностей между L1 и L2. Тем не менее, существующие различия представляют потенциальную сферу ошибок. Например, в немецком языке в начале слова может находиться только звонкий [z](не глухой [s]), в то время как в английском разрешены оба варианта артикуляции S, предполагающие различия в значении (*zoo* [zʊ:]/*Sue* [sʊ:])[1].

К этому примеру следует добавить произношение комбинаций с s в ряде английских кластеров, существующих в немецком и допускающих исключительно вариант артикуляции [ʃ]. Это приводит к нарушению норм RP – *slime*, например, будет в таком случае читаться не [slaɪm], а [ʃlaɪm]. Возникновение интерференции в

подобных случаях становится очевидным. При необходимости позиционно обусловленные различия можно выявить, проанализировав таблицы, представленные в данной работе.

Несмотря на ограниченное количество соответствующих в языках кластеров, особенно при рассмотрении морфологически идентичных слов, их можно назвать близкими. Рассматривая этот вопрос, К. Колер писал: «*Nach ... statistischen Ergebnissen liegt die häufigste Lautzahl des Einsilblers bei vier, d.h. es kommen normalerweise drei Konsonanten vor*» («По данным статистики, наиболее часто в условиях одного слога четыре звука, т.е. три согласных предшествуют гласному») [9, с. 238]. Несмотря на то, что автор изучает в первую очередь немецкую фонетическую систему, можно говорить о незначительных отличиях между языками. В английском языке это результат по большей части суффиксации, способа финального комбинирования согласных, поскольку он встречается приоритетно в би-морфемных соединениях.

Возникшая тенденция к сокращению артикуляции финальных кластеров в обоих языках показывает возможность применения редукции, что предпочтительно в подобных соединениях согласных. Так, при произношении английского числительного *fifths* нередко используется укороченная форма [fɪfs], несмотря на норму RP [fɪfθs]. В немецком языке может выпадать средний согласный [t] в кластере – *Glanz* [glants] переходит в [glans]. Несмотря на то, что в обоих языках редко прибегают к использованию варианта СГ, можно отметить, что существует как минимум тенденция к модификации языков для дальнейшего использования этой «эталонной» структуры. Обычно такие тенденции являются следствием охватывающих языки универсалий [5].

Универсалиями принято называть высказывания или закономерности, описывающие распространенные варианты языковых структур. Помимо частотности использования, в качестве аргумента для выведения универсалии рассматривают сложность артикуляции, уникальность восприятия и другие факторы. Если языковая структура соответствует универсальным закономерностям, ее называют

немаркированной, если не соответствует большинству языков – маркированной.

Рассматривая в качестве примера последовательность гласных и согласных в языковом разнообразии, можно установить, что наиболее частой является простая форма СГ. Физиологически ее артикуляция вызывает наименьшее количество сложностей и при этом предполагает возможности вариаций с использованием богатого инвентаря согласных и гласных. Следовательно, с точки зрения универсалий СГ является немаркированной формой, в то время как ранее приведенную пороговую формулу структуры слога необходимо называть маркированной.

Многообразие универсалий и их рассмотрение связано также с фонемами. Лишь некоторые из них являются «решающими» при сравнении языков, поэтому опираться необходимо в первую очередь на принципы формирования слога. Именно они показывают, насколько различается приближение английского и немецкого языков к универсалиям. Эмпирическим путем можно описать закон слогосложения следующим образом: формы СГ и С^сГ, стоящие после границы слога, являются приоритетными по сравнению с С^{с+1}Г и исключительно Г в той же позиции (соответственно менее маркированными).

Несмотря на это, английский и немецкий языки нередко уходят от этой формулы: в обоих языках распространены как слоги с начальным гласным, так позиция нескольких согласных перед гласным.

При подробном рассмотрении можно обнаружить, что в маркированных вокализированных слогах обоих языков встречаются некоторые феномены. В немецком языке к ним относят эпентезу [ʔ], в английском – изменение звуков R на границе слога (связывание). В позиции ударного слога эпентеза [ʔ] рассматривается как составляющий инвентаря согласных, поскольку является причиной вставки элементов с последующим переходом структуры слога в разряд немаркированных [3].

Возникновение связывания английского R имеет косвенное отношение к его выпадению, поскольку в диалектах, где присутствует одно явление, вероятно

появление другого (особенно в позиции последующего слога с начальной гласной).

Например, лексическая единица *carvne* контекста будет произноситься [ka:], в то время как добавление к нему вокализованного контекста *auction* изменит артикуляцию на [ka:r_ɔ:kʃn]. На данном этапе развития языка связывание внутри слова является обязательным, на границе слов – факультативным, особенно при интонационном разграничении фраз. Результатом этого феномена также станет немаркированность слога.

Хотелось бы обратить внимание, что вариации R можно добавить даже при отсутствии графемного обозначения <r> в артикулируемой позиции, обусловленного исторически существовавшей нормой. Типичным примером этого процесса является выражение *vanilla ice* [və'nɪʃl_ə'ɪs]. Встречаемый здесь [ɹ] классифицируется как интрузивный r, использование которого не является обязательным. В разговорном языке предпочтительно опущение [ɹ]. Если же он реализуется, то результатом будет возникновение немаркированного слога. Это объяснимо тем, что нормы RP превалируют над существующей стратегией «избегания» слогов с начальными гласными (маркированных случаев); другой причиной может являться редкость использования интрузивного r. В таком случае следует говорить о возможности проверить особенности феномена, в условиях начального гласного слога/слова, эмпирическим путем и изучить все виды связывания. По мнению Р. Арнольда и К. Хансона [6], любой согласный звук может быть связан с последующим вокализованным слогом, при условии сохранения его фонетических признаков. Отличия между немецким и английским языками можно обнаружить на часто используемом примере: англ. *Anne ate an egg* – нем. *Ann aß ein Ei*. Если данные выражения протранскрибировать после артикуляции носителем языка, то английский вариант будет [æ'n_ɛt_ən_ɛg], немецкий – [ʔana ʔa:s ʔaɪn ʔaɪ]. Различия достаточно заметны и обозначают важные языковые признаки [2].

В английском при стечении нескольких гласных, а также в интервокальной позиции, может появляться слабый скользящий звук. Если первым гласным

выступает [ɪ], [i̇], [ī], [e'ɪ], [a'ɪ] или [ɔ'ɪ], то скользящий будет иметь оттенок [ʲ]; если же первым гласным является [ʊ̇], [ʊ̄], [ə'ʊ] или [a'ʊ], роль скользящего выполняет [w̄]. В качестве примера следует назвать *mayask* [me'ɪ̇ɑ:sk], *nowand* [na'ʊ̇w̄ənd].

Открытым остается вопрос сохранения границы слов в подобных соединениях. Фактически, такое различие должно существовать в каждом языке, с целью разграничения омофонов. Согласно А. К. Джимсону, существуют два решающих фактора: фонетические признаки, отличающие начало артикуляции определенного звука и его окончания, а также начальная точка того или иного словесного ударения. По его мнению, согласные в середине и окончании слога будут слабее, в некоторых случаях короче, чем в начале. Если финальный согласный связан с последующим слогом, его артикуляция становится еще слабее (и короче) в сравнении с начальным согласным [8]. В некоторых случаях характеристики конечного согласного сохраняются: например, *illegal* [ɪ̇, li̇:g†] и *ill eagle* [ɪ̇†, i̇:g†]. Ударение является не менее важным аспектом: реализация ударения в выражении *a name* начинается уже на назальном звуке, в то время как в *an aim* начало приходится на дифтонг [e'ɪ]. При необходимости слог с начальным гласным можно разобрать без дополнительного контекста. Чередование артиклей *a* и *an*, а также *the* [ðə]/[ði̇], по всей видимости, мотивировано потенциальным стечением конечного слога.

Фактически, «отношение» к слогу с начальным гласным представляет окончательное отличие между английской фонетической нормой, особенно RP, и немецкой. Следовательно, оба языка подчиняются одному принципу формирования структуры слога.

Параллельно с характеристиками структуры слога можно рассмотреть фонологические эффекты, присущие морфемной структуре того или иного слова. В английском языке интерес представляют в первую очередь три феномена: конгруэнтность артикуляции в кластере слов, образованных суффиксально, морфемные комбинации [ŋ] и [g], а также морфофонемное чередование вариаций гласных.

Первый названный феномен относится к факту, что английская морфема {s} (используемая в 3 лице ед. ч., форме множественного числа существительных и редуцированной форме is) и {-(e)d} (прошедшее время и пассив) имеют по три формы реализации – [-s], [-z], [-ɪz] и [-t], [-d], [-ɪd]. Стоящее за выбором необходимого варианта правило не представляет каких-либо трудностей, однако оно не тождественно немецкому языку: глухой вариант следует за глухим звуком (*cough* [kɒf] – *coughs* [kɒfs], *pick* [pɪk] – *picked* [pɪkt]), звонкий вариант следует за звонким звуком (*come* [kʌm] – *comes* [kʌmz], *pill* [pɪl] – *pilled* [pɪld]), вокализированный вариант следует за всеми морфемами, оканчивающимися на [s, z, ʃ, ʒ, t, d, tʃ, dʒ] (*fudge* [ˈfʌdʒ] – *fudges* [ˈfʌdʒɪz], *expect* [ɪkˈspekt] – *expected* [ɪkˈspektɪd]). Небольшое отклонение касается только существительного *house*. В единственном числе оно произносится с глухим финальным звуком, переходящим в звонкий при артикуляции множественного числа – *house* [haʊs]/*houses* [haʊzɪz]. Такой принцип конгруэнтности возникает исключительно при связывании морфем, и не свойствен лексическим формам.

Второй обозначенный феномен также не имеет выражения в немецком языке. Вероятность использования немецкого [ŋ] в тождественной английскому позиции достаточно низка. Причиной тому является не позиционное ограничение использования [g], а факт, что он не является частью последующей морфемы. В английском же применение данной комбинации с [ŋ] на границе слога означает, что это не синхронная морфемная граница (например, англ. *England* [ˈɪŋɡlənd] и нем. *England* [ˈɪŋɡlənd]). Единственное исключение, по мнению А. К. Джимсона [8], составляет суффиксация сравнительной и превосходной формы прилагательных, где в одноморфемном слове с двумя слогами встречается эпентеза [g]: *long* [lɒŋ] – *longer* [ˈlɒŋɡə] – *longest* [ˈlɒŋɡɪst].

Чередование гласных, обусловленное морфемными структурами, является финальным феноменом, обсуждаемым в рамках данной работы. Оно встречается только в однокоренных словах и может быть рассмотрено на следующих примерах:

- [aːɪ] – [ɪ], напр. в *type* [taːɪp] – *typical* [tɪpɪkəl];
- [iː] – [e], напр. в *athlete* [ˈæθliːt] – *athletic* [ˈæθletɪk];
- [eːɪ] – [æː], напр. в *volcano* [vɒlˈkeɪnəʊ] – *volcanic* [vɒlˈkænɪk];
- [əʊ] – [ɒ], напр. в *nose* [nəʊz] – *nostril* [ˈnɒstrəl];
- [aːʊ] – [ʌ], напр. в *pronounce* [prəˈnaʊns] – *pronunciation* [prəˈnʌnsiːʃn] [1].

Изначально подобные качественные изменения имели исключительно количественное выражение и возникали по причине различий в ритмических структурах. Длинные и, соответственно, ритмически более сложные слова артикулировались в таких позициях с использованием кратких гласных, короткие – с долгими гласными. Благодаря фонетическим изменениям, произошедшим в английском языке в 14-15 веках и связанным с ним становлением английской фонетической системы, возникло качественное чередование гласных [4].

Немецкий язык, в котором такой сдвиг не произошел, в сравниваемых парах слов представляет только количественные изменения: *Politik* – *politisch*.

ВЫВОДЫ

Таким образом, контрастивный анализ структур слога и морфемы между рассматриваемыми языками позволил выделить наибольшие расхождения и присущие нормам RP и Hochdeutsch (литературный немецкий язык) особенности. Несмотря на близость рассматриваемых германских языков, исторические процессы внесли свой вклад в формирование языковых систем и их современные нормы. Аспект формирования слогов и морфем нередко остается вне процесса изучения, результатом чего становится орфографическая интерференция, за которой может следовать аттриция.

Изучение этого аспекта как составной части процессов code-switching является актуальным и необходимым в сфере современных лингвистических исследований, поскольку позволяет более подробно ознакомиться с процессами фонетической интерференции в условиях глобализации и мультилингвизма. Благодаря пониманию особенностей языка можно не только повысить уровень языковой компетенции, но и минимизировать смешение кодов у билингов.

Список литературы

1. Аврутин, С. Усвоение языка [Текст] / С. Аврутин. – Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: МГУ, 1997. – 480 с.
2. Джапаридзе, З. Н. Перцептивная фонетика (основные вопросы) [Текст] / З. Н. Джапаридзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1985. – 117 с.
3. Зиндер, Л. Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка [Текст] / Л. Р. Зиндер. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 160 с.
4. Иванова, И. П. История английского языка: Учебник. Хрестоматия. Словарь [Текст] / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян, Т. М. Беляева. – 3-е изд. — СПб.: 2006. – 512 с.
5. Чугаева, Т. Н. Лингвистические основы аудирования английской речи (к постановке проблемы) [Текст] / Т. Н. Чугаева // Материалы XXXIV Междунар. филол. конф., СПб., 4-19 марта 2005 г. – СПб.: СПбГУ, 2005. – Вып. 10, ч. 2. – С. 32 – 42.
6. Arnold, R. Englische Phonetik [Text] / R. Arnold, K. Hansen. – Leipzig, Berlin, München: Langenscheidt, 1996.– 246 S.
7. Biersack, S. Systematische Aussprachefehler deutscher Muttersprachler im Englischen – Eine phonetisch-phonologische Bestandsaufnahme [Text] / S. Biersack // Forschungsberichte des Instituts für Phonetik und Sprachliche Kommunikation der Universität München (FIPKM): München. – 2002. – № 39 – 93 S.
8. Gimson, A.C. Gimson's Pronunciation of English [Text] / A.C. Gimson // Revised by Alan Cruttenden. London: Arnold, 1994. – 410 p.

9. Kohler, K. Einführung in die Phonetik des Deutschen [Text] / K. Kohler // 2. neubearbeitete Auflage. – Berlin: Erich Schmidt, 1995. – 249 S.
10. Kreidler, C. The Pronunciation of English – A Coursebook in Phonology [Text] / C. Kreidler // Oxford: Blackwell, 1989. – 308 p.

References

1. Avrutin S. *Usvoenie Yazyka. Fundamentalnye Napravleniya Sovremennoi Amerikanskoi Lingvistiki* [Language Learning. Fundamental Directions of Modern American Linguistics]. Moscow: MGU Publ., 1997. 480 p.
2. Dzhaparidze Z. N. *Pertseptivnaya Fonetika (Osnovnye Voprosy)* [Perceptual Phonetic (Main Questions)]. Tbilisi: Mecniereba Publ., 1985. 117 p.
3. Zinder L. R. *Teoreticheskii Kurs Fonetiki Sovremennogo Nemetskogo Yazyka* [Theoretical Course of Modern German Phonetic]. Saint-Petersburg: SPbGU Publ., 1997. 160 p.
4. Ivanova I. P. *Istoriya Angliiskogo Yazyka: Uchebnik. Hrestomatiya. Slovar.* [The History of English Language: Students Book, Reader, Dictionary]. Saint-Petersburg, 2006. 512 p.
5. Chugaeva T. N. *Lingvisticheskie Osnovy Audirovaniya Angliiskoi Rechi (k Postanovke Problemy)* [Linguistic Bases of English Speech Listening Practice (to the Problem Statement)]. *Mat. XXXIV Int. fil. kon., Saint-Petersburg, 4-19 march 2005*. Saint-Petersburg: SPbGU Publ., 2005, E. 10, p. 2, pp. 32 – 42.
6. Arnold R. *Englische Phonetik* [English phonetic]. Leipzig, Berlin, München: Langenscheidt Publ., 1996. 246 p.
7. Biersack S. *Systematische Aussprachefehler deutscher Muttersprachler im Englischen – Eine phonetisch-phonologische Bestandsaufnahme* [Systematic Pronunciation Mistakes in English by German native speakers – Phonetic-Phonological Inventory]. Scientific branch of phonetic and language communication institute of München University (FIPKM): München, 2002, pp. 39 – 93.

8. Gimson A.C. *Gimson's Pronunciation of English*. Revised by Alan Cruttenden. London: Arnold Publ., 1994. 410 p.
9. Kokhler K. *Einführung in die Phonetik des Deutschen* [Introduction to the German Phonetic]. Berlin: Erich Schmidt Publ., 1995. 249 p.
10. Kreidler C. *The Pronunciation of English – A Coursebook in Phonology*. Oxford: Blackwell Publ., 1989. 308 p.

STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF SYLLABLES AND MORPHEMES (ON THE MATERIAL OF GERMAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Petrenko D. A., Abriutina A. Yu.

Summary. In the article authors state contest analysis of syllable and morpheme characteristics in German and English languages, look through main peculiarities as well as phenomena which every consists. On the base of found letter compatibilities and already written studies authors consider common features and main differences. Objects of current study are vocal and consonant combinations, taking into account suggested syllable structure formulation, which may be used for both languages. The aim of current work is to point out phonetic norms in field of syllable and morpheme structure, which may undergo interference process. The set aim was caused by language structure parameters, historically built during language system development. While the study was in process, it was found that the most often and problem areas in languages under investigation are vocal alternation in words, acceptance of [ŋ] and [g] combination use, sonority of sound articulation in similar positions. Moreover, in the article authors suggest comparative charts of letter combinations, used in modern German and English language norms (including dialects and sociolects).

Keywords: Hochdeutsch, Received Pronunciation, phonetic, contractive phonology, syllable, morpheme, phoneme.

УДК 82.09:82-1 Шуф В.А.

ТВОРЧЕСТВО В. А. ШУФА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ

Петрунина А. Е.

**Институт педагогического образования и менеджмента (филиал), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Армянск, Россия
E-mail: alena-petrunina@bk.ru**

В статье рассматриваются литературно-критические работы рубежа XIX—XX веков, посвященные оценке творчества В. А. Шуфа как поэта, прозаика, публициста. В.А. Шуф (1865—1913) — забытый русский писатель Серебряного века, лауреат Пушкинской премии 1909 года. Лирические и прозаические произведения писателя публиковались на страницах различных газет и журналов с 1884 года («Вестник Европы», «Новое Время», «Петербургский листок», «Нива», «Русское богатство», «Неделя», «Шут», «Осколки» и др.), отдельными изданиями при жизни литератора вышли в печать его 12 произведений. В работе представлен в хронологической последовательности анализ критических статей его современников М.О. Меньшикова, А.Н. Пыпина, А.М. Редько, К.К. Романова, С.Н. Сыромятникова, Е.А. Соловьева, Н.А. Энгельгардта, опубликованных в журналах «Вестник Европы» и «Русское богатство», а также «Сборнике Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук».

Ключевые слова: В. А. Шуф, литературная критика, русская литература рубежа XIX—XX веков.

ВВЕДЕНИЕ

Владимир Александрович Шуф (1865—1913) — забытый русский поэт, прозаик, переводчик и публицист рубежа XIX-XX веков, лауреат Пушкинской премии 1909 года. Несмотря на то, что В. А. Шуф является писателем «второго ряда», его произведения оказали влияние на развитие культурной и литературной жизни России. Писатель был знаком с А. А. Фетом, С. Я. Надсоном, К. К. Романовым, В. С. Соловьевым, К. Д. Бальмонтом, И. А. Буниним, А. П. Чеховым и др.; посещал литературные вечера «Пятницы К. К. Случевского» [9]. По мнению Н. С. Титовой, роман «Кто идет?» и одноименный сонет В. А. Шуфа оказали влияние на создание А. А. Блоком поэмы «Двенадцать» [12; 13].

Лирические и прозаические произведения писателя публиковались на страницах различных газет и журналов с 1884 года («Вестник Европы», «Новое Время», «Петербургский листок», «Нива», «Русское богатство», «Неделя», «Шут», «Осколки» и др.), отдельными изданиями при жизни литератора вышли в печать его 12 произведений.

Нам представляется важным для понимания места В. А. Шуфа в историко-литературном процессе необходимость обратить внимание на оценку творчества писателя его современниками. Поэтому **целью** данной статьи является систематизация и анализ отечественных литературно-критических работ о жизни и творчестве В. А. Шуфа, написанных на рубеже XIX—XX веков.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Изучение творческого наследия В. А. Шуфа в отечественном литературоведении началось еще при жизни автора. Его литературной деятельности посвящено несколько рецензий, опубликованных в журналах «Вестник Европы» (1898, Т. 190) [11] и «Русское богатство» (1898, № 6; 1906, № 11) [10; 5]. В культурном наследии русской литературы осталась статья «Берегите здоровье» (1913) публициста и общественного деятеля М. О. Меньшикова [3]. Предисловие книги В. А. Шуфа «Могила Азиса. Крымские легенды и рассказы» (1895) [16], написанное Сигмой [Сыромятниковым С. Н. — *А. П.*], также важно для составления полного представления о творчестве писателя. Интересно и «Письмо к автору» Н. А. Энгельгардта (1910) [15], предвещающее сборник «Гексаметры», посвященный В. А. Шуфом, в конечном итоге, автору «Письма». Но наиболее значимым и серьезным трудом среди литературной критики, опубликованной при жизни писателя, на наш взгляд, является «Критический разбор книги В. Шуфа: “В край иной...”» К. К. Романова (1907) [7].

Первой рецензией на творчество В. А. Шуфа, в частности, на сборник «Могила Азиса. Крымские легенды и рассказы», стало предисловие к данному произведению, написанное Сергеем Николаевичем Сыромятниковым (1864—1933), писателем, публицистом, в те годы плотно сотрудничавшим с «Новым временем», и, в последствии, общественным деятелем, членом-учредителем «Русского собрания».

Сигма, а именно под таким псевдонимом была опубликована рецензия, обратил внимание читателей на то, что в книге В. А. Шуф рассказывает не об известном его современникам по газетам, путеводителям и картинам художников курорте с чудесной природой, виноградом, пылью, скучающими дамами и молодыми татарами,

жаждущими их покровительства, а впервые раскрывает «думы и чувства дикого, некультурного, не зараженного Москвой, Петербургом или Одессой татарского Крыма, который неохотно показывается туристу» [16, с.7]. Именно то, что В. А. Шуф старался передать в своих рассказах нравы и обычаи крымско-татарского народа, «разгадать и опозитизировать его душу» [16, с. 8], С. Н. Сыромятников считает главной заслугой писателя. Впоследствии он отмечает, что это даже «не только заслуга, это обязанность русского художника» [16, с. 11]— рассказать о думах и стремлениях вымирающего, неграмотного и не имеющего своей истории народа. При прочтении статьи следует, безусловно, учитывать, что критик придерживался националистических и монархических взглядов, а потому эта точка зрения нашла свое отражение в предисловии. На наш взгляд, С. Н. Сыромятников пристрастен, в книге «Могила Азиса. Крымские легенды и рассказы» крымские татары отнюдь не выглядят ни глупым, ни вымирающим народом, а его богатая история нашла свое отражение в преданиях, записанных В. А. Шуфом.

Хотя автор предисловия хорошо относится к поэту, подчеркивает к нему свое дружеское расположение, неоднократно называя того своим приятелем, он при этом указывает, что сборник легенд не лишен недостатков «молодого, еще не вполне выработавшегося таланта» [16, с. 10]. Но несмотря на это, рецензию С. Н. Сыромятникова на книгу «Могила Азиса. Крымские легенды и рассказы» можно считать положительной.

В журнале «Вестник Европы» за апрель-май 1898 года (том 190) в рубрике «Литературное обозрение» была опубликована критическая статья под названием «На Востоке, Влад. Шуфа», подписанная «Т.» [11]. Под этим псевдонимом, согласно электронному научному изданию «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей», скрывается имя Александра Николаевича Пыпина (1833—1904), литературоведа, этнографа, академика Петербургской Академии наук [4].

В статье идет речь о книге «На Востоке. Записки корреспондента о греко-турецкой войне», которая вышла в печать в 1897 году. Автор рецензии указывает на то, что В. А. Шуф до опубликования этого произведения известен был, прежде всего,

как поэт, и книга «На Востоке» — первая, в которой он предстает в роли корреспондента. При этом А. Н. Пыпин замечает, что «прежний поэт сказывается <...> и в корреспонденте» [11, с. 862] и «рассказ г. Шуфа не есть деловое наблюдение фактов и отношений, а скорее передача непосредственных впечатлений» [11, с. 862]. Рецензент указывает на важнейший, по его мнению, недостаток книги — необъективность, то есть благожелательное отношение не к грекам, а туркам: «для корреспондента, и может быть особенно русского, была обязательна справедливость» [11, с. 863]. А. Н. Пыпин с иронией говорит о том, что главным тезисом, который проходит красной нитью сквозь всю книгу, является мысль: «греки — вздорные эгоисты, которые не хотят обращать внимания на желания “Европы”» [11, с. 863]. При этом он указывает на тот факт, что в русском обществе еще совсем недавно высказывалось сочувствие к «греческому вопросу», и В. А. Шуфу это обязательно необходимо было учитывать при описании событий греко-турецкой войны.

Надо сказать, что рецензия в «Вестнике Европы» на книгу В. А. Шуфа носит отрицательный характер. А. Н. Пыпин перечисляет большое количество, по его мнению, недостатков произведения — это и незнание автором исторических событий, легших в основу военного конфликта, и неприятие «греческого патриотизма», которое высказывает корреспондент в следующих строках: «С какой стати нам, русским, руководиться греческим патриотизмом? У нас есть свои национальные задачи» [11, с. 864]. А. Н. Пыпин не согласен ни с замечаниями о греческом народе, высказанными в книге В. А. Шуфом, ни со «стараниями автора быть остроумным» [11, с. 866].

В июне 1898 года в журнале «Русское богатство» (1898, № 6) выходит рецензия на опубликованный в этом же году роман в стихах «Сварогов». Автор статьи в журнале не указан, но опираясь на работу М. Д. Эльзона, мы установили, что рецензентом был Евгений Андреевич Соловьев (1863—1905) [17, с. 661], русский писатель и критик.

Уже с первых строк становится понятна неоднозначность оценки автором работы В. А. Шуфа как писателя. С одной стороны, Е. А. Соловьев отмечает, что роман написан пошло, с другой стороны, в книге есть «строки, как будто написанные

другим человеком со всеми признаками, если не настоящего творчества, то все же яркого впечатления» [10, с. 71], а потому он недоумевает: «Зачем же шутки шутить?» [10, с. 71]. В. А. Шуф, по мнению критика, побивает «рекорд всероссийской пошлости» [10, с. 71], описывая под прозрачными псевдонимами участников некоего литературного обеда: «Тут что ни строка, то перл, достойный жетона с приличной надписью» [10, с. 71]. Е. А. Соловьев отмечает желание автора раздражить читателей «атмосферой отдельных кабинетов, сомнительных будуаров, русско-татарскими отношениями курортных крымских дам» [10, с. 71], которое с негативной точки зрения характеризует как поэта, так и его произведение, и жалеет, что В. А. Шуф растрачивает свою крупицу дарования, которой слепо наделила его природа.

Рецензент называет роман в стихах «Сварогов» незаконнорожденным ребенком Евгения Онегина, а главного героя романа не то литератором, способным разобраться с врагами при помощи пяти строками, не то фокусником, не то шулером, совершающего подвиги на широкую ногу «по амурной части» [10, с. 71] и вскоре погибшего.

Завершается рецензия на книгу весьма однозначно, констатируя отрицательное отношение Е. А. Соловьева к произведению: «Сварогов умер. Мир же праху его, а кстати и роману, носящему его имя» [10, с. 71].

В 1906 году в рубрике «Новые книги» журнала «Русское богатство» (1906, № 11) была опубликована анонимная рецензия на новое произведение В. А. Шуфа — сборник сонетов «В край иной», опубликованное в этом же 1906 году. Автором статьи был Александр Мефодьевич Редько (1866—1933) [17, с. 677], критик и публицист, литературовед, этнограф, придерживающийся социалистических взглядов, как, собственно, и редакция журнала «Русское богатство».

Стоит отметить, что начало сборника сонетов предваряет небольшое предисловие-обращение автора «Читателю», в котором писатель говорит: «В книге этой рассказана история души, ищущей Бога. От неверия и агностицизма, полного сомнений, от разбитых святынь прошлого длинный путь ведет к вере, в край иной...» [25]. А. М. Редько же, вступая в полемику с автором, саркастично называет поэтический сборник не иначе, как «сонетопротокол о прибытии и о местных

достопримечательностях» [5, с.146], недоумевая, каким образом путешествия В. А. Шуфа могут быть связаны с поисками Бога. Критик вообще дает весьма нелестную характеристику всему сборнику (пожалуй, за исключением сонета «Смирна»): «С своей стороны, мы не рискнули бы посоветовать читать сонеты г. Шуфа даже и поштучно, даже и в целях развлечения» [5, с. 146].

Обращает внимание А. М. Редько в своей рецензии и на сонет «Штутгарт», подчеркивая несоответствие содержания произведения как всему сборнику, так и политическим убеждениям В. А. Шуфа: «воспевший — в целом цикле стихотворений — русскую «рать великую, родную» и ее «вождя» в «горестную пору» войны, — вдруг, совершенно неожиданно, заявляет, что он, собственно говоря, вюртембержец и что поэтому ему до России нет никакого дела» [5, с. 146]. Именно поэтому В. А. Шуф с долей насмешки представлен как «русский патриот, баян войны и искатель Бога» [5, с. 147], а критик невольно задается вопросом, «каким именно нежным словом подарили опрометчиво-откровенного поэта гг. Меньшиков и Буренин, которым автор сборника посвятил по особому сонету, в знак уважения одного русского патриота к двум другим русским патриотам» [5, с. 147].

Последняя фраза весьма ярко указывает на монархические взгляды (которых придерживались указанные в статье и М. О. Меньшиков, и В. П. Буренин, и В. А. Шуф), идущие вразрез с социалистическим курсом журнала «Русское богатство». Потому желание побольнее «уколоть» писателя вполне объяснимо.

Тем не менее, известно, что М.О. Меньшиков написал отзыв на сборник «В край иной...», опубликовав его в газете «Новое Время» за август 1898 года. Отзыв был, по-видимому, действительно наполнен «нежными словами», да такими, что заставили обратить внимание на творчество В. А. Шуфа внимание великого князя Константина Константиновича Романова (1858—1915), президента Императорской Санкт-Петербургской академии наук, поэта, переводчика и драматурга, публиковавшего свои работы под криптонимом «К. Р.».

Об этом факте можно судить, опираясь на дневниковые записи князя. При их прочтении создается впечатление, что о существовании и такого поэта, как В. А. Шуф, и его сборника сонетов «В край иной» К. Р. узнал из газеты «Новое

Время»: «Прочел на днях в фельетоне Меньшикова в «Нов[ом] Времени» о новой книжке сонетов некоего Владимира Шуфа» [2]. В последствии князь приобретает книгу и не пожалеет об этом решении. О впечатлении от прочтения сборника в дневнике К. Р. есть запись от 28 августа 1906 года: «Целых 200 сонетов. Есть очень милые, изящные, образные. Удивляюсь легкости, с какою даются они автору. Каждое путешествие, напр[имер], в Египет, в Палестину, дарит ему целый ряд вдохновений, и он облакает в сонеты один за другим встречаемые на пути предметы. Завидую этой способности так легко и часто вдохновляться» [2, с.132]. Интересно отметить тот факт, что критик указывает и на образность лирики, и на передачу в произведениях прежде всего непосредственных впечатлений, то есть на те же особенности произведений В. А. Шуфа, о которых было уже сказано до этого 8 лет назад в статье «Вестника Европы» А. Н. Пыпиным [11].

По-видимому, сонеты поэта настолько понравились К. Р., что тот 17 сентября 1906 года в своем дневнике делает запись: «Хочу написать для разряда изящной словесности статью о сонетах Владимира Шуфа, среди которых есть превосходные» [2, с. 144].

Над своей статьей критик работает с 19 сентября по 29 декабря 1906 года (по старому стилю). Если судить по дневнику великого князя, то писал он с перерывами, и большая часть статьи создана в конце ноября-начале декабря 1906 года. 28 декабря рецензент пишет: «Свой критический разбор книги Шуфа я довел до конца; оставалось приписать заключение, т.е. на основании § 15-го Постановлений о Разряде изящной словесности представить автора к почетному отзыву Академии» [2, с. 212—213]. Дневниковая запись следующего дня, от 29 декабря завершается фразой: «Кончил свою работу о сонетах Шуфа» [2, с. 213].

Любопытно, что когда работа была почти написана, К. Р. получил в подарок от литератора новую книгу: «Владимир Шуф прислал мне изящно переплетенную свою книгу «В край иной...Сонеты». Он не подозревает, что я пишу ее разбор» (запись от 21 декабря 1906) [2, с.207].

«Критический разбор книги В. Шуфа: "В край иной"» трижды был опубликован (в 1907 [7], 1912 [8] и 1915 [6] годах), и именно благодаря работе К. Р. сборнику «В

край иной» В. А. Шуфа присудили 28 февраля 1909 года (по старому стилю) почетный Пушкинский отзыв на восемнадцатом присуждении премии А. С. Пушкина [1].

Работа К. Р. состоит из 5 разделов. В первом разделе «Критического разбора» автор благосклонно называет сборник сонетов «В край иной» «отрадным явлением» [7, с. 1] современной ему литературы и хотя указывает на тот факт, что сборник не лишен недостатков, считает, что «около четверти книжки “В край иной” содержит в себе изящные и по мысли, и по изложению поэтические создания» [7, с. 1]. Следует отметить то, что прежде чем перейти собственно к разбору сборника сонетов, К. Р. дает характеристику ранее написанным лирическим произведениям В. А. Шуфа, «как более удобным для сравнения с последним сборником стихов» [7, с. 1], тем самым стараясь проследить эволюцию В. А. Шуфа как поэта.

Роман в стихах «Сварогов», опубликованный в 1898 году, удостоивается от критика весьма нелестного отзыва: «Нужен изрядный запас терпения, чтобы осилить 399 страниц этого игривого, с потугами на остроумие, полного пошлостей и тривиальности, плоского романа» [7, с. 2]. К. Р. указывает и на пошлостное содержание романа (любовные похождения главного героя), и на обилие неудачных каламбуров, и на использование большого количества иностранных слов, часто неоправданное.

Более благосклонно критик отнесся к «Крымским стихотворениям» (1899, издание 2-е, дополненное). По сравнению с романом «Сварогов» князь посчитал этот сборник «шагом вперед», хотя и там, по его мнению, встречались стихотворения с претензией на юмор и поражающие пошлостью [7, с. 5]. К. Р. отметил стихотворения «Вечер», «Утро», «Весна», «Северная ночь», «Как я тебя люблю?», но больше всего ему понравилось «Чатырдаг»: «В этих стихах, очевидно навеянных «спором» Лермонтова, есть несомненно и поэзия, и образность» [7, с. 6]. Указал критик и на некоторые недостатки в сборнике: неуместное употребление слов, неправдоподобность отдельных деталей, неблагозвучие некоторых строк в поэме «В царстве снов».

К. Р. в первом разделе «Критического разбора» также уделит внимание поэмам, опубликованным в сборнике «Крымские стихотворения». И если «Чабан» названа

довольно удачной, то произведение «В царстве снов» оценено негативно. «Поэма «Баклан», по мнению критика, написана «гладкими стихами, а содержание ее просто, естественно и передано достаточно поэтично» [7, с. 7].

Еще одно поэтическое произведение В. А. Шуфа, которое упоминает критик, — это поэма «Гибель Шемахи» (1902). И хотя автор говорит, что написано неплохо, «это стихотворение не оставляет сильного впечатления, какого мы бы вправе ожидать от нее, судя по заглавию» [7, с. 8].

Второй раздел «Критического разбора», как и последующие, посвящен уже анализу самого сборника сонетов. В начале раздела К. Р. указывает на слабую связь между произведениями, по его мнению, слишком внешнюю, обусловленную только тем, что сонеты написаны под впечатлениями от странствий поэта, а внутренней связи (то есть, по теме) нет. «Внутренней же связи в этих сонетах не заметно, если не принять во внимание, что безверие тщетно побуждает автора искать божества и в буддизме, и в законе Моисея, и в Алькоране, и в греческих мифах, а истинная вера просыпается у поэта в Святой Земле» [7, с. 9].

Затем автор разбирает основные недостатки сборника сонетов. Он указывает на попытки писателя быть остроумным, неоправданное использование иностранных слов вместо русских, некоторую незавершенность сонетов, из-за которой у читателя остается неясное впечатление о произведении. Критик также акцентирует внимание на встречающихся в сборнике неблагозвучии, неправильном ударении, нестрогих рифмах.

Тем не менее, в третьем разделе К. Р. обращает внимание читателя на то, что у В. А. Шуфа в сборнике «В край иной» есть и хорошие сонеты (их, по мнению автора, не менее пятидесяти).

Следует отметить, что анализ сборника сонетов подчинен не его композиционному своеобразие, а тематике произведений. В третьем разделе критик разбирает сонеты, посвященные изображению природы («Прости», «На родине», «Бронзовые кони» и др.), в четвертом — войне, в пятом — вере.

К. Р. отмечает разнообразие сонетов по их содержанию: есть и описание городов, и степных просторов, и моря. В сборнике можно найти обращения к художникам,

любовную лирику, стихотворения, посвященные революции. Тем не менее, критик более подробно останавливается на лирике, посвященной морю, отдавая должное V, XII, XXXII и СБХVII сонетам и восхищаясь, как В. А. Шуфу море «удалось изобразить <...> звучными, блестящими стихами» [7, с. 17].

Обращает внимание читателей автор и на сонеты VIII, XIV, XV, поэтично называя их «пестрыми картинами Востока» и «яркими акварелями» [7, с. 18]. Интересно, что анализируя XIV сонет, посвященный Царьграду, К. Р. проводит параллели с творчеством А. А. Фета и А.С. Хомякова.

Неравнодушным остается писатель и к отдельным сонетам, посвященным Греции («Пирей», «Акрополь», «Олимп», «Элевзис») и Египту («Мумия», «Фонтан Клеопатры»). Их он цитирует, называя прелестными и изящными [7, с. 19—22].

Четвертый раздел «Критического разбора» посвящен рубрике сборника «Война», о которой К. Р. написал: «Нельзя не приветствовать автора за прекрасные стихи, в которых он воспел скорбную годину, пережитую всеми нами с острою, жгучею болью в душе, с трепетными надеждами на победу, с горьким разочарованием поражений, со слезами о павших и тоскою за покинутых ими» [7, с. 22—23].

Восхищаясь стихотворениями и цитируя их («Перед битвой», «На сопках», «Кто идет», «В Гаоляне» и т.п.), великий князь не отказывает поэту в художественном чутье и ставит в заслугу В. А. Шуфу чувство меры: несмотря на правдивое изображение войны, писатель стремится к художественности и о некоторых жутких подробностях умалчивает, не превращая сонеты в «анатомический театр» [7, с. 27].

В пятом разделе «Критического разбора» идет речь о «вопросах веры», которые, согласно вступлению, являются центральными для произведения. К. Р. обращает внимание читателя на метания души, ищущей Бога, — от безверия (сонет «Агностик») к надежде и сомнениям (сонеты «Сомненье», «Отчаяние»), а затем к жажде души заполнить собственную пустоту. Критик отмечает, что в сборнике «чем дальше, тем чаще встречаются признания, в которых звучит потребность молитвы, а следовательно и веры» [7, с. 32]. Окончательную точку в поисках поэтом Бога ставит прибытие писателя в Иерусалим. Именно после этого, по словам критика, «сомнения

рассеиваются, как утренний туман под лучами солнца; вечный образ Распятого предстал перед поэтом во всей славе» [7, с. 33]. В конце концов, вера торжествует, и из предпоследнего сонета сборника «В край иной» мы узнаем, что поиски веры закончены и увенчались успехом.

В конце своего «Критического разбора» автор делает вывод о том, что В. А. Шуф растет как поэт, и недостатков в последней книге значительно меньше по сравнению с его ранними лирическими произведениями. К. Р., сетуя на ранние произведения поэта, весьма лестно отзывается о сборнике сонетов В. А. Шуфа: «В наше же время, когда истинная поэзия большая редкость, нельзя не радоваться появлению хороших стихотворений, а такими следует назвать по крайней мере 50 сонетов книги “В край иной...”. Если бы г. Шуф предстал перед нами с одними этими 50-ю сонетами, мы должны были бы признать в нем истинного поэта» [7, с. 37]. Таким образом, несмотря на обилие указанных недостатков, К. Р. делает, в целом, положительный отзыв на сборник сонетов «В край иной».

Еще одной положительной рецензией является предисловие к сборнику В. А. Шуфа «Гекзаметры» (1912) [15]. Вызывает недоумение тот факт, что данное предисловие — «Письмо к автору» Н. А. Энгельгардта — датировано 1910 годом, когда поэт только начинал писать это произведение. К сожалению, в истории литературы, особенно, если это касается В. А. Шуфа, еще много нераскрытых тайн. Мы можем только предполагать, опираясь на доступное нам предисловие к книге, о том, что Н. А. Энгельгардт помогал советом литератору: «Подлинно поэтические строфы вашей книги творились при некоторых созвучиях духа и мгновениях единомыслия между нами» [15], а потому был знаком с лирическими произведениями писателя еще до их опубликования.

Написана работа, как уже понятно из названия, в форме письма к В. А. Шуфу. Критик неоднократно обращается к поэту, и в этих строках чувствуется теплая, дружеская симпатия. Неслучайно, книга посвящена «другу и учителю Николаю Александровичу ЭНГЕЛЬГАРДТУ» [15]. При этом нельзя не отметить богатый, живой, образный, насыщенный метафорами язык статьи.

Из предисловия становится понятно, что критик написал его по просьбе автора книги для того, чтобы «высказанные мысли отчасти давали публике прозаический ключ к <...> поэзии» [15], но несмотря на это Н. А. Энгельгардт обещает быть объективным.

В начале своей работы автор поэтично указывает на тот факт, что именно содержание произведения определило форму, а потому «вдохновение, которое, по моему, явно почиет на ваших новых стихах, избрало своею формою гекзаметры потому, что именно в них нашло свое воплощение» [15].

Критик весьма лестно отзывается о поэтическом таланте В. А. Шуфа: «Вы взяли древний гекзаметр и окрылили его рифмами на концах и на цезурах. Вы надели золотой пояс и золотые цепи на вольного сына Эллады...» [15], отмечая, что поэт следует традиции В. Жуковского, но добавляет «романтический блеск и перезвон» [15], и потому мелодичность гекзаметра позволяет с точностью передать и пение соловья, и порывы чувств, и буйство стихии...

Н. А. Энгельгардт говорит в статье о том, что единство формы связало между собой изображение различных картин, а потому «Гекзаметры», по мнению критика, представляют собой автобиографическую «поэму в трех частях, род поэтического дневника, где все картины рассказывают историю сердца поэта, эпопею восхождения в разнообразных переживаниях от роскошного, себялюбивого пира юности и плоти к высшим прозрениям духа, через терны пресыщения, страдания, раскаяния, любви и ненависти» [15].

Автор «Письма к автору» указывает на связь сборника «Гекзаметры» с символизмом, обращая внимание на изображение у В. А. Шуфа магии стихий природы, неких демонов, которые являются в образе волн, заката, скал, шума лесов и повествуют о прошлом. Именно эти рассказы облакает писатель в слова.

Подчеркивает Н. А. Энгельгардт и автобиографичность произведения, напоминая о тяжелой судьбе автора, давшей материал для сборника: «В вашем сердце, в мысли и духе медленная кристаллизация жизни дала эту дружину многогранных гекзаметров» [15]. И далее опять возвращается к символистскому учению В. С. Соловьева: «Вы свои камни, собранные по пропастям жизни, возносите

к Короне вселенной. Порыв, воплощенный в них, струится огнистым разливом к порогу вечности...» [15].

Следует отметить, что критик в своем «Письме» задается вопросом о своевременности издания «Гекзаметров», напоминая, что 1912 год весьма неспокоен. Однако Н. А. Энгельгардт сам же и отвечает, что несмотря на смуту, нравственное падение общества, политическую обстановку книга найдет своего читателя с кроткой, религиозной душой: «...Молодые и старые глаза отшельников жизни будут читать вашу книгу; молодые и старые сердца отзовутся на ее певучие строфы, а улица... будет реветь за стеной глухонемым демоном хаоса» [15].

Таким образом, в предисловии «Письмо к автору» к книге «Гекзаметры» Н. А. Энгельгардт очень лестно отзывается и о поэтическом таланте В. А. Шуфа, и о самом сборнике, указывая на совершенство формы, автобиографичность произведения, символистские тенденции в лирике и, несмотря на трудную политическую обстановку, актуальность.

В литературном наследии сохранилась статья «Берегите здоровье» публициста и общественного деятеля М. О. Меньшикова [3], упоминающая о В. А. Шуфе и написанная незадолго после его кончины, в ноябре 1913 года.

Прежде чем приступить к разбору статьи, следует отметить, что она носит поучающий характер: автор затрагивает проблему алкоголизма, в числе прочих, приводя в качестве примера факты из жизни поэта. Мы не будем затрагивать вопросы о вреде алкоголя, курения и необходимости беречь себя, особенно при заболевании чахоткой, — в работе критика нас будут интересовать, прежде всего, подробности жизни поэта и оценка его творчества М. О. Меньшиковым.

Из текста становится понятно, что автор статьи был не просто знаком с В. А. Шуфом и его творчеством (вспомним, например, судьбоносный фельетон в «Новом Времени» 1906 года), не только работал вместе с ним в журнале «Новое Время», но и приятельствовал, бывал у поэта дома «на шашлыках», часто встречался с ним за игрой в шахматы [3].

М. О. Меньшиков называет В. А. Шуфа уроженцем Смоленска, указывая, что жил тот, мечась между Крымом и Петербургом. Помимо этого, в статье есть

упоминания о командировках В. А. Шуфа в Грецию, Маньчжурию, Персию, Турцию; о его заболевании туберкулезом; о «некогда большом состоянии и многих друзьях» [3, с. 407]. Проскальзывают сведения о посиделках, проводимых на квартире у поэта, где собиралась разномастная компания из писателей и художников, где можно было встретить дипломата, военного или «какого-нибудь “чемпиона мира” с пещку величиной» [3, с. 408].

Тем не менее, нам представляется наиболее интересным, прежде всего, отзыв М. О. Меньшикова о Владимире Александровиче Шуфе как о писателе. Критик считал, что у него «был, хоть не слишком крупный, но все же истинный талант, т.е. тот дух-утешитель, который преодолевает все бедствия» [3, с. 407]. Автор статьи проводит весьма интересную аналогию, говоря о В. А. Шуфе и как о поэте, и как о публицисте: «Это был, конечно, не соловей поэзии, вроде Пушкина, и не томная иволга, вроде Лермонтова. Я назвал бы его простым скворушкой, птичкой скромной, но несомненно певчей, умеющей исподтишка насвистывать удивительно иногда милые и трогательные трели <...> В той же степени не крупного, но симпатичного таланта покойный «Борей» владел пером и журнального хроникера, и беллетриста» [3, с. 407].

Безусловно, статья М. О. Меньшикова «Берегите здоровье» не является рецензией ни на одно произведение В. А. Шуфа, однако эта работа интересна освещением некоторых подробностей жизни поэта, а также замечательным отзывом о его писательском даре.

ВЫВОДЫ

Таким образом, литературно-критические работы современников В. А. Шуфа — К. К. Романова, А. Н. Пыпина, М. О. Меньшикова, Н. А. Энгельгардта, С. Н. Сыромятникова, Е. А. Соловьева, А. М. Редько, — опубликованные при жизни автора, представляют собой анализ лирических и прозаических произведений писателя. Несмотря на указанные ими недостатки произведений (не всегда уместный юмор, неоправданное использование иностранных слов вместо русских, плохо подобранные рифмы), большинство критиков отмечали образность поэзии,

разнообразное тематическое содержание лирических произведений, способность В. А. Шуфа передать тончайшие переживания души. Наибольшее количество положительных отзывов получили поэтические сборники «Крымские стихотворения» и «В край иной».

Список литературы

1. Восемнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1909 года [Электронный ресурс]// Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук; НЭБ — Национальная электронная библиотека. — СПб, 1912. — Т. 89, [№ 1-6 (1911), 7-8 (1912)]. — 830 с. — Режим доступа: http://нэб.рф/catalog/005664_000048_RuPRLIB12050381/viewer/?page=402. — (Дата обращения: 24.05.2018).
2. Дневник великого князя Константина Константиновича. 1906-1907 гг. [Текст]/ Сост., автор предисловия, комментариев и биографического справочника Т.А. Лобашкова. — М.: ООО «Буки Веди», 2015. — 560 с.
3. Меньшиков, М.О. Русское пробуждение [Текст] / М.О. Меньшиков; под ред. В.С. Чижевского. — М.: Книжный мир, 2007. — 416 с.
4. Псевдоним: Т. [Электронный ресурс] // ЭНИ «СЛОВАТЬ ПСЕВДОНИМОВ» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/masanov/map/0.htm?cmd=0>. — (Дата обращения: 24.05.2018).
5. Редько, А.М. Владимир Шуф. В край иной... [Текст] / А. М. Редько // Русское богатство. — 1906. — № 11. — С.146—147. — Рец. на сборник: Шуф, В. А. В край иной... Сонеты / В. А. Шуф. — СПб. — 1906.
6. Романов, К. (К.Р.). Критические отзывы [Электронный ресурс] / К. Романов (К.Р.); Российская государственная библиотека — онлайн просмотр документа. — Петроград, 1915. — Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005422742#?page=1>. — (Дата обращения: 24.05.2018).
7. Романов, К. К. Критический разбор книги В. Шуфа: «В край иной» [Электронный ресурс]/ К. К. Романов; Российская государственная библиотека — онлайн просмотр документа. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. — 37 с. — Режим

- доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005422738#?page=1>. — (Дата обращения: 24.05.2018).
8. Романов, К. К. Критический разбор книги В. Шуфа: «В край иной» [Электронный ресурс] / К. К. Романов // Восемнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1909 года // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук; НЭБ — Национальная электронная библиотека. — СПб., 1912. — Т. 89, [№ 1-6 (1911), 7-8 (1912)]. — С.89-125. — Режим доступа: http://нэб.рф/catalog/005664_000048_RuPRLIB12050381/viewer/?page=473. — (Дата обращения: 24.05.2018).
 9. Смиренский, В. К. К истории «пятниц» К. К. Случевского [Текст] / В. К. Смиренский // Русская литература. — 1965. — № 3. — С. 216-226.
 10. Соловьев, Е. А. Вл. Шуф. Сварогов [Текст] / Е. А. Соловьев // Русское богатство. — 1898. — № 6. — С. 70—72. — Рец. на роман в стихах: Шуф, В. А. Сварогов / В. А. Шуф. — СПб. — 1898.
 11. Т. [Пыпин А.Н.] На Востоке, Влад. Шуфа [Текст] / Т. [Пыпин А.Н.] // Вестник Европы. — 1898. — Т. 190. — С. 862—867. — Рец. на: Шуф, В. А.(Борей) На Востоке. Записки корреспондента о греко-турецкой войне / В. А. Шуф (Борей). — СПб. — 1897.
 12. Титова, Н.С. Значение творчества В. А. Сумбатова для духовно-нравственного воспитания гражданина России [Электронный ресурс] / Н. С. Титова // Вестник Новгородского государственного университета; eLibrary — Научная электронная библиотека. — 2017. — № 2 (100) — С. 74-78. — Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_29114408_79374215.pdf. — (Дата обращения: 24.05.2018).
 13. Титова, Н.С. Образ революции в творчестве В. А. Сумбатова: диалог с В. А. Шуфом и А. А. Блоком [Текст] / Н.С. Титова // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — С. 132—142.

14. Шуф, В.А. В край иной...: Сонеты [Электронный ресурс] / В. А. Шуф. — Санкт-Петербург: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. — 220, VIII с. — Режим доступа: <http://v-shuf.narod.ru/knigi.htm>. — (Дата обращения: 24.05.2018).
15. Шуф, В.А. Гекзаметры: [Электронный ресурс] / В. А. Шуф. — Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1912. — VIII, 118 с. — Режим доступа: <http://v-shuf.narod.ru/knigi.htm>. — (Дата обращения: 24.05.2018).
16. Шуф, В.А. Могила Азиса : Крым. легенды и рассказы [Электронный ресурс] / В. А. Шуф. — Санкт-Петербург: Т-во экон. тип.-лит. Панфилова и Палибина, 1895. — XII, 368 с.— Режим доступа: <http://v-shuf.narod.ru/knigi.htm>. — (Дата обращения: 24.05.2018).
17. Эльзон, М.Д. Литературная критика и история литературы в журнале «Русское богатство» (1895-1918). Хронологический указатель анонимных рецензий с открытием авторства [Текст] / М.Д. Эльзон // Литературное наследство. — 1977. — С. 656—691.

References

1. Vosemnadsatoe prisuzhdenie premiy imeni A. S. Pushkina 1909 goda [The eighteenth award of the Pushkin prize in 1909]. Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk. Saint-Petersburg, 1912. Vol. 89. 830 p. Available at: http://нэб.рф/catalog/005664_000048_RuPRLIB12050381/viewer/?page=402. (accessed 24 May 2018).
2. Dnevnik velikogo knyazya Konstantina Konstantinovicha. 1906-1907 [The diary of Grand prince Konstantin Konstantinovich] / Compilation, Foreword, commentaries and biographical reference Т. А. Lobastova. Moscow: Buki Vedi Publ.,2015. 560 p.
3. Menshikov M.O. Russkoe probuzhdenie [Russian awakening]. Moscow: Knizhnyy mir Publ.,2007. 416 p.
4. Psevdonim: Т. [Pseudonym: Т.]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/masanov/map/0.htm?cmd=0>. (accessed 24 May 2018).
5. Redko A.M. V kray inoy... [Vladimir Shuf. At the other edge...] Russkoe bogatstvo, 1906. no 11. pp. 146—147.

6. Romanov K. (K.R.). Kriticheskie otzvyvy [Critical analysis]. Saint-Petersburg, 1915. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005422742#?page=1>. (accessed 24 May 2018).
7. Romanov K. K. (K.R.). Kriticheskiy razbor knigi V. Shufa: "V kray inoy" [Critical analysis of the book of V. Shouf "At the edge of another"]. Saint-Petersburg, 1907. 37 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005422738#?page=1>. (accessed 24 May 2018).
8. Romanov K. K. (K.R.). Kriticheskiy razbor knigi V. Shufa: "V kray inoy" [Critical analysis of the book of V. Shouf "At the edge of another"] Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk. Saint-Petersburg, 1912. Vol. 89. 830 p. Available at: http://нэб.рф/catalog/005664_000048_RuPRLIB12050381/viewer/?page=473. (accessed 24 May 2018).
9. Smirenskiy V. K. K istorii «pyatnits» K. K. Sluchevskogo [For history "pyatnits" K. K. Sluchevsky] Russkaya literature, 1965. no 3. pp. 216—226.
10. Solovev Ye. A. Vl. Shuf. Svarogov [Vl. Shuf. Svarogov] Russkoe bogatstvo, 1898. no 6. pp. 70—72.
11. T. [Pypin A.N.] Na Vostoke, Vlad. Shufa [In the East] Vestnik Yevropy, 1898. Vol. 190. pp. 862—867.
12. Titova N.S. Znachenie tvorchestva V. A. Sumbatova dlya dukhovno-nravstvennogo vospitaniya grazhdanina Rossii [Value of creativity of V. A. Sumbatov for spiritual and moral education of the citizen of Russia] Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. no 2 (100). pp. 74-78.
13. Titova N.S. Obraz revolyutsii v tvorchestve V. A. Sumbatova: dialog s V. A. Shufom i A. A. Blokom [The image of the revolution in the works of V. A. Sumbatov: dialogue with V. A. Schoof, and A. A. Blok] Russkaya revolyutsiya 1917 goda v literaturnykh istochnikakh i dokumentakh. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ.,2017. pp. 132—142.
14. Shouf V.A. V kray inoy...: Sonety [At the other edge...: Sonnets]. St. Petersburg: Association of R. Golik and A. Vilborg, 1906. 228 p. Available at: <http://v-shuf.narod.ru/knigi.htm>. (accessed 24 May 2018).

15. Shouf V.A. Gekzametry [The hexameters]. St. Petersburg: Printing House of A.S. Suvorin, 1912. 126 p. Available at: <http://v-shuf.narod.ru/knigi.htm>. (accessed 24 May 2018).
16. Shouf V.A. Mogila Azisa. Krymskie legendy i rasskazy [Azises Tomb. Crimean legends and stories]. St. Petersburg: Panfilov and Palibin's Typography. 380 p. Available at: <http://v-shuf.narod.ru/knigi.htm>. (accessed 24 May 2018).
17. Elzon M.D. Literaturnaya kritika i istoriya literatury v zhurnale «Russkoe bogatstvo» (1895-1918). Khronologicheskii ukazatel anonimnykh retsenziy s otkrytiem avtorstva [Literary criticism and history of literature in the journal " Russkoe bogatstvo" (1895-1918). Chronological index of anonymous reviews with the opening of authorship] Literaturnoe nasledstvo, 1977. pp. 656—691.

THE WORK OF V. A. SHOUF IN THE ESTIMATION OF HIS CONTEMPORARIES

A. E. Petrunina

The article discusses the literary-critical works of 19—20 centuries, dedicated to the evaluation of creative work of V. A. Shouf as a poet, novelist, journalist. V. A. Shouf (1865—1913) is the forgotten Russian writer of the Silver age, the winner of the Pushkin prize of 1909. Lyrical and prose works of the writer were published on the pages of various Newspapers and magazines since 1884 ("Yevropa's Vestnik ", "Novoe Vremya ", " Peterburgskij listok", "Niva", "Russkoe bogatstvo", "Nedelya", "Shut", "Oskolki", etc.), separate editions during the life of the writer came out to print his 12 works. The paper presents a chronological analysis of critical articles of his contemporaries M. O. Menshikov, A. N. Pypin, A. M. Redko, K. K. Romanov, S. N. Syromyatnikov, E. A. Solovyov, N. A. Engelhardt, published in such journals as "Yevropa's Vestnik " and "Russkoe bogatstvo", " Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk".

Keywords: V. A. Shouf, literary criticism, Russian literature of the turn of 19—20 centuries.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ

видного российского учёного и организатора науки,
члена редколлегии научного журнала «Учёные записки КФУ
имени В. И. Вернадского. Филологические науки»
Василия Ивановича Супруна

Василий Иванович Супрун – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Родился 25 октября 1948 года, в 1971 году с отличием закончил филологический факультет Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. А. Жданова (ныне Санкт-Петербургский государственный университет), получив квалификацию «филолог-славист, переводчик, учитель русского языка и литературы».

В 1974–1977 годах В. И. Супрун учился в аспирантуре Ленинградского государственного университета. Защитил фундаментальную кандидатскую диссертацию «Семантическая и словообразовательная структура славянских этнонимов» (Ленинград, март 1977) и блестящую докторскую «Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал» (Волгоград, май 2000).

Василий Иванович – талантливый, увлечённый и академически яркий учёный, автор свыше 600 научных публикаций, его работы многократно цитируются электронными библиотеками, имеют высокий научными индексами.

В. И. Супрун – заместитель главного редактора Известий ВГСПУ, член редколлегии научного журнала «Учёные записки КФУ имени В. И. Вернадского. Филологические науки», а также редколлегий журналов Московского областного

государственного университета, Тамбовского государственного университета им. Державина (серия "Филологические науки и культурология"), Петрозаводского университета.

Василий Иванович консультировал докторантов и руководил десятками аспирантов. Его ученики успешно защищают диссертации не только в России, но и в Китае, Германии, Чехии и Нигерии.

Лекции и семинары В. И. Супруна для студентов, магистрантов и аспирантов востребованы ведущими профильными вузами ЕС и ЕАЭС и дальнего зарубежья: Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы), Чанчуньский университет и Тяньцзиньский университет иностранных языков (КНР), Западно-Чешский университет (Пльзень, Чехия), Русенский университет (Болгария), Донецкий национальный университет, Самарский государственный университет, Калмыцкий государственный университет (Элиста), Башкирский государственный университет (Уфа).

В. И. Супрун – активный участник и координатор международных научных встреч в Крыму (Кроссдисциплинарный Форум по прикладной когнитивистике «Когниция. Коммуникация. Культура», Международный симпозиум «Ретроспектива филологии в информационном обществе знаний», Международные Крымские Михайловские литературно-онوماстические чтения).

Рады поздравить Василия Ивановича с юбилеем! К своей круглой дате он подошел на пике физических и интеллектуальных сил, энергии и творческих замыслов. Желаем Вам много новых свершений и успехов. Здоровья и благополучия Вам и Вашим близким. Профессиональных успехов в решении всегда актуальных филологических задач!

Редколлегия

АВТОРЫ

Абрютина Анна Юрьевна – бакалавр кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, декан факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Горюнов Валерий Валерьевич – магистрант кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания Евпаторийского института социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Евпатория, Россия

Гусейнова Руслана Низамиевна – старший преподаватель кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Дубинкина Александра Олеговна – магистр филологических наук, преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Зайцева Ирина Павловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Зябрева Галина Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Иванова Наталья Павловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Калугина Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Россия

Касьяненко Наталья Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, Донецкая народная республика

Курьянов Сергей Олегович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лагутина Анна Викторовна – соискатель, Московский государственный областной университет (МГОУ), г. Москва, Россия

Машкова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

АВТОРЫ

Осадчая Татьяна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта, Россия

Петренко Даниил Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии Института иностранной филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Петрунина Алена Евгеньевна — ассистент кафедры гуманитарных наук Института педагогического образования и менеджмента (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского» в г. Армянске, г. Армянск, Россия

Роговнева Юлия Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина», г. Москва, Россия

Шалина (Кустовская) Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания Евпаторийского института социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Евпатория, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Зябрева Г. А.

КОНЦЕПТ «КРЫМ» В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.....3

Курьянов С. О.

РОЛЬ «УКРАИНСКИХ МЕЛОДИЙ» Н. А. МАРКЕВИЧА В ФОРМИРОВАНИИ
УКРАИНСКОГО ТЕКСТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....14

Александрова И. В.

ДИАЛОГ С ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ В ПРОЗЕ М. Н. ЗАГОСКИНА СТАТЬЯ И
РОМАН «ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ».....36

Иванова Н. П.

ПУШКИНСКИЙ МИФ В КРЫМСКОМ ТЕКСТЕ РУССКИХ
ПОЭТОВ XIX–XX ВВ.....51

Машикова Е. Е.

СОЦИАЛЬНАЯ МАСКА КРЕСТЬЯНИНА В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОЗЕ
1920-1930-Х ГОДОВ.....66

Орехов В. В.

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ «РАСХОЖДЕНИЕ»: ОБРАЗ МАЗЕПЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
А. С. ПУШКИНА И В. ГЮГО.....86

Осадчая Т. Ю.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО ЖАНРА «ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКИЙ РОМАН» В
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....107

Шалина М. А., Горюнов В. В.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГАЙТО ГАЗДАНОВА.....130

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Зайцева И. П., Дубинкина А. О.

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ «ОДИН»
В АНГЛИЙСКОМ И ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКАХ
(СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....151

Касьяненко Н. Е.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ XVIII В.:
«АНАТОМИКО-ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ» 1783 г.
Н. М. МАКСИМОВИЧА-АМБОДИКА.....168

Роговнева Ю. В.

ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ РЕПРОДУКТИВНОСТИ В
НЕФИКЦИОНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ.....187

**3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

Гусейнова Р. Н.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭТНОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА..... 200

Калугина Т. В.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СМЫСЛА
«ВРЕМЯ» В ПУБЛИЦИСТИКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНФОРМАГЕНТСТВА «НЬЮС-
ФРОНТ»).....210

Лагутина А. В.

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТОВ
ВО ФРАНЦИИ (ЭЛЕКТРО-АКУСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ).....224

Петренко Д. А, Абрютин А. Ю

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОГОВ И МОРФЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ
НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)..... 236

Петрунина А. Е.

ТВОРЧЕСТВО В. А. ШУФА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ.....252

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ.....	271
АВТОРЫ.....	273